

ԵՐԵՎԱՆԻ ՊԵՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ՀԱՅԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

YEREVAN STATE UNIVERSITY
INSTITUTE FOR ARMENIAN STUDIES

ՀԱՅԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԻՎՐՅԵՐ

ՀԱՆԴԵՍ

2 (5)

ARMENOLOGICAL ISSUES

BULLETIN

ԵՐԵՎԱՆ – YEREVAN

ԵՊՀ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ – YSU PRESS

2015

Հանդեսը լույս է տեսնում տարեկան երեք անգամ
Հրատարակվում է 2014 թվականից

The Bulletin is published thrice a year.
It has been published since 2014

Գլխավոր խմբագիր՝ **Միմոնյան Ա. Հ.**

Խմբագրական խորհուրդ՝

Ավագյան Ա. Ա.

Ավետիսյան Լ. Վ. (գլխավոր
խմբագրի տեղակալ)

Ավետիսյան Հ. Գ.

Ավետիսյան Յու. Ս.

Բայրամյան Հ. Ս.

Բարդակչյան Գ. (ԱՄՆ)

Դեղեյան Ժ. (Ֆրանսիա)

Դրոսթ-Արզարյան Ա. Գ.
(Գերմանիա)

Զարբարյան Ս. Ա.

Հայրունի Ա. Ն.

Հովհաննիսյան Մ. Ս.

Հովսեփյան Լ. Ս.

Ղարիբյան Ա. Ա.

Մարգարյան Հ. Գ.

Մինասյան Է. Գ.

Մուրադյան Ս. Պ.

Պողոսյան Վ. Ա. (պատասխա-
նատու քարտուղար)

Սայադով Ս. Մ. (Ռուսաստան)

Սաֆարյան Ա. Վ.

Տազեյան Ա. (Լիբանան)

Editor-in-chief: **Simonyan A.**

Editorial Board:

Avagyan A.

Avetisyan H.

Avetisyan L. (Deputy editor-in-
chief)

Avetisyan Y.

Bardakchian G. (USA)

Bayramyan H.

Dakessian A. (Lebanon)

Dedeyan G. (France)

Drost-Abgaryan A. (Germany)

Gharibyan A.

Hayruni A.

Hovhannisyán M.

Hovsepyan L.

Margaryan H.

Minasyan E.

Muradyan S.

Poghosyan V. (Executive
Secretary)

Safaryan A.

Sayadov S. (Russia)

Zakaryan S.

БОРИС КАГАНОВИЧ

С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ И Н. Я. МАРР: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Ключевые слова – С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, В. Р. Розен, Российская Академия наук, Петербургский университет, Эрмитаж, востоковедение, Кавказ

Сын генерала, предки которого в начале XVIII века переселились из Германии в Россию, Сергей Федорович Ольденбург и приехавший с Кавказа сын «великобританского подданного» Николай Яковлевич Марр были не только крупнейшими русскими востоковедами своего времени, но и виднейшими фигурами научной и общественной жизни России первой трети XX века¹. Они были почти сверстники: С. Ф. Ольденбург родился в 1863 г., Н. Я. Марр в 1864 г., умерли оба в 1934 г. Оба окончили факультет восточных языков Петербургского университета, оба были потом профессорами этого университета и академиками – сначала Императорской Академии наук, а затем Академии наук СССР. Ольденбург был по специальности индологом, Марр – кавказоведом, но деятельность обоих выходила далеко за пределы их прямой специальности – в случае Ольденбурга это была прежде всего огромная научно-организационная работа, в случае Марра – общее языкознание. Они были связаны тысячами нитей, но при этом были очень разными людьми и очень разными учеными.

Думается, что для историка науки было бы интересно проследить историю их взаимоотношений и присмотреться внимательнее к тому, что сближало и что разделяло этих двух больших ученых.

С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр, несомненно, были знакомы с первых студенческих лет, но особой близости между ними в то время, по-видимому, не было. Ольденбург учился на санскритско-персидском разряде восточного факультета, Марр – на армяно-грузинском, посещая занятия и на других отделениях. И Ольденбург и Марр всегда подчеркивали большую роль, которую сыграл в их научной жизни академик В. Р. Розен, и считали себя его учениками. Как известно, Розен занимал в Петербургском университете и в Академии наук кафедру арабистики. Активный, живой, умный и сердечный человек с широким кругом интересов, он был организатором на европейских принципах всего

¹ См.: Каганович Б. С., Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. Изд. 2-е, испр. СПб., 2013. Наиболее ценной биографической работой о Н. Я. Марре остается вышедшая тремя изданиями книга В. А. Миханковой (1892-1952), которая много лет была личным секретарем Марра, а затем заведовала его кабинетом в Институте истории материальной культуры АН СССР. Далее мы цитируем, в основном, последнее, расширенное издание: Миханкова В. А., Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л., 1949.

русского востоковедения и играл большую роль на факультете¹. Непосредственными учителями Ольденбурга по его специальности были санскритолог И. П. Минаев и отчасти иранист К. Г. Залеман, но в конце своей жизни Сергей Федорович писал: «Первым моим настоящим руководителем оказался не индианист, а арабист, учитель целого поколения русских востоковедов В. Р. Розен»².

Не меньшую, а, может быть, и большую роль сыграл Розен в судьбе Марра, у которого сложились очень напряженные отношения с занимавшим кафедру грузинской филологии профессором А. А. Цагарели. Своим оставлением при университете и защитой магистерской диссертации он был обязан, главным образом, Розену. До конца своих дней Марр, будучи уже создателем «нового учения о языке» и членом ВКП (б), с большой теплотой вспоминал Розена и созданную им «блестящую востоковедную школу, составлявшую гордость императорской России»³. Следует также отметить, что огромное влияние и на Ольденбурга, и на Марра оказали научные концепции и методы А. Н. Веселовского.

С течением времени отношения между Ольденбургом и Марром стали вполне дружественными, хотя близкими личными друзьями они не были никогда. Спустя много лет, в связи с юбилеем Ольденбурга, Марр писал: «Профессорская работа С. Ф. Ольденбурга началась до или, правильнее будет сказать, без официального признания его профессором, когда он еще в звании “оставленного при университете” или “приват-доцента”, тогда одинаково из беспризорного класса молодых научных работников, собирал молодежь, искавшую свежих знаний, и, руководя техникой перевода санскритских текстов, делился своей широкой осведомленностью по востоковедной и вообще литературоведной работе на Западе. Приношу юбиляру от всех тогдашних аспирантов, в том числе вашего покорного слуги, пользовавшихся вашими кабинетными лекциями, где так щедро расточались знания общего характера и по сравнительному методу, увязывавшему нас не с физиологической фонетикой и не европеизированием норм восточного мышления, лишь стадияльно отличного от западной философии, а с установкой сравнительного метода таким нашим в прошлом колоссом литературоведения, как акад. А. Н. Веселовский»⁴.

Н. Я. Марр, как известно, очень рано стал проявлять интерес к лингвистике и высказывать неортодоксальные лингвистические идеи. Так, мысль о родстве грузинского языка с семитическими была впервые высказана им в 1886 г. Розен

¹ Свою книгу по истории русской арабистики И. Ю. Крачковский посвятил 100-летию со дня рождения В. Р. Розена, «любимого учителя Марра, Бартольда, Ольденбурга, Коковцова». См.: **Крачковский И. Ю.**, Очерки по истории русской арабистики, М.-Л., 1950, с. 3. См. также: Переписка В. Р. Розена и С. Ф. Ольденбурга (1887-1907), Неизвестные страницы отечественного востоковедения, М., Восточная лит-ра, 2004, вып. 2, с. 201-399. Переписка Розена с Марром, подготовленная к печати в 1940-е гг. В. А. Миханковой, издана пока лишь частично: Переписка Н. Я. Марра и барона В. Р. Розена (Из архивного наследия В. А. Миханковой), Христианский Восток, СПб., 2009, т. 5 (11), с. 454-502.

² **Ольденбург С. Ф.**, Мысли о научном творчестве. Год 16-й. Альманах 2, М., ГИХЛ, 1933, с. 423.

³ **Марр Н. Я.**, Доистория, преистория, история и мышление, Л., 1933, с. 21-22, 29.

⁴ **Марр Н. Я.**, Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия, Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. 1882-1932. Сб. ст., Л., 1934, с. 10-11.

его таких интересов и такого направления ума не поддерживал. Незадолго до смерти, в одном из последних своих выступлений, Марр говорил: «Опять приходится вспомнить учителя моего В. Р. Розена, сказать кстати, относившегося с изумлением к моему упорному равнодушию к истории, увлечению лингвистикой»¹. Вероятно, дело было не столько в антипатии Розена к лингвистике как таковой, сколько в том, что построения Марра противоречили основным постулатам классического языкознания. Позднее академик К. Г. Залеман говорил Марру: «Я не согласен с Вами. У Вас все звуки переходят во все звуки»².

С. Ф. Ольденбург, который как санскритолог был хорошо знаком с основами сравнительно-исторического языкознания, разделял позицию своих – и Марра – учителей. 7 февраля 1894 г. он писал из Парижа Розену: «На днях я познакомился еще с несколькими ориенталистами, из которых двое – Chavannes

С. Ф. Ольденбург

и Meillet (ориенталист и главным образом лингвист, но с очень широким филологическим образованием) мне очень понравились. Последний говорил о Марре, и я был доволен (хотя и огорчен за Марра), что он безусловно отрицает его лингвистические вещи – он выразился очень сильно: *des fantaisies stupéfiantes et n'y a pas de linguistique dedans*³; зато он отозвался очень сочувственно об его филологических занятиях. Хорошо, если бы Вы сообщили об этом Марру, может быть, он присяжного и очень умного лингвиста послушает больше, чем нас, филологов»⁴.

Это, однако, не мешало В. Р. Розену, С. Ф. Ольденбургу и другим крупнейшим петербургским востоковедам убежденно поддерживать работы Марра по средневековой грузинской и армянской литературе. 23 мая 1899 г. Ольденбург и Залеман выступили официальными оппонентами на защите в Петербургском университете магистерской диссертации Н. Я. Марра «Сборники притч Вартана. Материалы для истории средневековой армянской литературы», (СПб., 1894-1899, т. 1-3), которая в основе своей выросла в кругу идей и методов А. Н. Веселовского. Выступление Ольденбурга не было опубликовано, но спустя много лет Марр приводил запомнившееся ему замечание, которое он считал очень важным для себя: «Памятная мысль востоковеда С. Ф. Ольденбурга была сформулирована в виде

¹ Марр Н. Я., Доистория, преистория, история и мышление, с. 24. Ср.: Марр Н. Я., Барон В. Р. Розен и православный Восток, Памяти барона В. Р. Розена, СПб., 1909, с. 27.

² Миханкова В. А., указ. соч., с. 159.

³ Поразительные фантазии, в которых нет лингвистики (франц.).

⁴ Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее: ПФА РАН), ф. 208, оп. 3, д. 496 а, л. 124. Письмо это частично цит. в кн.: Миханкова В. А., указ. соч., с. 31.

вопроса: “Почему изучаемая вами средневековая литература трактуется как восточная, когда она по многим устанавливаемым у вас данным и западная, не менее западная, чем восточная”»¹.

Переписка С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра показывает, что Ольденбург и позднее (с 1904 г. в качестве непеременимого секретаря Академии наук) поддерживал научную деятельность Марра, в частности, его раскопки древнего армянского города Ани².

Именно С. Ф. Ольденбургом была составлена записка о научных трудах Н. Я. Марра при избрании последнего в академики, в которой высоко оценивались достижения Марра в области армяно-грузинской филологии и археологии. Кроме Ольденбурга, записку подписали еще восемь академиков (В. В. Радлов, К. Г. Залеман, П. К. Коковцов, М. А. Дьяконов, В. В. Латышев, В. П. Никитин, А. С. Лаппо-Данилевский, И. И. Янжул), и в начале 1909 г. Марр был избран в Академию наук на кафедру, освободившуюся после смерти В. Р. Розена³.

Приведем письмо С. Ф. Ольденбурга к Н. Я. Марру от 26 июня 1912 г., которое выявляет его подход к исследованиям в области сравнительной мифологии и литературоведения (большая часть их переписки носит деловой характер).

«Дорогой Николай Яковлевич,

Не писал Вам, пока окончательно не прояснилось. Пережили мы очень тяжелое время. Наши штаты чуть не погибли в Гос. Совете; потребовалась очень интенсивная деятельность, чтобы остановить надвигающуюся грозу⁴.

Прочел Dahlmann'a новую книжку о путешествии св. Фомы в Индию⁵, ужасно жалко, что нет времени: так хотелось бы написать методологическую рецензию. Dahlmann иезуит и очень ученый и в логике искушенный, но как только источник начинает иссякать, а тезис (об историческом характере легенды) ему оставлять не хочется, начинается обход препятствий, вместо их устранения. При этом относящееся к одним столетиям переносится свободно на другие. Все-таки книга умная, полезная и вполне научная»⁶.

¹ **Марр Н. Я.**, Академик С. Ф. Ольденбург и проблема культурного наследия, с. 12-13. Нам кажется совершенно невозможным предположение автора современной книги о Марре о том, что «коллеги востоковеды просто не читали работ Марра, по крайней мере, внимательно, но хвалили их как труды главы школы русских кавказоведов, видного члена своей корпорации». См.: **Алпатов В. М.**, История одного мифа: Марр и марризм, М., 1991, с. 14.

² См., например, письмо Ольденбурга к Марру от 12 августа 1905 г.: ПФА РАН, ф. 800, оп. 3, д. 706, л. 11-12.

³ **Миханкова В. А.**, указ. соч., с. 170. Ср.: Записка об ученых трудах проф. Н. Я. Марра, Известия Имп. АН, VI серия, 1909, № 11, с. 721-732.

⁴ Речь идет об утверждении новых штатных должностей в Академии наук.

⁵ Имеется в виду книга: **Dahlmann J.**, Die Thomas-Legende und die altesten historischen Beziehungen des Christentums zum fernen Osten im Lichte der indischen Altertumskunde. Freiburg im Breisgau, Herder, 1912.

⁶ ПФА РАН, ф. 800, оп. 3, д. 706, л. 17-18.

Следует сказать и о политических позициях С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра в дореволюционное время. Принадлежность Ольденбурга к либерально-демократическому лагерю русской общественности общеизвестна – он был членом кадетской партии и близко стоял к ее руководящим кругам¹. О Марре В. М. Алпатов пишет, что он «до революции был человеком правых взглядов, тесно связанным с клерикальными кругами»². Думается, что здесь допущено сильное преувеличение. При «старом режиме» Марр, в отличие от Ольденбурга, не был политически особенно активен, но при этом он неоднократно высказывался, иногда в очень резких выражениях, против политики царизма на Кавказе и против черносотенных нападков на «инородцев». Наиболее острые его выступления в

Н. Я. Марр

печати по этим вопросам относятся к 1905-1906 гг.³. Позднее Марр, как представляется, избегал прямого участия в политической жизни; в 1909 г. ему поручили быть переводчиком на приеме Николаем II армянского католика Матеоса Измирляна, что едва ли было возможно, если бы он имел репутацию человека нелояльного к власти⁴. Но и никаких специфически «правых» проявлений в дореволюционной деятельности Марра мы не находим. Так, в 1914 г., когда крупнейший лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ, уже пожилой человек, был приговорен к тюремному заключению за брошюру, критикующую политику самодержавия, Н. Я. Марр вместе с академиками В. В. Радловым, А. А. Шахматовым, Ф. Ф. Фортунатовым, профессорами Л. В. Щербой, М. И. Ростовцевым, С. К. Буличем и другими подписал письмо в его защиту⁵.

Связи Н. Я. Марра с «клерикальными кругами» заключались главным образом в том, что средневековая грузинская и армянская литература, которой занимался Марр, носила по преимуществу религиозный характер, и в числе ее исследователей было много духовных лиц, с которыми он поддерживал хорошие отношения. Марр, однако, полемизировал с писаниями крайне правого священ-

¹ См.: Каганович Б. С., указ. соч.

² Алпатов В. М., Марр, марризм и сталинизм, *Философские исследования*, 1993, № 4. Цит. по тексту, помещенному в интернете: <http://russcience.chat.ru/papers/alp93sp.htm> обращение от 20.03.2014.

³ См., например, брошюру: Марр Н. Я., Из гурийских наблюдений и впечатлений. (По поводу бакинских событий), СПб., 1905.

⁴ В бумагах Н. Я. Марра сохранилась сделанная им черновая и фрагментарная запись этого приема. (ПФА РАН, ф. 800, оп. 1, д. 944). Дополняет ее сообщение В. А. Миханковой, содержащееся только в 1-м издании ее книги: «Н. Я. рассказывал, что на просьбу католика облегчить участь осужденных дашнаков Николай II обещал, что прежде чем католикос вернется в Эчмиадзин, просьба его будет исполнена. Обещание не было, конечно, выполнено». См.: Миханкова В. А., Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности, М.-Л., 1935, с. 117.

⁵ См.: Spustek I., Jan Baudoin de Courtenay a carska cenzura, *Przeglad Historyczny*, 1961, № 1, s. 19.

нослужителя И. Восторгова о Грузии¹. Выступал он и за автокефалию грузинской церкви, против попыток превратить ее в одну из епархий Русской православной церкви. Позднее сам Марр формулировал свое кредо как «за национальность и против национализма»². Вероятно, в такой постановке вопроса содержалась немалая доля утопизма, но, во всяком случае, это был благородный утопизм. Кавказ во всем многообразии его народов и языков Марр рассматривал как единый культурно-исторический комплекс, который история тесно связала с Россией³. Работы Марра часто вызывали недовольство и русских, и грузинских, и армянских националистических кругов⁴, поскольку он стремился не к обоснованию каких-либо национальных приоритетов, а к установлению истины⁵.

Через несколько месяцев после падения монархии, 3 июля 1917 г., Ольденбург отправил Марру письмо на бланке «Министр народного просвещения», начинавшееся словами:

«Дорогой Николай Яковлевич,

Из заголовка бумаги поймете причину краткости письма: последняя перемена в составе правительства поставила меня членом Временного правительства и министром народного просвещения. Как это трудно. Вы, конечно, почувствуете»⁶. Далее он сообщал, что «в первый же день потребовал, чтобы сделали что возможно для Института». Именно за кратковременный период, когда С. Ф. Ольденбург был министром, осуществилась заветная мечта Н. Я. Марра – был создан Кавказский историко-археологический институт, дело об организации которого до этого тянулось много лет.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. и С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр встретили, как и подавляющая часть русской интеллигенции, отрицательно. Поворот к сотрудничеству, связанный с осознанием того, что новая власть установилась «всерьез и надолго» и что нельзя допустить, чтобы Академия и наука в России погибли, по-видимому, несколько раньше совершил Ольденбург. Во всяком случае, Елена Григорьевна Ольденбург писала после смерти Сергея Федоровича о «его трагедии в Академии наук в эти трудные годы, когда все были против него (пожалуй, даже Марр), и он один тащил Академию на

¹ **Марр Н. Я.**, История Грузии. Культурно-исторический набросок. (По поводу слова прот. И. Восторгова о грузинском народе), СПб., 1906.

² Цит. по кн.: **Миханкова В. А.**, Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л., 1949. с. 133.

³ См., в частности: **Марр Н. Я.**, Кавказский культурный мир и Армения, ЖМНП, 1915, № 6, с. 280-330; *его же*: Кавказском университете в Тифлисе, Известия РАН, VI серия, 1918, т. XII, № 14, с. 1496-1516.

⁴ См., в частности, его полемику с Акакием Церетели: **Марр Н. Я.**, Грузинский поэт Акакий об армянах, Новое обозрение (Тифлис), 1898, 5 и 6 февраля; *его же*: Вместо ответа публицисту-поэту, там же, 1898, 31 марта, 2 апреля. Обе статьи переизданы в сборнике: Армяно-грузинские литературные связи, Ереван, 2013, кн. 2, с. 4-44. (Указанием на этот сборник мы обязаны В. А. Погосяну).

⁵ Мы не касаемся здесь очень сложных отношений Марра с грузинскими и армянскими учеными, многие из которых были его учениками – порой они достигали поистине кавказского накала. По-настоящему эта тема еще не изучена. Следует, однако, заметить, что, начиная с 1960-х гг., Академии наук Грузии и Армении неизменно отмечали марровские юбилейные даты заседаниями его памяти и научными конференциями.

⁶ ПФА РАН, ф. 800, оп. 3, д. 376, л. 31.

соединение с СССР, и всеми вытекающими отсюда последствиями, – один это сделал, спас Академию». Но к началу 20-х гг. на сходные позиции встал и Марр, надеявшийся, вероятно, что в новом мире осуществляются чаяния Мицкевича и Пушкина о временах, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся»¹.

В последующее десятилетие Ольденбург и Марр часто выступали как союзники и единомышленники во многих вопросах научно-общественного характера. Приведем лишь некоторые факты.

С. Ф. Ольденбург был в числе первых действительных членов основанной Н. Я. Марром в 1919 г. Государственной Академии истории материальной культуры; наряду с Н. Я. Марром и В. В. Бартольдом он состоял также членом совета Государственного Эрмитажа, Российского Института истории искусств, входил в руководящие органы Географического общества, Центрального бюро краеведения и ряда других научно-культурных учреждений. Ольденбург и Марр, как и почти вся блестящая плеяда русских востоковедов, приняли участие в работе горьковского издательства «Всемирная литература».

Деятельность эта, требовавшая постоянных контактов с властью и различных уступок и компромиссов, далеко не всегда находила понимание у современников. Академик Ф. И. Щербатской 17 мая 1921 г. писал С. Ф. Ольденбургу из Берлина: «Н. Я. расскажет Вам о многом, с чем приходится здесь считаться при нынешних обстоятельствах, прежде всего о злостной агитации М. И. Р[остовце]ва, который считает нас, и в особенности Вас, агентами III Интернационала, потерявшими честь прислужниками деспотизма и т.д. и т.д.»². В переписке ученых того времени можно найти немало подобных отзывов, хотя бы и менее резких по форме.

С середины 1920-х Ольденбург и Марр пытались воспрепятствовать продаже за границу художественных ценностей из музейных собраний. Особого внимания заслуживает их героическая борьба за сохранение коллекций Эрмитажа, которая, к сожалению, не имела успеха, поскольку продажи осуществлялись по решению Политбюро ЦК ВКП (б).³

Немало было и других совместных выступлений по разным вопросам. «Жалкое положение высшей школы, жалкое положение науки», – писал Ольденбург жене 12 февраля 1927 г. из Москвы, где принимал участие в съезде научных работников, на котором прозвучало «исключительное по силе и резкости выступление Марра после доклада Луначарского»⁴.

Интересная оценка личности Марра Ольденбургом содержится в дневниковой записи Е. Г. Ольденбург от 11 мая 1925 г. В ней сообщается, что к Сергею Федоровичу приходил за советом академик А. Е. Ферсман, которому предложили стать ректором Ленинградского университета: «С[ергей], любя А. Е., не сове-

¹ Обычные для советского времени слова В. А. Миханковой: «С первых же дней Октябрьской революции и до последнего дня своей жизни Н. Я. неизменно стоял в первых рядах советских ученых», не отражают реального положения дел. См.: **Миханкова В. А.**, указ. соч., с. 262-263.

² Цит. по кн.: **Вигасин А. А.**, Изучение Индии в России: Очерки и материалы, М., 2008, с. 341-342.

³ Подробнее см.: **Каганович Б. С.**, указ. соч., с. 160-165.

⁴ Цит. по: **Ольденбург Е. Г.**, Хронологическая канва, тетрадь 6, ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, д. 49.

товал ему брать этот пост, потому что он окончательно себя погубит, а университет уже не спасет. С[ергей] говорил мне, что самое лучшее, если за это дело возьмется Марр, он, во-первых, хочет этого, во-вторых, Марр так себя поставил, что все смотрят на него как на чудака и оригинала, а потому, что бы он ни выкинул с университетом – все ему простится и никто его ругать не будет»¹.

Личные отношения Ольденбурга и Марра в 1920-е гг. были вполне хорошие и достаточно доверительные. Думается, что известную роль в этом сыграло и то, что сын Марра, талантливый иранист и поэт Ю. Н. Марр (1893-1935), считал себя учеником Ольденбурга и очень любил его².

Следует несколько подробнее сказать об отношении С. Ф. Ольденбурга к лингвистическим теориям Марра, которые именно после революции получили столь бурное и, так сказать, скандальное развитие. Повторим – как санскритолог Ольденбург был слишком хорошо знаком с основами классического индоевропейского языкознания, чтобы легко принять «яфетидологическую революцию». Весьма красноречиво в этом отношении его цитированное выше письмо 1894 г. к В. Р. Розену. Трудно согласиться с В. М. Алпатовым, который называет Ольденбурга в числе «распространителей и популяризаторов мифа» о Марре³.

К марровской лингвистике Ольденбург относился очень сдержанно. Когда в 1912 г. Марр передал в «Известия Академии Наук» для публикации текст своего доклада «Яфетический Кавказ и памятники его духовной культуры», Ольденбург просил его убрать из заглавия слово «яфетический»⁴. В изданиях Академии, однако, печатались (и до революции и особенно после) многие работы Марра, в том числе и «яфетические».

Не солидаризируясь с теориями Марра, Ольденбург, считал, однако, невозможным как-то ограничивать его научные поиски и не выступал публично с критикой его работ. Яростный борец с марризмом, выдающийся лингвист и очень противоречивый человек Е. Д. Поливанов в своем известном выступлении против Марра 1929 г. привел следующий эпизод: «Один из академиков внес предложение в Академию Наук прекратить порчу бумаги, т.е. издание марровских статей в “Известиях” и “Докладах” Академии... Важен ответ, который был дан непременно секретарем Академии: “Как мы можем это сделать? Это ведь убьет Николая Яковлевича”. Ответ, как хотите, чисто кадетский»⁵. Упомянутый академик был Ф. И. Щербатской. Следует заметить, что кадетство Ольденбурга (в каком бы смысле не употреблять это слово – в данном случае, очевидно, имелся в виду «гнилой либерализм») здесь не при чем – не в правилах и обычаях Академии наук было, чтобы непременно секретарь цензурировал работы действительных членов, в самом таком предложении (думаю, что оно и не вносилось формально) содержался элемент провокации.

¹ Там же, д. 61, л. 232-233.

² См.: **Марр Ю. Н., Чайкин К. И.**, Письма о персидской поэзии, Тбилиси, 1976, с. 154.

³ **Алпатов В. М.**, История одного мифа, с. 54. Ср. возражения Алпатову: **Долиннина А. А.**, Невольник долга, СПб., 1994, с. 410-411; **Васильков Я. В.**, Трагедия академика Марра, Христианский Восток, СПб.; М., 2001, т. 2, с. 405.

⁴ См.: **Миханкова В. А.**, указ. соч., с. 200.

⁵ **Поливанов Е. Д.**, Труды по восточному и общему языкознанию, М., 1991, с. 633.

Московский лингвист и филолог Р. О. Шор писала Ольденбургу во второй половине 1920-х гг. (письмо не датировано): «Во время московской последней нашей беседы Вы высказали некоторый интерес к составленным мною тезисам. Поэтому беру на себя смелость переслать Вам их – мне было бы очень важно услышать Ваше мнение о них и о том, можно ли с подобными положениями выступить публично, и не слишком ли это обидит Ник. Як. Мне страшно тяжело было бы причинить ему обиду. А с другой стороны... Пока я осмеливаюсь просить Вас никому этих тезисов не показывать – если я все же решусь выступить против Н. Я., он должен будет узнать об этом первый»¹. Образованный и умный филолог, Шор так и не решилась выступить с критикой Марра. Друг молодости Ольденбурга Д. И. Шаховской, который после его смерти по просьбе его вдовы обратился к Шор с вопросом об имеющихся у нее письмах Сергея Федоровича, сообщил Елене Григорьевне 30 декабря 1937 г.: «Там есть кое-что такое о Марре, что заставляет ее молчать»².

Драматические события конца 1920-х-начала 1930-х гг. еще более отчетливо выявили особенности позиций Ольденбурга и Марра. Мы не останавливаемся здесь подробно на этих событиях, связанных с реорганизацией Академии наук в советское учреждение, поскольку они уже достаточно освещены историками³. Отметим лишь несколько наиболее выразительных в интересующем нас плане моментов.

Незадолго до академических выборов начала 1929 г., когда Академии грубо навязывались желательные для властей лица, на квартире Марра состоялось совещание академиков-гуманитариев. 21 октября 1928 г. Е. Г. Ольденбург записала со слов мужа: «Он [С. Ф. Ольденбург – Б.К.] еще минут десять оставался у Н. Я. Марра, пришла его жена Александра Алексеевна и они втроем обсуждали ужасное положение, в которое 2-е отделение⁴ ставит Академию. Жена Марра говорила, что академикам хорошо так говорить и поступать, потому что все они живут за спиной Марра, а главным образом за спиной Сергея, который расписывается за всех них»⁵.

Марр разделял позицию Ольденбурга, который в это время пришел к выводу, что для спасения Академии необходимо пойти на компромисс. Однако, несмотря на все компромиссы и уступки, Сталин не хотел оставлять Ольденбурга в руководстве Академии наук, и по решению Политбюро ЦК ВКП (б) 30 октября 1929 г. он был смещен с должности неперменного секретаря в связи с выдуманным делом о незаконном хранении в академических учреждениях важных политических документов.

Началась фабрикация «Академического дела», нарастала волна арестов. Марр был в числе немногих друзей и коллег, которые навещали Ольденбурга в ближайшие месяцы после его падения, когда все ожидали его ареста. Вероятно Марр, которого это дело не коснулось и который вскоре вступил в партию, ходатайствовал за Ольденбурга в «высших сферах».

¹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 3, д. 670, л. 9-11.

² Там же, оп. 5, д. 18, л. 73.

³ Позволим себе сослаться здесь на нашу книгу: **Каганович Б. С.**, указ. соч., глава 7, с. 151-199.

⁴ Отделение русского языка и словесности.

⁵ Цит. по: **Каганович Б. С.**, указ. соч., с. 157.

17 января 1930 г. Е. Г. Ольденбург записала: «Вечером у С. Ф. Н. Я. Марр. Говорит, что к Сергею отношение в Москве благоприятное, что его хотят выделить из процесса»¹. Сообщение Н. Я. Марра возможно несколько разрядило обстановку в доме Ольденбурга, где все это время жгли бумаги, хотя – не говоря уже об общей атмосфере – никакой уверенности ни в чем быть не могло. Сам Марр находился в весьма мрачном настроении. 8 февраля 1930 г. Е. Г. Ольденбург отметила: «Сергей видел Марра. Он очень плохо выглядит и вообще плохо справляется со всем»².

Однако арестован Ольденбург не был. В его кратком некрологе, написанном Н. Я. Марром, читаем: «Нужна была сталинская зоркость, чтобы признать необходимость сохранить С. Ф. для наступившей уже тяги к науке и культуре»³. Сын знаменитого географа и сам видный географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский писал в своих воспоминаниях, что «фамилии Ольденбурга, Ферсмана и его самого значились в списках лиц, подлежащих аресту по “делу Академии наук”, но были вычеркнуты оттуда жирным красным карандашом»⁴.

На общем собрании АН СССР 3 марта 1930 г. Н. Я. Марр был избран одним из трех вице-президентов реорганизованной Академии, С. Ф. Ольденбург вскоре был назначен директором академического Института востоковедения, созданного на базе Азиатского музея.

Марр в это время пользовался гораздо большим доверием со стороны советского руководства, чем Ольденбург, но и его положение было отнюдь не легким. Между ними по-прежнему сохранялись довольно близкие отношения, хотя далеко не все в деятельности и поведении Марра вызывало одобрение его старшего коллеги.

Приведем еще раз записи Е. Г. Ольденбург. 4 апреля 1930 г.: «Утром С. Ф. долго был у Н. Я. Марра, уговаривал его взять отказ от вице-президентства назад. Н. Я. не соглашается, говоря, что как вице-президент он чувствует себя пешкой в руках Зеленко, его не подпускают ни к какой работе. Он очень возбужден. Настроение Н. Я. тяжелое, он говорит о развале Академии Наук. У С. Ф. такое же тяжелое настроение»⁵. 17 мая 1930 г.: «Марр сейчас производит очень тяжелое впечатление, бешеное самолюбие, не считается ни с кем, все должны делать по его указке». 18 мая 1930 г.: «Трудную линию и позицию занял Марр... Борьба с ним тяжела, т.к. чуть что он сейчас вводит политический момент». 10 августа 1930 г.: «Ник. Як. Марр вошел в партию, его жена говорит, что его «уговорили» войти, неловко было отказать. Зачем так говорить? Он сделал логический заключительный шаг. В случае смерти Карпинского теперь он президент Академии». 11 декабря 1930 г.: «Марр ничего не значит в Академии

¹ ПФА РАН, ф. 208, оп. 2, д. 62, л. 389.

² Там же, л. 411.

³ **Марр Н. Я.**, Памяти С. Ф. Ольденбурга, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 3, с. 14.

⁴ **Анциферов Н. П.**, Из воспоминаний, Звезда, 1989, № 4, с. 163 (комментарии А. И. Добкина и А. Б. Рогинского).

⁵ Записи Е. Г. Ольденбург цит. по кн.: **Каганович Б. С.**, указ. соч., с. 200-202.

Наук. Волгин пробовал отстоять свою самостоятельность, но не смог, он в партийном отношении слабее Зеленко»¹.

Марр, несомненно, был в числе тех руководителей «обновленной» Академии, которые, несмотря на все публичные декларации, не желали полного разгрома «старой» науки, и ему (как и Ольденбургу) классическое востоковедение в СССР обязано очень многим.

Выступая летом 1930 г. с приветствием от работников науки на XVI съезде ВКП (б), Марр заявил: «Октябрьская революция раскрепостила всех трудящихся, в числе их и ученых, томившихся в плену беспросветного идеализма»². Невольно припоминаются его же слова в письме, направленном 8 марта 1924 г. в Лейпциг бывшему декану историко-филологического факультета Петербургского университета Ф. А. Брауну: «Какой ты, однако, неисправимый идеалист, видно мало ты прожил в Советской России»³.

Марр принял живое участие в чествовании Ольденбурга, когда в начале 1933 г. отмечался его двойной юбилей – 70-летие со дня рождения и 50-летие научной и общественной деятельности. Очень интересно свидетельство, записанное Е. Г. Ольденбург 16 октября 1933 г., на следующий день после удара, случившегося с Н. Я. Марром: «С. Ф. узнал о болезни Н. Я. Марра. Он стал рассказывать пришедшему из Гос. Эрмитажа А. Ю. Якубовскому о том, как два года тому назад он был на одном из докладов Н. Я. Марра и вместе с ним сидел профессор по нервным болезням д-р Осипов, который сказал тогда С. Ф., что он, д-р Осипов, с интересом слушал Н. Я. Марра, т.к. он безошибочно предсказывает ему года через два мозговое заболевание, паралич и т.п., что речь Н. Я. Марра – это речь больного психически человека, не логична, мысль отрывочная, путаная»⁴.

Н. Я. Марр пережил С. Ф. Ольденбурга на несколько месяцев. По словам человека, близкого к Марру в его последние годы, «когда 28 февраля 1934 г. скончался акад. С. Ф. Ольденбург, у Н. Я. совсем испортилось настроение. Он написал речь, предназначенную для произнесения на могиле С. Ф. Ольденбурга от Академии материальной культуры... Врачи не разрешили ему ехать на похороны»⁵. Страничка «Памяти С. Ф. Ольденбурга», вышедшая из-под пера тяжело больного Н. Я. Марра – последнее, что он написал в жизни.

Смерть Ольденбурга и Марра совпала с важнейшими историческими вехами: Ольденбург умер за два месяца до перевода Академии наук из Ленинграда в Москву, Марр – через двадцать дней после убийства Кирова, открывшего период «большого террора». В истории Академии и всей страны кончалась одна драматическая эпоха и начиналась другая.

Существует выразительный документ, иллюстрирующий отношение советских верхов к Ольденбургу и Марру. 9 июня 1935 г. и.о. председателя Государственной Академии истории материальной культуры Ф. В. Кипарисов

¹ В. А. Зеленко – работник Политпросвета, в начале 1930-х гг. зав. секретариатом АН СССР.

² Цит. по кн.: Миханкова В. А., указ. соч., с. 453.

³ Федоров А. В., Новые материалы о Н. Я. Марре, Иностранские языки в школе, 1949, № 2, с. 23.

⁴ Цит. по кн.: Каганович Б. С., указ. соч., с. 219.

⁵ Мегрелидзе И. В., О любимом учителе, Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 3-4, с. 191.

направил Сталину письмо с просьбой установить персональную пенсию вдове Н. Я. Марра со следующей аргументацией: «Возбудив с большим опозданием вопрос о пенсии через 4½ месяца после смерти Н. Я., Академия Наук не проследила за его прохождением по соответствующим инстанциям, благодаря чему, по имеющимся у меня сведениям, вдове Н. Я. сейчас назначена в общем порядке пенсия в 300 руб. в месяц, т.е. почти в два раза меньше, чем [та, которая] не так давно была назначена вдове акад. Ольденбурга. Между тем Марр и Ольденбург – величины во всех случаях и во многих отношениях совершенно несоизмеримые. Ольденбург – типичный и довольно ничтожный буржуазный ученый, больше дипломат, чем ученый, не оставивший после себя ни одной крупной и сколько-нибудь значимой работы. Марр – гигант масштаба Дарвина и Менделеева <...>. Ольденбург – условно советский ученый, бывший кадет и министр правительства Керенского; его сын в течение всего советского периода – злейший белогвардеец в Париже. Марр – подлинно советский ученый, в конце своей жизни вступивший в партию, награжденный орденом Ленина <...> Такова разница»¹.

На этом письме Сталин наложил резолюцию: «Т. Молотову. Придется согласиться. И. Сталин»².

В заключение скажем, что как ученый С. Ф. Ольденбург был представителем, так сказать, «нормальной науки», Марр же принадлежал к породе «гениальных безумцев», все в нем было чрезмерным. Гениальные догадки сочетались в его работах с бредовыми фантазиями³. В кругу академических ученых Марр всегда был «как беззаконная комета в кругу расчисленных светил»⁴. Можно также сказать, что Ольденбург по своему мировоззрению, складу и характеру был «европейцем», а Марр в значительной степени – «человеком Востока», чем и объясняется многое в их биографии и деятельности.

Трудно отрицать, что в последний период жизни Марр был психически не вполне «адекватным» человеком (так считали и люди, высоко его ценившие и любившие⁵). Думается, однако, что сводить марровскую лингвистику к душевному заболеванию ее создателя – слишком легкое решение проблемы.

¹ Академия Наук в решениях Политбюро ЦК ВКП (б). 1922-1952, М., 2000, с. 174.

² Там же, с. 175.

³ Крупный современный лингвист называет Марра «выдающимся ученым», «обладавшим тончайшей научной интуицией, доходившей порой до гениальности». См.: **Гамкрелидзе Т. В.**, Об одной лингвистической парадигме, Вопросы языкознания, 2005, № 2, с. 5.

⁴ В двух речах, произнесенных вскоре после его смерти, замечательную характеристику личности Н. Я. Марра дал китаист академик В. М. Алексеев: **Алексеев В. М.**, Наука о Востоке, М., 1982, с. 30-43. Очень интересен также возникший тогда же и опубликованный Н. В. Брагинской текст: **Фрейденоберг О. М.**, Воспоминания о Н. Я. Марре. С предисл. И. М. Дьяконова, Восток – Запад, М., 1988, с. 178-204.

⁵ Помимо цитированной выше записи из дневника Е. Г. Ольденбург приведем слова из письма академика И. Ю. Крачковского к его знакомой В. А. Сутугиной-Кюнер, которая, вероятно, спрашивала его о только что закончившейся «лингвистической дискуссии». 4 июля 1950 г. (через две недели после выступления Сталина против Марра) Крачковский писал ей: «Марр, несомненно, был человек исключительной одаренности, на грани с гениальностью, но ведь он кончил психической болезнью, и многое, начиная с 20-х гг., объяснялось первыми приступами ее, которые все же некоторые психиатры чувствовали и мне еще до 30-го года говорил об этом невропатолог Аствацатуров. Одной из таких навязчивых идей была и теория четырех элементов,

Ныне, по прошествии стольких лет, мы воспринимаем С. Ф. Ольденбурга и Н. Я. Марра, несмотря на все их различия, как представителей великой, героической эпохи русской гуманитарной науки. Оба они так и не избавились от того – беспрсветного или небеспрсветного – идеализма, без которого вообще невозможна наука.

Բորիս Կագանովիչ – Ս. Ֆ. Օլդենբուրգը և Ն. Յ. Մարր. հայացք XXI դարից

Ականավոր գիտնականներ, ակադեմիկոսներ Ս. Ֆ. Օլդենբուրգի (1863-1934) և Ն. Յ. Մարրի (1864-1934) փոխհարաբերություններին նվիրված Բորիս Կագանովիչի հոդվածում, բազմաթիվ արխիվային նյութերի օգտագործման հիման վրա, դիտարկվում են նրանց կյանքի և գործունեության հիմնական փուլերը: Մեկնաբանվում են այն դրամատիկ հանգամանքերը, որոնց ներքո ծավալվել է նրանց գիտական և հասարակական գործունեությունը նախահեղափոխական և Խորհրդային Ռուսաստանում: Հեղինակն ուրվագծում է ռուսական գիտության պատմության քառուղիներում խոր հետք թողած տաղանդավոր գիտնականների միմյանցից զանազանվող դիմանկարները:

Boris Kaganovich – S. F. Oldenburg and N. Y. Marr: a Glance from XXI Century

In his article dedicated to prominent scientists, academicians S. F. Oldenburg (1863-1934) and N. Y. Marr (1864-1934), Boris Kaganovich considers the main stages of their lives and activities. The author highlights the dramatic circumstances in which they developed their academic and social activities in pre-revolutionary and Soviet Russia. An attempt is made to recreate the different human characters of talented scientists who left a bright trace in the history of Russian science. The article is based on numerous archival materials.

как и многое другое. Я его очень любил и всегда жалею, что он так печально кончил. Теперь маятник качнулся в другую сторону, и боюсь, что станут отрицать и его действительно колоссальные заслуги до 20-х гг.». См.: ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, д. 27, л. 89.

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ: УЛУЧШЕНИЕ УСЛОВИЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ИЗ АРМЕНИИ

Ключевые слова – Евразийский экономический союз, экономическая интеграция, трудовая миграция, международные экономические отношения, иностранные работники

Экономическая интеграция – это практически всегда формирование целостного комплекса политических систем на межгосударственном уровне, направленных в сторону взаимного сотрудничества. Экономическое сотрудничество и торговые отношения между людьми стали закладываться более десяти тысяч лет назад. Основой объединения национальных хозяйств во всемирное хозяйство стало международное разделение труда, представляющее собой специализацию отдельных стран при производстве определенных видов продукции. Излишками изготовленной продукции стали обмениваться сначала соседние племена, отдельные семьи и лица, а затем и государства.

Процесс интеграции позволяет добиться максимальной взаимной выгоды с минимальными издержками для всех участвующих субъектов. Основными признаками интеграции являются:

- 1) взаимопроникновение и переплетение национальных производственных процессов;
- 2) происходящие глубокие структурные изменения в экономиках стран-участниц;
- 3) необходимость и целенаправленное регулирование интеграционных процессов;
- 4) возникновение межгосударственных (наднациональных или надгосударственных) структур (институциональные структуры).

К условиям интеграции относятся:

- 1) развитая инфраструктура;
- 2) наличие политических решений правительства (создание условий для интеграции – политическая и экономическая база).

К преимуществам процесса интеграции следует отнести следующие:

- 1) Увеличение размеров рынка, т.к. эффект возникает только в том случае (в особенности для стран с малой емкостью национального рынка), если определен оптимальный размер предприятия и производства.
- 2) Рост конкуренции между странами.
- 3) Обеспечение лучших условий торговли.
- 4) Расширение торговли параллельно с улучшением инфраструктуры.
- 5) Распространение передовой технологии¹.

¹ Шаталова Т. Н., Галушко М. В. Производственная интеграция как фактор повышения конкурентного потенциала предприятия // http://vestnik.osu.ru/2007_5/11.pdf

Для формирования интеграционного общества требуется качественное управление процессом и существенная подготовка всех субъектов к интеграции. Карл Дойч утверждал, что в процессе интеграции конфликты между государствами будут получать мирное разрешение при наличии у государств устойчивых взаимных ожиданий. Также в интегрируемом сообществе повышается уровень коммуникации между участниками и возрастают общие интересы и ценности. Поэтому без интеграции практически не бывает развития, тем более, если это касается экономики.

Различают два уровня экономической интеграции:

1. Микроэкономический (межфирменный – транснациональные корпорации). На данном уровне интеграция происходит через взаимодействие капитала отдельных хозяйственных субъектов (предприятий, фирм) близлежащих стран путем формирования системы экономических соглашений между ними, создания филиалов за границей.

2. Макроэкономический (межгосударственный уровень). В данном случае процесс интеграции осуществляется на основе формирования экономических объединений государств и согласования национальных политик. Бурное развитие международных связей порождает необходимость межгосударственного регулирования, направленного на обеспечение свободного движения товаров и услуг, капиталов и рабочей силы между странами в рамках данного региона, на согласование и проведение совместной экономической, научно-технической, финансовой и валютной, социальной, внешней и оборотной политики. В результате происходит создание целостных хозяйственных региональных комплексов с единой валютой, инфраструктурой, общими экономическими пропорциями, финансовыми фондами, общими национальными или межгосударственными органами управления¹.

В настоящее время международным экономическим отношениям свойственны новые количественные и качественные характеристики. Основными формами экономических связей выступают международная торговля, движение капиталов, миграция населения и трудовых ресурсов.

Как уже говорилось выше, международная экономическая интеграция – практически неизбежный процесс в современном мире. Говоря об экономической интеграции Армении, подразумевается Евразийский экономический союз, функционирующий в рамках евразийской интеграции с 1 января 2015 г. Государствами-членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация. ЕАЭС был создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов².

Что касается экономической интеграции России и Армении, то следует подчеркнуть, что вхождение Армении в Евразийский экономический союз – это, прежде всего, обеспечение свободы передвижения граждан. Чем глубже проис-

¹ Сущность и формы международной экономической интеграции // <http://txtb.ru/22/9.html>

² Евразийский экономический союз. Официальный сайт // <http://www.eaeunion.org/#about>

ходит интеграция в сфере экономики и при создании единого рынка труда, тем больше благоприятных условий создается для беспрепятственного передвижения граждан и сокращения необходимых миграционных процедур.

Ранее, согласно российскому законодательству, граждане Армении, как и другие иностранцы, в России обязаны были встать на учет по месту пребывания в течение семи рабочих дней. В соответствии с законодательством Российской Федерации работодателям, планирующим привлечение иностранных работников, прибывающим в Россию в порядке, требующем получения визы, необходимо иметь разрешение на привлечение и использование иностранных работников, а также обеспечить получение иностранным гражданином разрешения на работу.

После ратификации договора о присоединении Армении к Евразийскому экономическому союзу были введены льготы для армянских мигрантов. Трудовые преференции позволят мигрантам из Армении работать в РФ без учета установленных законом квот на иностранную рабочую силу и без получения специального разрешения. Также в течение 30 суток мигранты и члены их семей смогут вообще не проходить процедуру регистрации. Для Армении это очень выгодно, так как более 90 % денежных переводов в страну осуществляется именно из России, тем самым поддерживая армянскую экономику. Трудовая миграция является важным фактором социального обеспечения граждан Армении, экономического роста. В этом смысле значение России велико, поскольку львиная доля миграционных потоков Армении приходится именно на РФ. Иными словами, более 90 % армянских трудовых мигрантов работают на территории России, посылая трансферы своим семьям и родственникам. В 2011 г. трудовые мигранты перевели в Армению \$1,2 млрд, в 2012 г. – \$1,4 млрд, в 2013 – \$1,8 млрд. В 2014 г. из-за сложностей в российской экономике объемы частных трансферов по сравнению с 2013 годом сокращаются и составляют около \$1,484 млрд.

В связи с этим глава ФМС России Константин Ромодановский, посетивший Ереван в мае 2014 г., отметил важность эффективного использования миграционных потоков: «Эти показатели (трансферы) говорят о том, что миграция – влияющий на экономику фактор, и его нужно эффективно использовать».

Сравнительный анализ трудовых мигрантов из Армении в сравнении с другими странами за 2012-2015 гг.

Согласно данным Федеральной миграционной службы РФ, в России по данным 2014 г. находились более 600 тыс. граждан Армении. Наибольшее число граждан Армении проживают в Москве, Владикавказе, Краснодарском крае и Ростовской области. На примере Ростовской области следует подчеркнуть тот факт, что трудовых мигрантов из Армении гораздо меньше, чем мигрантов из Украины, Узбекистана и Таджикистана.

2012 г.

В 2012 г. объем квот на трудоустройство иностранных граждан в Ростовской области составил 15.109 человек, из них из стран безвизового въезда в

Российскую Федерацию – 13.262 человека (88 %). Количество работодателей, заявивших потребность в иностранных работниках, составило 670 человек. В счет установленной квоты оформлено 7350 разрешений на работу, в том числе для граждан из стран безвизового въезда – 6710. Квота на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Ростовской области использована на 48,6 %. Наибольшее число иностранных граждан привлекались в строительную отрасль – 40 %, в обрабатывающее производство – 18 %, в сельское хозяйство – 10,6 %.

Граждане государств «дальнего зарубежья», получившие возможность трудиться на территории Ростовской области, представлены в основном квалифицированными рабочими кадрами, а также специалистами и руководителями, необходимыми предприятиям и организациям в сфере строительства, обрабатывающих производств; деятельности гостиниц и ресторанов; предоставления прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; торговли. Незначительная часть иностранных граждан привлекается для работы на предприятиях транспорта и связи, в сельском хозяйстве, организациях, осуществляющих финансовую деятельность, а также деятельность, связанную с операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг.

Отраслевая специфика работодателей области, испытывающих потребность в иностранных работниках, обусловила состав стран, из которых прибывают иностранные граждане в Ростовскую область для работы. Из стран визового въезда в Российскую Федерацию получили приглашение и работали 574 человека, в основном это граждане КНДР и Турции, задействованные в строительной отрасли. Численность выданных патентов для работы иностранных граждан у физических лиц составила 23.143.

Численность работающих иностранных граждан по безвизовым странам распределилась следующим образом:

- Узбекистан – 3301 человек (44,6 %);
- Украина – 1642 человека (22,2 %);
- Таджикистан – 1476 человек (20,0 %);
- Армения – 482 человека (6,6 %).

2013 г.

В 2013 г. объем квот на трудоустройство иностранных граждан в Ростовской области составил 12.546 человек, из них 10.494 (84 %) – иностранные граждане из безвизовых стран. Количество работодателей, заявивших потребность в иностранных работниках, составило 700 человек. В счет установленной квоты оформлено 8488 разрешений на работу, в том числе для граждан из стран безвизового въезда – 7849. Квота на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Ростовской области, установленная на 2013 г., использована на 67,8 %.

Основную часть прибывших иностранных работников из «ближнего зарубежья» составили граждане:

- Узбекистана – 4036 человек (52,9 %);
- Таджикистана – 1541 человек (20,2 %);
- Украины – 1256 человек (16,5 %);

Армении – 480 человек (6,3 %);
Молдовы – 108 человек (1,4 %);
Киргизии – 120 человек (1,6 %) и других государств.

Трудоустраиваются иностранные работники на территории Ростовской области на предприятия и в организации следующих сфер: строительство (46,6 %), обрабатывающие производства (18,9 %), сельское хозяйство (8,3 %), торговля (7,8 %), транспорт и связь (6,0 %), гостиницы и рестораны (4,7 %), предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (5,2 %), добыча полезных ископаемых (1,5 %) и другие виды деятельности.

Из стран визового въезда в Российскую Федерацию получили приглашения и работали 492 человека, в основном это граждане следующих стран:

Турция – 135 человек (27,4 %);
КНДР – 96 человек (19,5 %);
Вьетнам – 84 человек (17,1 %);
Сербия – 72 человека (14,6 %).

Численность выданных патентов для работы иностранных граждан у физических лиц составила 23.911. За 2013 год на рабочие места, заявленные работодателями для трудоустройства иностранных работников, трудоустроены 2814 российских граждан. По заявкам работодателей потребность в привлечении иностранных работников и объем квот на трудоустройство иностранных граждан в Ростовской области составила 12.883, из них 11.296 (88 %) – иностранные граждане из безвизовых стран. Количество работодателей, заявивших о потребности в иностранных работниках – 642.

2014 г.

В 2014 г. в счет установленной квоты оформлено 10.133 разрешения на работу, в том числе для граждан из стран безвизового въезда – 9546. Квота на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Ростовской области использована на 78,7 %.

Основную часть прибывших иностранных работников из «ближнего зарубежья» составили граждане:

Украины – 3516 человек (38,8 %);
Узбекистана – 3133 человек (34,6 %);
Таджикистана – 1523 человек (16,8 %);
Армении – 586 человек (6,5 %);
Молдовы – 79 человек (0,9 %) и других государств.

Иностранные граждане на территории Ростовской области работали на предприятиях и в организациях следующих сфер: строительство (34,8 %), обрабатывающие производства (23,4 %), сельское хозяйство (7,6 %), торговля (8,7 %), транспорт и связь (7,4 %), гостиницы и рестораны (5,8 %), предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (5,4 %), добыча полезных ископаемых (2,5 %) и другие виды деятельности.

Крупные предприятия Ростовской области, такие как ООО «фирма Руслан», ООО Комбайновый завод «Ростсельмаш», ООО «Ростовский литейный завод», кирпичные заводы в Ростове-на-Дону, в Новошахтинске, Аксайском районе ежегодно привлекают иностранных граждан на трудоемкие и непривлекательные

для российских граждан рабочие места. На транспортные предприятия, такие как ЗАО АТП № 5, ООО «Янтарь – 1», ОАО РГАТП № 1, ООО «Новый Быт» привлекались свыше 500 иностранных граждан, в основном это граждане Армении (205 человек). Также граждане Армении работали в строительной отрасли, на обувном производстве, в автосервисе.

Из стран визового въезда в Российскую Федерацию получили приглашения и работали 569 человека, из них 44 высококвалифицированных специалиста из Италии, США, Аргентины и Турции.

Наибольшая численность иностранных граждан прибыла из следующих визовых стран:

Сербия – 278 человека (48,8 %);

КНДР – 101 человек (17,8 %);

Вьетнам – 56 человек (9,8 %);

Турция – 35 человек (6,2 %).

Численность выданных патентов для работы иностранных граждан у физических лиц составила 32.982. За 2014 год на рабочие места, заявленные работодателями для трудоустройства иностранных работников, трудоустроены 2824 российских граждан.

С начала 2015 г. в Ростовской области из прибывших иностранных граждан более 1500 человек указали причиной въезда трудоустройство. Из Армении прибыло более 800 человек, из которых 329 человек указали причиной въезда трудоустройство.

На 22.01.2015 в УФМС по Ростовской области поступило 9 заявлений о выдаче патента от иностранных граждан. В центры тестирования за получением документа, подтверждающего владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации с начала года обратились свыше 500 иностранных граждан. На 22.01.2015 получили сертификаты 30 человек, более 40 получают документы в первой декаде февраля, остальные проходят тестирование.

Соблюдая основное положение Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» о приоритетном праве на трудоустройство российских граждан, управлением государственной службы занятости населения принимаются меры по замещению иностранных работников национальными трудовыми ресурсами. Информация о рабочих местах, на которые планируется привлечение иностранной рабочей силы, размещается в базах данных свободных рабочих мест органов службы занятости населения. Работодатели информируются о возможности комплектации персонала из других регионов страны. В целом, за год на рабочие места, заявленные работодателями для трудоустройства иностранных работников, трудоустроены 2708 российских граждан.

Следует отметить, что привлечение иностранных работников компенсирует нехватку на предприятиях области как в высококвалифицированных специалистах, рабочих узкой специализации, так и работниках неквалифицированного труда, т.к. данные вакансии не занимают российские граждане ввиду непривлекательности условий и низкого уровня оплаты труда.

В соответствии со статьей 96 Договора о Евразийском экономическом союзе, вступившем в силу 1 января 2015 г., работодатели государства-члена

вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства.

По экспертным оценкам масштабы привлечения иностранной рабочей силы на территории Ростовской области в 2015 г. сохранятся в пределах динамики предыдущих лет. Свободная миграция для Армении является важным фактором при решении социально-экономических проблем. Она не повлияет на демографию страны, так как до вступления Армении в Евразийский экономический союз многие граждане Армении работали в России незаконно и после переезда в Россию боялись возвращаться на родину, чтобы избежать проблем со следующим въездом в РФ. Теперь многие граждане Армении беспрепятственно могут вернуться, так как открылся свободный доступ к российскому рынку труда, и в связи с этим отсутствует опасение того, что их следующий въезд может оказаться под вопросом. Но ключевым моментом в данной ситуации является тот факт, что граждане России и Армении будут иметь равные права, так как рынки труда двух стран становятся едиными. Вместе с тем армянские трудовые мигранты в РФ после ратификации парламентами России и Армении соответствующего соглашения, получили те же права, что и граждане Беларуси и Казахстана.

Սերգեյ Գրիգորյան – Եվրասիական տնտեսական միությունը. Հայաստանից մեկնած աշխատանքային միգրանտների պայմանների բարելավումը

Հոդվածում դիտարկվում են Ռուսաստանի և Հայաստանի տնտեսական ինտեգրման հիմնական ուղղությունները Եվրասիական տնտեսական միության շրջանակներում: Հեղինակը նկարագրում է միջազգային տնտեսական միգրացիան և դրա շերտերը: Հոդվածի գործնական մասը նվիրված է Հայաստանից Դոնի Ռոստով 2012-2015 թթ.աշխատանքային միգրանտների դինամիկային:

Sergey Grigoryan – *Eurasian Economic Union: Improvement of the Conditions of Labor Migrants from Armenia*

The article considers the main directions of economic integration of Russia and Armenia within the framework of the Eurasian Economic Union. The author describes the international economic migration and its layers. The practical part of the article is devoted to the labour migrants' from Armenia to Rostov-on-Don in 2012-2015.

**ПРИНЦИП ПРАВА НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ АРМЯНСКИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ.**

Ключевые слова – партия, право, государство, самоопределение, автономия, армянский народ

В соответствии с идеологической платформой армянских политических партий разной идеологической и тактической ориентации кратко остановимся на анализе указанной проблемы в концепциях наиболее влиятельных партий – «Гнчак» и «Дашнакцутюн».

Партия «Гнчак» («Колокол») основана в Женеве в 1887 г. Она эволюционировала от национальной социалистической партии народнического типа к национальной социал-демократической партии (с 1903 г.). «Дашнакцутюн» («Армянский революционный союз») возник в 1890 г. в Тифлисе (с 1907 г. социалистическая партия эсеровского толка).

Главным фактором их возникновения было определение места нации в системе межнациональных отношений как внутри Турции, России, Персии, так и на международной арене в границах «Восточного вопроса».

Цель статьи – определить сущность указанного принципа в партийных концепциях, которую партии неразрывно связывали с вопросом о национальном государстве. Государство, в соответствии с их теорией, являлось наиболее эффективным социальным институтом, где партийные идеалы могут выступать как общественные интересы, закрепленные в законодательных актах. Реализация права будет сопровождаться властной поддержкой, что в итоге обеспечит сохранность и развитие нации.

В теории наций принцип самоопределения был и остается одним из основных. Его суть сводится к тому, что в многонациональных государствах народы получают возможность свободного самоопределения, в том числе политического. Однако, чтобы этот философский принцип стал правовым, он должен быть закреплен законодательно государством, чего не было в перечисленных странах. Этнический вопрос – явление конкретно-историческое. Но он всегда остается сложным в теоретическом и острым в политическом отношениях. Его практическая реализация требует, прежде всего, учитывать права человека и право государства на территориальную целостность.

Программа партии «Гнчак» создавалась в течение длительного времени. Окончательным вариантом стала более подробная (в отличие от кратких вариантов 1888 г. и начала 90-х гг. XIX в.) программа, выработанная в 1897 г. в Лондоне¹. Она состояла из разделов А, Б, которые были опубликованы, а раздел

¹ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв., М., 1995, с. 8-12.

о Западной Армении не публиковался. В 1909 г. была разработана отдельная программа для Западной Армении, которая действовала до 1915 г.

Появившись на исторической арене как общеармянская партия, она тем не менее, находила, что, прежде всего, должна действовать в Западной Армении, и призывала все революционные силы на защиту турецких армян. Это аргументировалось тем, что в Турции проживает две трети всех армян, а территория, на которой они живут, составляет самую большую часть родной земли. Далее подчеркивалось, что статья 61 Берлинского трактата сделала вопрос о положении самой значительной части армянского народа одной из проблем международного права, который признан великими европейскими странами. Наконец, тяжелое политическое, экономическое, финансовое положение Турции угрожало ее суверенитету, что могло привести в ближайшее время к расчленению Турции и переходу Западной Армении под владычество других стран. Поэтому борьба за достижение национальной независимости и создание собственного государства в форме парламентской республики – основная первоочередная задача всего армянского народа. Только после того как будет освобождена Западная Армения, обязанностью всех революционных армянских сил станет освобождение Русской и Персидской Армении. Создание из этих трех частей Армении социалистической децентрализованной демократической парламентской республики – такова стратегическая цель партии.

Итак, в условиях деспотического режима султана Абдул-Гамида II «Гнчак» связывал решение национального вопроса только с созданием самостоятельного национального государства. Однако партийная теория самоопределения наций в ходе переговоров с оппозиционным режиму султана партией «Иттихад ве теракки» («Единение и Прогресс»), известной как младотурки, была несколько иной, и вопрос о национальном самоопределении решался не так радикально в случае демократизации Турции.

Партия находила, что, несмотря на религиозные и национальные различия, интересы всех османских подданных практически совпадают, и для свободного развития необходима демократическая конституция. По мнению партии, конституция должна базироваться на ряде основополагающих принципов: парламентаризм на центральном и региональном уровне (законодательный орган, избирался на основе четырехчленной формулы и представлял все народы Турции); общинная автономия, губернская и общинная автономия для областей, населенных армянами, должна быть представлена армянами и иметь национальный орган милиции; всеобщее равенство перед законом, вне зависимости от национальности и веры; свобода вероисповедания и национального языка; свобода печати, слова, выборов, предвыборной агитации; обязательное бесплатное начальное образование. Партия выразила удовлетворение тем, что представленная младотурками конституционная программа общими чертами была схожа с вышеприведенными партийными принципами. Это могло стать основой сотрудничества и предотвратить гибель страны.

Однако сближения по национальному вопросу не произошло¹. Это конста-

¹ Кочар М., Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос в конце XIX – начале XX вв., Ереван, 1988, с. 82-83.

тировал в 1900-1901 гг. и один из лидеров и идеологов партии «Гнчак» С. Сабах-Гулян. Он пришел к выводу, что сотрудничество с младотурками возможно лишь при условии, если целью и следствием общей борьбы станет, с одной стороны, автономия Армении со своими местными политическими учреждениями, а с другой – демократическая конституция для всей Турции с общим парламентом, избранным демократическим путем. Такое государство будет в состоянии сохранить нерушимо государственный союз автономных стран Османской империи, в том числе Армении¹. То есть, речь идет о статусе национально-государственной автономии народов в рамках автономной федерации демократической Турции. Однако он же отмечал, что препятствием к этому являлась теория османизма. Ее суть сводилась к тому, что Османская империя сохранится и окрепнет только в том случае, если все живущие в ней народы станут османами. Таким образом, программы партий «Гнчак» и младотурок в национальном вопросе были различны и поэтому контакты между ними были прерваны. Они возобновились в июле 1906 г. после армяно-турецких столкновений в Адане, начавшихся в марте того же года. В ходе переговоров, прежде всего, обсуждались политико-правовые проблемы (6 из 9 вопросов). Несколько подробнее изложим партийную позицию по второму вопросу – Автономия Армении и Турция. Мнение «Гнчак» заключалось в том, что Турция может сохранить свое существование лишь в том случае, если предоставит входящим в ее состав народам политическую автономию. Конституционные права автономной Армении выражались в следующем. Армения получала политическую автономию в составе Турции при гарантии европейских государств, которые назначали общего наместника. Формой правления являлась парламентская республика (парламентское правление). Центральная исполнительная власть формировалась наместником с согласия парламента, перед которым была ответственна. Наличие самостоятельного бюджета, из которого ежегодно выделялась определенная сумма на общегосударственные нужды. На местах утверждалась губернская автономия. Официальным языком автономной Армении являлся армянский. Создавалась народная милиция. Младотурки в принципе признавали идею автономии Армении. Но были недовольны включением в ее состав кроме шести областей, в которых армяне к 1914 г. численно существенно превосходили турецкое население, и Киликии.

Позиции партий по этим вопросам, которые определяли основы будущего общественного и государственного строя, в большинстве своем не совпадали. Некоторые точки соприкосновения имелись лишь по первому (Армянский вопрос и общегосударственные реформы) и второму вопросам².

После победы младотурецкой революции в июле 1908 г. партия «Гнчак» получила возможность легальной деятельности в Турции. В Стамбуле состоялись переговоры с новым руководством страны. В декларации «Гнчак» и его позиция» сохранялись требования равноправного статуса всех народов, политической автономии для них, превращения конституции Мидхата в демократиче-

¹ Там же, с. 100.

² Там же, с. 111-114; **Киракосян Дж. С.**, Младотурки перед судом истории, Ереван, 1989, приложения 1-4, с. 411-414.

скую конституцию, свержения султанской монархии, установления светского государства. Вместе с тем отмечалось, что теперь партия снимает с повестки дня требование отделения Армении от Турции, поскольку в стране установился конституционный строй. С. Сабах-Гулян выразил надежду, что новая Турция разрешит национальный вопрос. Исходя из интересов усиления Турции и ее развития по пути прогресса, партия поручала своим филиалам усилить работу по упрочению идей мира и братства народов Османской империи, убеждая турок, арабов и другие народы в том, что армяне не имеют сепаратистских намерений, поскольку в Турции существует конституция. В связи с этим осенью 1908 г. была пересмотрена программа партии для Западной Армении, которую принял в июле 1909 г. VI съезд партии. Общая программа для всей Армении также продолжала действовать, кроме пунктов, касающихся Турции¹. В соответствии с новой программой Турция должна была стать децентрализованной парламентской республикой. Общeturецкое законодательное собрание (парламент), власть на местах и должностные лица избирались демократическим путем. Избирательным правом наделялись все граждане с 20-летнего возраста. Все граждане были равны перед законом. Сословия уничтожались. Утверждались демократические права и свободы. Государственным языком объявлялся турецкий, и его знание было обязательным для всех. Но за всеми гражданами сохранялось право изъясняться в учреждениях и судах на родном языке. Государство должно было проводить социально ориентированную политику. Для разрешения национального вопроса основополагающими принципами признавались равноправие народов и право наций на самоопределение.

От специальной программы партия отказалась с 1915 г. Решение о разрыве отношений с младотурками партия приняла на VII съезде в сентябре 1913 г. Обосновывалось это тем, что в национальном вопросе по-прежнему не было точек соприкосновения и новый режим также продолжал политику османизма, пантюркизма и панисламизма. Конституция Мидхата 1876 г. была восстановлена частично, а обещания ее демократизировать и тем самым создать новое государство не выполнялись. Статья 1, провозглашавшая неделимость Османской империи², осталась неизменной. Ни о какой форме политического самоопределения народов не было и речи. Однако партия еще не выходила за пределы идеи о статусе автономии Армении в составе Турции. Возврат к идее независимого государства произойдет в 1915 г. и связан он с окончательной дискредитацией младотурецкого режима, виновного в масштабных и страшных погромах армянского населения.

Применительно к России ближайшей целью, определенной в разделе Б, являлось ниспровержение самодержавия и учреждение светского демократического конституционного строя. Его основу составляли представительный законодательный орган, избранный демократическим путем (всенародным, всеобщим, равным, прямым голосованием), правомочный обсуждать и решать все политические, экономические и общественные вопросы. Взаимоотношения челове-

¹ Кочар М., указ. соч, с. 166-167, 178-179.

² Конституция Османской империи, Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Составитель В. Н. Садилов, М., 2002, с. 466.

ка и государственной власти строились на базе предоставления и гарантирования гражданам политических и гражданских прав (демократическое избирательное право, свобода печати, слова, совести, собраний и союзов, неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения, равенство перед законом). Демократизировалась финансовая и экономическая, рабочая и крестьянская политика. Губернии и общины получали широкое местное самоуправление¹. То есть, значение придавалось, как и в Турции, децентрализации управления, что позволяло в условиях многонациональных и поликонфессиональных империй учитывать местные особенности.

«Гнчак» считала недостаточными изменения в государственном аппарате России, проведенные на основе Манифеста 17 октября 1905 г. В июне 1917 г. первая конференция гнчакистов России и Персии выразила доверие Временному правительству и осудила тактику большевиков, провозгласила «новый курс» партии.

Партия считала, что минимальные демократические преобразования позволили бы создать условия для полного освобождения трудящихся от эксплуатации и гнета с помощью политической партии и коммунистической социальной революции. В итоге суверенное национальное социалистическое государство будет тем социальным механизмом, которое будет обеспечивать интересы народа.

Несколько по-другому понимала данный принцип партия «Дашнакцутюн». До 1905 г. все усилия были направлены на решение вопроса турецких армян. Партия призывала к созданию армянского автономного государства в Османской империи. В первой программе 1894 г. о российских армянах ничего не говорилось². Только с ростом общественного движения в России в начале XX в. «Дашнакцутюн» с 1905 г. становится общearмянской партией. В программе 1907 г. (в ее основе лежала программа партии эсеров) имелись специальные разделы по реформированию политической и правовой сфер Западной Армении, Закавказья и общий раздел для обеих стран³. Применительно к армянам, проживающим в Турции, по-прежнему утверждалось, что Западная Армения составляет неотделимую часть конституционной Турции и пользуется широкой местной автономией. В компетенцию центрального правительства, организованного на конституционных и демократических началах, входили вопросы внешней политики, обороны, денежной системы, таможенной политики, заведования почтой и телеграфом. Все другие государственные функции оставались в ведении автономных областей. Западная Армения, будучи составной частью Турции, пользовалась свободой во всех своих внутренних делах. В свою очередь такие же права сохранялись за составляющими ее областями и коммунами. Все законодательные и административные органы избирались на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального права, без различия национальности, религии и пола. В этом вопросе партия надеялась и рассчитывала на помощь младотурок, с которыми у нее были более тесные контакты, чем у «Гнчак».

¹ Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XX в. – 1917 г.), вып. 1, М., 1996, с. 54-56.

² **Оганесян Э.**, Век борьбы. Очерк 100-летней истории дашнакской партии и национально-освободительной борьбы армянского народа, т. 1, Мюнхен-М., 1991, с. 82-84.

³ Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XX в. – 1917 г.), с. 167-169.

Для Закавказья ставилась задача создания Закавказской демократической федеративной республики, независимой во всех своих внутренних делах и являющейся частью Российской демократической федеративной республики. Первая была связана с последней в вопросах защиты государства, внешней политики, монетной и таможенной системы. Это подтвердил и проведенный в 1913 г. партией опрос своих членов и общественных деятелей¹. Государственный аппарат должен был базироваться на принципе разделения властей. Закавказская федерация имела свой демократически избранный парламент. Представители во всероссийский парламент избирались тем же демократическим путем. Территориальное устройство федерации базировалось на системе кантонов, пользующихся самой широкой автономией. При определении их границ следовало учитывать географические, этнографические и культурные особенности. Местные общины по коммунальным вопросам также пользовались широкой автономией. Все представители законодательной, судебной и исполнительной власти избирались населением. Помимо парламентского законотворчества программа «Дашнакцутюн» вводила и прямое законодательство – референдум и право инициативы.

Общими для обоих государственных формирований являлись требования широких общедемократических прав и свобод личности (совести, устного и печатного слова, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности, жилища и корреспонденции, свобода передвижения, всеобщее обязательное и бесплатное первоначальное обучение, преобразование всех церковных школ в светские, бесплатное судопроизводство). Обращалось внимание на следующие коллективные права народов: право наций на свободное самоопределение; полное равенство всех национальностей и религиозных групп, отмена сословных привилегий; преподавание на родном языке, распределение бюджета на культурно-просветительные цели в государстве и кантонах между национальностями пропорционально их численности; обязательное знание двух главных местных языков для должностных лиц кантонов и общин и трех местных языков – для администрации всего края.

В социально-экономической области партия формулировала меры по защите крестьян, рабочих и вообще трудящихся на основе социализации земли.

В разделе «минимум» декларировалось, что «Дашнакцутюн» как партия революционная и социалистическая ставит своей целью защиту классовых и национально-культурных интересов армянских трудящихся, т.е. считала необходимым заменить монархию народоправством, а капитализм – социализацией орудий и средств производства. Проводилась мысль о тесной взаимосвязи национального освобождения и социальной свободы. Национальный гнет, приводящий к отставанию угнетаемых наций, препятствует развитию классовой борьбы в рамках угнетенной национальности и мешает укреплению солидарности между трудящимися классами угнетающей и угнетенной национальности. И все же теоретики партии в развитии нации выделяли не экономическую и классовую основу, а культуру. Национальное освобождение делает культуру достоянием не только элиты нации, но и широких народных масс, таким образом культура становится одновременно и орудием дальнейшего развития и борьбы за право наций на свободное самоопределение, равенство всех наций и религиозных групп. Партия, связывая с социализмом уничтожение

¹ Карапетян Л. А., У истоков российской многопартийности. Северо-Кавказский регион (конец 90-х годов XIX в. – февраль 1917 г.), Краснодар, 2001, с. 196.

искусственных преград и различий между нациями, одновременно отмечала, что данный общественный строй не предполагал слияние всех наций в однородную массу. Наоборот, подчеркивалось, что свободно развивающаяся нация лучшими своими чертами обогатит общечеловеческую культуру, в то время как национальный гнет задерживает ее развитие¹.

Таким образом, идеология партии отстаивала принцип права наций на самоопределение в его широком понимании, включая и национально-культурную автономию. Относительно вопроса об армянском государстве первоначально речь шла лишь об автономии и федерации. Только после Февральской революции в России 1917 г. «Дашнакцутюн» внесла изменения в программу. В соответствии с ними правовой статус Российской Армении не менялся, а Западная Армения становилась независимой. Курс на создание объединенного единого армянского государства «Дашнакцутюн» взяла после того, как стала правящей партией в Армянской Республике (образована 28 мая 1918 г.) по решению девятого съезда партии в 1919 г.

Итак, принцип самоопределения наций в партийных концепциях рассматривался в контексте конкретного государственного режима и социального строя. При буржуазном демократическом строе обе партии высказывались за национально-государственную автономию Западной Армении при гарантиях европейских государств. Для Восточной Армении «Гнчак» не выходила за рамки автономии, а «Дашнакцутюн» высказывалась за федеративные отношения. В условиях деспотических режимов «Гнчак» ставила вопрос о политическом самоопределении вплоть до создания суверенного государства, т.е. формы самоопределения были разные. Однако, в итоге, решение национального вопроса и возрождение армянского народа связывалось с созданием единого армянского социалистического государства в форме децентрализованной демократической республики и общинного самоуправления. «Гнчак» это требование выдвинула раньше, чем «Дашнакцутюн».

**Ըն Կարապետյան - Ազգերի ինքնորոշման իրավունքի սկզբունքը հայկական
քաղաքական կուսակցությունների պետական-իրավական
զաղափարախոսության մեջ XIX-XX դարերի սահմաններին**

Հոդվածում վերլուծության է ենթարկվում ժողովրդի ինքնորոշման իրավունքը ամենաազդեցիկ երկու կուսակցությունների՝ «Հնչակյան» և «Դաշնակցություն» պետական-իրավական զաղափարախոսության մեջ: Հայկական կուսակցությունների առաջացումը պայմանավորված էր Թուրքիայում և Ռուսաստանում հայ ժողովրդի ազգային-ազատագրական պայքարով: Հայկական հարցի լուծումը կուսակցությունները անքակտելիորեն կապում էին ազգային պետության ստեղծման հետ, որը կապահովեր ազգի անվտանգությունն ու զարգացումը: Երկու կողմերն էլ նշված սկզբունքը դիտարկում էին որոշակի պետական վարչակարգի և սոցիալական կարգի համատեքստում: Թուրքիայում սուլթանի բռնապետական վարչակարգի

¹ Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XX в. – 1917 г., с. 164-166.

պայմաններում «Հնչակը» ազգային անկախությունը տեսնում էր սեփական պետության մեջ խորհրդարանական հանրապետության տեսքով:

Բուրժուաժողովրդավարական կարգերի ժամանակ երկու կուսակցություններն արտահայտվում էին ազգային-պետական ինքնավարության օգտին: 1915 թ. երիտթուրքական վարչակարգի կողմից հայ բնակչության սարսափելի ջարդերից հետո «Հնչակը» վերադարձել է Արևմտյան Հայաստանի համար անկախ սոցիալիստական պետության ստեղծման գաղափարին: Ռուսաստանի պարագայում կուսակցությունը մինչև 1917 թ. դուրս չէր գալիս ինքնավարության սահմաններից: Սակայն ազգային հարցի վերջնական լուծումը «Հնչակը» կապում էր միասնական սոցիալիստական պետության ստեղծման հետ: Մինչև 1905 թ. «Դաշնակցության» ուշադրությունը սևեռված էր Արևմտյան Հայաստանի հարցի լուծմանը: Կուսակցությունը կոչ էր անում Օսմանյան կայսրությունում հայկական ինքնավար պետություն ստեղծել: Ավելին, Արևմտյան Հայաստանի անկախության մասին կուսակցությունը հայտարարել էր միայն 1917 թ.: Անդրկովկասի համար նպատակ էր դրվում ստեղծել Անդրկովկասյան դեմոկրատական դաշնային հանրապետություն, որը կլիներ Ռուսաստանի ժողովրդավարական դաշնային հանրապետության մասը: Հայկական միասնական սոցիալիստական պետության մասին Դաշնակցությունը հայտարարել է 1919 թ.:

Lev Karapetyan – *Nation’s Right to Self-Determination in the State-Legal Ideology of the Armenian Political Parties in XIX-XX Centuries*

The article analyzes the right of people to self-determination in the state social ideology of the two most influential parties – “Hnchakyan” and “Dashnaktsutyun”. The emergence of political parties in Turkey and Russia was conditioned by the national liberation struggle of the Armenian nation. The parties inextricably linked the solution to the problem with the establishment of national state which would ensure the nation’s security and development. Both the sides viewed the mentioned principle in the context of public administration and social order. In conditions of the totalitarian regime of the sultan in Turkey, “Hnchak” saw the national independence in its own state in the form of parliamentary republic.

During the bourgeois national regime both the parties were in favour of national sovereignty. In 1915, after the terrible massacres of the Armenian population, “Hnchak” returned to the idea of creating an independent socialist state for Western Armenia. In case of Russia, the party would not go beyond the limits of autonomy until 1917. However, the final solution to national issues “Hnchak” connected with the creation of a unified socialist state. Until 1905, the interest of “Dashnaktsutyun” was focused on the solution of the issue of Western Armenia. The party was calling for the creation of Armenian autonomous state in the Ottoman Empire. Moreover, the party had announced about the independence of Western Armenia only in 1917. The goal was set to create Transcaucasian Democratic Federative Republic, which would be part of Russian Democratic Federative Republic. Dashnaktsutyun had announced about the Armenian Unified Socialist State in 1919.

АРМЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН НА КУБАНИ: ОБРАЗОВАНИЕ, СТАТУС, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Ключевые слова – Армянский национальный район, Северо-Кавказский край, Юг России, коренизация, малая форма автономии, национальные меньшинства, новая экономическая политика, этнос

В южной части Краснодарского края, в лесной зоне средневысотных и высоких гор западной оконечности Большого Кавказа, вдоль причерноморской полосы на территории нынешних Туапсинского, Апшеронского и Горячключевского (городского) районов, с 1925 по 1953 гг. находился Армянский район.

В первые десятилетия советской власти в определенной степени реализовалась концепция государственного строительства, согласно которой все народы, в том числе и проживавшие за пределами своей исторической родины (национальные меньшинства), имели право на создание территориальных образований в форме национальных районов и сельских советов.

В особой административной единице РСФСР – Северо-Кавказском крае (1924–1934) – армяне уступали по численности только русским, украинцам и чеченцам. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. в крае проживало 170 тысяч армян¹. Кроме того, десятки тысяч беженцев из Западной Армении оказались неучтенными указанной переписью.

В местах компактного проживания сельского армянского населения в середине 1920-х годов были образованы два национальных района: Армянский – на Кубани, Мясниковский – на Дону и 22 национальных сельских совета. Первым был организован Армянский район Майкопского округа.

Предки большинства местных армян были выходцами из северо-восточной части Османской империи, где располагаются армянские историко-культурные области Амшен, Трапезунд, Орду и Джаник. Со второй половины XIX в., спасаясь от произвола турецких властей и геноцида, амшенские армяне мигрировали на территорию Северо-Западного Кавказа, вошедшего в состав Российской империи. Армяне нередко селились в покинутых адыгских селениях. После окончания войны с кавказскими горцами между Российской и Османской империями был произведен своеобразный обмен – в Порту переселились адыги, а в Закубанье и Черноморье – армяне и понтийские греки. Кроме амшенцев в регионе проживали представители других групп западных армян, поселившиеся здесь в годы Первой мировой войны.

В процессе осуществления административно-территориальной реформы в Кубано-Черноморской области (1924) компактно расположенные армянские

¹ См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г., М., 1928, с. 52-53.

села были искусственно разделены и оказались в двух районах: Хадыженском Майкопского округа и Горячеключевском Кубанского округа¹.

Администрация Майкопского округа, образованного в 1924 г. (площадь – 14,7 тыс. км², население – 330 тыс.), не занималась развитием хозяйства и культуры в армянских населенных пунктах. Обследование армянских селений выявило тяжелое положение их жителей. Обеспеченность землей из расчета на одного человека была самой низкой в регионе. Так, к 1926 г. на одного человека здесь в среднем приходилось 0,4 десятины земли².

6 марта 1925 г. на заседании бюро Северо-Кавказского краевого комитета РКП (б) по докладу Б. Позерна было обсуждено положение армян округа. В результате появилось постановление, в котором крайисполкому предлагалось обстоятельно изучить вопрос о возможности выделения компактно расположенных армянских селений Хадыженского района Майкопского округа в национальный район³. 10 марта президиум крайисполкома, обсудив вопрос «Об образовании самостоятельного Армянского района в Майкопском округе», поручил своему орготделу в кратчайший срок выяснить вопрос о возможности его организации⁴. Это решение 5 апреля поддержал и большой президиум крайисполкома.

Для окончательного оформления национального района необходимо было решить вопрос включения в него армянского населения сельсовета Садовое (1259 человек). Этот сельсовет состоял из населенных пунктов Садовое, Афанасьевский Постик, Большая и Малая Собачка, Кочканов, Сосновая Щель, Мелконов, Ширинка, Грязный, Постаджи и Тахмазов.

5 июня бюро крайкома приняло решение приступить к практической реализации выделения национального района⁵. Наконец, 7 августа Северо-Кавказский крайисполком принял окончательное решение об образовании Армянского района. В конце сентября завершились перевыборы сельсоветов района, а в октябре I съезд советов Армянского района избрал районный исполком во главе с А. Айрапетяном.

12 апреля 1926 г. было принято постановление ВЦИК «О выделении Армянского района в Майкопском округе Северо-Кавказского края». Этим постановлением за районом закреплялись семь сельских советов: Гойтхский, Гунайский, Елизаветпольский, Кубано-Армянский, Кушинский, Черниговский и Садовый. Позже в составе района образовался еще один сельсовет – Тубинский. Семитысячное население района (без Тубинского сельсовета) проживало в 63-х населенных пунктах.

Административным центром Армянского района стало село Елизаветпольское, в 1936 г. переименованное в Шаумян. В апреле 1932 г. в районе проживало 9142 человека, из которых 96 % – армяне. Из всех национальных районов

¹ Аюпян В. З., Национальные районы и их официальный язык (Армянские районы Северного Кавказа в 20-е гг.), Армяне Северного Кавказа, Краснодар, 1995, с. 155-159.

² Известия Северо-Кавказского Крайисполкома, 1926, № 3, л. 3, 22.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее: ЦДНИ РО), ф. Р. – 7, оп. 1, д. 105, л. 2.

⁴ Государственный архив Ростовской области (далее: ГАРО), ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 172, л. 13.

⁵ Там же, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 170, л. 23.

Северо-Кавказского края Армянский район был самым мононациональным. Площадь района изначально была 1286 км² (в последствии – 1653 км²)¹. На начало 1930-х гг. плотность населения составляла 31 человек на 1 км² территории².

Историю Армянского района можно разделить на три периода. Первый – с 1925 по 1930 гг., когда он находился в составе Майкопского округа. Вторым – 1930-1937 гг. – после ликвидации окружного деления район напрямую подчинялся Ростову-на-Дону – центру Северо-Кавказского (с 1934 г. Азово-Черноморского) края. Третий период – 1937-1953 гг., когда район входил в состав Краснодарского края. В настоящей статье рассматриваются первые два этапа, когда район имел национальный (в ряде источников – автономный) статус.

Армянский район, как и другие национальные районы, управлялся на основе «Положения о районах национальных меньшинств, входящих в округа и автономные области Северо-Кавказского края» (1926). Согласно Положению, эти районы принципиально отличались от обычных. Являясь составной частью соответствующих округов, они управлялись районными съездами советов, а в период между ними – районными исполнительными комитетами. Всякие изменения границ национальных районов осуществлялись только с согласия вышестоящего и районного исполкомов. Предприятия, находившиеся на территории национального района, включались в списки предприятий окружного значения только с согласия райисполкома. Съезды советов национальных районов являлись высшим органом власти на соответствующей территории. В них принимали участие представители сельсоветов. Съезд совета имел право прямого делегирования своих представителей на краевой съезд советов по установленной «Положением о Северо-Кавказском крае» норме. С этой целью «при исчислении количества делегатов, подлежащих избранию на краевой съезд советов от соответствующего окружного съезда советов, исключается население территории национальных меньшинств»³.

Национальные райисполкомы имели «право непосредственного сношения с президиумом крайисполкома и его управлениями, снабжая копией своих сношений» окружные исполкомы. При несогласии с распоряжением окружного исполкома национальный райисполком мог своим постановлением приостанавливать проведение их в жизнь с «немедленным извещением об этом и о своих сообщениях относительно необходимости отмены полученных распоряжений президиумы соответствующих исполкомов» (ст. 8)⁴. В случае опротестования распоряжения окружного исполкома таковой протест вносился в президиум крайисполкома с извещением соответствующего окрисполкома. Национальный райисполком назначал своим распоряжением руководящие кадры, кроме заведующего военным отделом, народного судьи и следователя. Однако за райисполкомом сохранялось право отвода кандидатов на эти должности. На органы власти районов национальных меньшинств возлагались особые функции

¹ **Иванцов И. Г.**, Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг., Краснодар, 2013, с. 15.

² **Сысоев В.**, Ближайшие задачи нацменовских районов, «Путь Советов», 1931, № 15, 15 августа, с. 25.

³ ГАРО, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 172, л. 180-181.

⁴ Там же, л. 181-182.

в деле проведения национальной политики. Они должны были осуществлять: «а) наблюдение за неуклонным проведением в жизнь начал национальной политики, всемерное осуществление интересов национальных меньшинств; б) принятие мер к поднятию политического, экономического и культурного уровня национальных меньшинств; в) принятие мер к постепенному переводу делопроизводства советских и других организаций и учреждений на местные языки»¹.

Таким образом, национальным районам были присущи черты, свойственные *автономным образованиям*. Вследствие этого мы относим их к «малым формам» автономии.

В Армянском районе, так же как и в других национальных автономиях, осуществлялась политика «*национализации*» («коренизации») – перевод делопроизводства органов власти, учреждений культуры на родной язык. В двух армянских районах и сельсоветах края эта политика также нередко называлась «арменизацией».

На пути национализации встречались препятствия, имевшие объективные и субъективные причины. Во-первых, население района в подавляющем большинстве говорило на диалектах западноармянского языка, тогда как коренизация должна была осуществляться на восточноармянском – официальном языке Советской Армении. Первый использовался преимущественно в зарубежной армянской диаспоре².

Во-вторых, политику национализации саботировали многие чиновники краевого и окружного уровней, от которых зависели руководящие работники района из числа местных армян. Последние в своих узкокорыстных интересах, чтобы «понравиться» вышестоящим руководителям, подчеркнуто выказывали пренебрежение к родному языку. Армянское население выражало желание владеть русским языком, но не в ущерб родному. Имело место тяготение к билингвизму, при котором армянский язык был необходим для повседневной жизни, позволял сохранять национальную идентичность, духовную связь с исторической родиной, которую армяне покинули не по доброй воле. Русский язык необходим был для связи с «внешним» миром. С конца 1930-х гг. центральная и региональная власть использовала желание изучать русский язык как повод для сворачивания национализации.

Наконец, на руководящие должности назначались кадры по принципу преданности вышестоящим властям, а не по степени доверия со стороны местного населения. Во главе различных районных ведомств ставились либо русские работники, либо чиновники армянского происхождения из других регионов. Одни не знали родного языка, другие не владели местным диалектом. В начале 1930-х гг. из 311 человек, являвшихся руководителями и специалистами районных и сельских организаций, приезжих армян было 80, местных – 13 человек³. Кадровая политика должна была препятствовать возникновению тесных

¹ Там же, л. 181-182.

² См.: **Акопян В. З.**, К проблеме определения официального языка и письменности национальных меньшинств Северного Кавказа в 20-30-х гг. XX века, Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, Серия: Общественные науки, 2013, № 1, с. 29-34.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее: ЦДНИКК), ф. 8003, оп. 1, д. 22, л. 69; д. 19, л. 56-57.

доверительных отношений между властью и местным населением. Тем не менее до середины 1930-х годов Центр требовал от местных властей осуществления политики коренизации.

Ключевыми фигурами района являлись секретарь райкома ВКП (б) и председатель райисполкома. Райком ВКП (б) во главе с секретарем И. П. Юрьевым являлся своеобразной надстройкой, возвышавшейся над всеми остальными районными государственными органами. Однако созданный в 1926 г. райком только приступил к созданию своих партячеек¹. К началу 1928 г. численность районной парторганизации удалось довести до 65 человек². Но и эта цифра свидетельствовала о незначительной степени партийного влияния на население.

Напротив, райисполком мог претендовать на роль «районной национальной власти». Председатель райисполкома оказывался в двусмысленном положении: между вышестоящими властями, его назначившими, и населением, ожидавшим от исполкома реализации своих социально-экономических и национальных интересов.

Перед таким выбором, по всей видимости, оказался первый председатель райисполкома Айрапетян (Айрапетьян). В период НЭПа ему удавалось балансировать между двумя полюсами. Имеющаяся скудная информация позволяет судить о стремлении районных властей во главе с Айрапетяном полнее удовлетворить земельные нужды населения, урегулировать возникавшие конфликты с соседними районами, в своей работе опираться на местные кадры.

Выступая 18 ноября 1925 г. на краевом совещании по советскому строительству, Айрапетян отмечал: «К сожалению, на местах недостаточно ясно представляют себе национальную проблему даже некоторые ответственные коммунисты, которые, например, говорят: «Что это за армянский язык? Зачем он?» Этот аристократизм надо изжить. Необходимо усилить кадры национальных работников, а местам по линии Крайисполкома надо дать строгое распоряжение – неуклонно проводить в жизнь все директивы Центра и Края по национальному вопросу»³.

Властям Майкопского округа такая позиция районного руководства казалась неприемлемой, и они выжидали подходящий момент для его смещения. Нападки на Айрапетяна начались сразу же после отъезда в Москву А. И. Микояна, занимавшего до августа 1926 г. пост первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП (б). Во второй половине 1926 г. окружные (секретарь Майкопского окружкома С. С. Кондратьев), а затем и краевые власти вместе с органами ГПУ развернули кампанию по его дискредитации. Впоследствии А. Айрапетяна обвинили в национализме, сепаратизме и принадлежности к партии Дашнакцутюн – стандартное клише для того периода. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует стенограмма заседания Бюро Северо-Кавказского крайкома от 17 декабря 1926 г. по вопросу «Доклад Майкопского Окркома и содоклад инструктора Крайкома об обследовании»⁴.

¹ «Советский Юг», 12 сентября 1926 г.

² О работе Армянского райкома ВКП (б), Известия Сев.-Кав. Крайкома ВКП (б), № 3-4, 1928, с. 31.

³ «Советский Юг», 20 ноября 1925 г.

⁴ ЦДНИ РО, ф. Р. – 7, оп. 1, д. 287.

Удивительно, что историки А. П. Скорик и И. М. Федина в своей статье¹ без каких-либо комментариев поместили следующую информацию из одного источника за 1940 г.: «По сводкам ОГПУ, Армянский национальный район долгое время оставался прибежищем сепаратистов-дашнаков, и в нем вплоть до 1930 г. действовала дашнакская группа Айрапетяна “Дашнакцутюн”». Плодовитый профессор А. П. Скорик во всех своих трудах, посвященных казачеству, весьма «щедро» бичует бесчеловечные приемы и методы, применявшиеся указанными органами в отношении казачества. Но в этой статье авторы приняли позицию: есть факт, хотите – верьте, хотите – нет. Тенденциозный подход проявляется даже в названии статьи (непонятно, о каком миграционном перемещении армян в станицы могла идти речь в рамках Армянского района в 1920-е гг.). К тому же доктор исторических наук должен знать и точное название старейшей в России национальной партии. Далее. После цитаты о деятельности «дашнакских сепаратистов» указанные историки дописали: «В период коллективизации район являлся очагом бандитизма»². Действительно, в районе скрывались отряды казаков, открыто сопротивлявшиеся политике раскулачивания, коллективизации и грабежа населения, вызвавшего голод 1932-1933 гг. Однако данный очевидный факт, не относившийся к армянскому населению района, авторы преднамеренно приписали ему.

Увы, в небольшой работе, кроме подобных манипуляций, в заключительной части авторы умудрились еще и угодить «турецкой историографии». Чего стоит такой пассаж: «Таким образом, миграционное перемещение армян в кубанские станицы было продиктовано и последствиями этнического выдавливания армянского населения из Турции, что получило название “геноцида армянского народа”»³. Уничтожение народа заменено «выдавливанием», а слово «геноцид» тщательно закавычено.

В 1927 г. председателем райисполкома был избран М. Б. Аракелов (Аракелян) – участник революции 1905-1907 гг., работавший под руководством С. Шаумяна.

Чтобы поднять авторитет партийной власти в районе, решено было вместо погибшего при загадочных обстоятельствах И. П. Юрьева⁴ назначить на главную должность района армянина. В своих мемуарах профессор медицины

¹ Скорик А. П., Федина И. М., Миграционное перемещение армян в кубанские станицы в 1920-е гг.: опыт создания национального района, Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая-2 июня 2012 г.), Ростов н/Д, 2012, с. 94-100.

² Там же, с. 98.

³ Там же, с. 99.

⁴ До 1927 г. И. П. Юрьев неоднократно обращался в окружном с просьбой перевести его на другую работу. Однако неожиданно он погиб при невыясненных обстоятельствах. Преступника не нашли. И только через четыре года, когда развернулось колхозное строительство, дело об убийстве Юрьева стало удобным поводом для преследования неугодных. Виновным в убийстве Юрьева был объявлен председатель Гойтхского сельсовета Нерсес Карамян, благодаря которому в Гойтхе была построена первая электростанция и появилось электрическое освещение, чего не было во многих населенных пунктах Кубани. Сразу же после ареста Карамяна электростанцию разобрали и увезли, а его самого без суда и следствия расстреляли прямо в тюрьме. Светлова С., Артасеш Калайджян – хранитель души Папоротного. URL: <http://tuapsevesti.ru/archives/5033>.

И. Э. Акопов (1906-1989), в 20-е гг. активно работавший в армянской секции при Кубанском окружкоме, сообщает, что руководство райкомом было предложено ему¹. Однако в связи с желанием Акопова поступить в Кубанский мединститут секретарем райкома был утвержден Г. Б. Муратов (Мурадян). Партийный «резерв» – райком комсомола – в 1920-е гг. возглавлял Аршавир Аракелян².

Новая кампания по коренизации в районе, начавшаяся в 1931 г., совпала по времени с коллективизацией и призвана была в обмен на удовлетворение национальных запросов армян получить их поддержку проводимой политике.

Как сообщалось в заметке А. Сафьяна в краевой газете «Молот», на момент публикации его материала в Армянском районе по вопросам коренизации работала комиссия Краевого национального совета. Отмечалось, что «директивы партии о коренизации советского аппарата в Армянском и Мясниковском районах проводятся в жизнь неудовлетворительно. Несмотря на то, что в обоих районах из общего числа населения 90 % составляют армяне, до сих пор коренизация не закончена и почти вся работа ведется на русском языке»³. Там же приводилась выдержка из резолюции последней партконференции Армянского района, в которой сказано: «До сих пор подготовкой кадров районные организации не занимались». Автор сетовал, что «констатируя явный факт проявления великодержавного шовинизма, резолюция дальше ни слова не говорит о необходимости проведения коренизации и не предлагает райкому приступить немедленно к разрешению этой важнейшей задачи»⁴.

В соответствии с установками краевого руководства исполком Армянского района принял решение с 1 декабря 1931 г. все делопроизводство в районных советских организациях и учреждениях в обязательном порядке перевести на армянский язык⁵. В 1931 г. подготовку на курсах секретарей партийно-комсомольских ячеек и колхозного актива прошли 355 человек. Конкретные сроки проведения коренизации, не обеспеченные необходимым финансированием, носили показательный, кампанейский характер и были больше рассчитаны на внешний эффект, чем на реальное осуществление.

На состоявшемся 11 сентября 1931 г. заседании президиума Армянской районной контрольной комиссии в постановлении о «коренизации» отмечалось противодействие ей ряда организаций районного уровня. Районные власти опасались назвать истинные причины срыва намеченных планов, так как вышестоящие органы требовали найти виновных среди местных «стрелочников» и, обвинив армянских работников в «шовинистических» (очень модный тогда термин) проявлениях, показать свое искреннее стремление выполнить установки партии по окончательному решению ленинской национальной политики. Так, «за не перевод делопроизводства в районе на армянский язык» заведующий районным финансовым органом при райисполкоме А. М. Симонян сначала получил выговор, а впоследствии его исключили из партии и сняли с

¹ См.: Акопов И. Э., Все так и было... (наброски воспоминаний), Ростов-н/Д, 2003, 472 с.

² Ямова М., В боях рожденное... URL: http://www.tuapse.com/news/213.html?print_version=1.

³ «Молот», 9 апреля 1931 г.

⁴ Там же.

⁵ ЦДНИКК, ф. 11381, оп. 1, д. 1, л. 26.

занимаемой должности. По той же причине получил выговор ответственный секретарь райисполкома Х. А. Адвандов¹.

В следующем, 1932 г., процесс национализации района замедлился. На заседании бюро Армянского райкома от 8 августа 1932 г. отмечалось, что районную комиссию по коренизации распустили, а ее функции передали райисполкому. Райком обязал руководителей различных организаций в кратчайшие сроки коренизировать свои аппараты путем подбора необходимых кадров из армян и полного перевода делопроизводства на армянский язык. На заседании было принято решение довести до сведения крайкома партии, что ряд краевых ведомств (Колхозсоюз, Райуправление милиции, Крайконттора госбанка и др.) отзывают из района работников-националов и присылают на их место русских и другие национальности, тем самым препятствуя окончанию коренизации².

Правда, и райком мало сделал для перехода своего аппарата на армянский язык³. О национальном составе высшей номенклатуры района можно судить по списку присутствовавших на заседании бюро райкома 4 февраля 1933 г. В нем значились: секретарь райкома Муратов, Аракельян, Шушанян, Тащив, Коршунов, Оганесян; Чапманов (КК – РКИ) и Парамонов (ОГПУ)⁴.

22 мая 1933 г. решением краевой КК – РКИ вместо Чапманова председателем районной КК – РКИ был назначен донской армянин П. Г. Петросян, до этого занимавший должности заведующего Армянским педагогическим техникумом, заведующего крайОНО, зам. председателя комитета по просвещению национальностей, зам. председателя Константиновской районной КК – РКИ ВКП (б). Во второй половине 30-х гг. он возглавлял райком партии.

Вместо Парамонова, занимавшего с августа 1932 г. должность уполномоченного райОГПУ, был поставлен «национал» Улубабов⁵.

Районное управление милиции также возглавляли армяне – Гуруглянц (с 1928 г.) и его преемник Аллахвердов (в начале 30-х гг.). Однако вскоре они были обвинены в должностных злоупотреблениях, сняты с работы и осуждены⁶. Впрочем, в 30-е годы большая часть номенклатурных работников подверглась репрессиям. В их числе и секретарь райкома П. Г. Петросян. Как правило, вместе с обвиненными работниками репрессиям подвергались члены их семей, друзья и другие близкие. Так, на заседании бюро Мясниковского райкома от 19 июля 1937 г. рассматривалось дело Елизаветы Матвеевны Петросян (1895 г. р., чл. ВКП (б) с 1927 г.), родственницы первого секретаря Армянского райкома. Бюро постановило «за тесную связь и дружбу с контрреволюционером, троцкистом Егиазаровым [первый секретарь Мясниковского райкома],.. за связь со своим родственником, бывшим секретарем Армянского района, за покрытие их вражеских действий,.. исключить Е. М. Петросян из партии. Поручить органам НКВД детально расследовать ее связь с Егиазаровым и Петросяном»⁷.

¹ Там же, д. 2, л. 4, 4 об., 30-31.

² Там же, ф. 1415, оп. 1, д. 27, л. 14.

³ Там же, д. 33, л. 10.

⁴ Там же, д. 34, л. 38-40.

⁵ Там же, д. 41, л. 7-8.

⁶ «Молот», 25 сентября 1928 г.

⁷ ЦДНИРО, ф. 73, оп. 1, д. 34, л. 8.

27 ноября 1934 г. расширенный пленум райкома ВКП (б) констатировал, что укомплектование советских и партийных органов национальными кадрами и перевод делопроизводства на родной язык не завершены¹.

Необходимость выполнения конкретных задач «социалистического строительства» требовал пусть внешне преодолеть дистанцию между властью и народом. А внешним проявлением такого единства являлись национальные кадры. На 1 июля 1935 г. районная парторганизация насчитывала 186 человек, из них членов ВКП (б) – 129 и кандидатов – 57 человек. Значительную их часть составляли армяне. 19 руководителей местных парторганизаций из 23 также были представителями «титულიной нации» Армянского района².

К концу 1930-х гг., когда национальные районы потеряли свой автономный статус, в партийном руководстве Армянского района национальное представительство уже не соблюдалось. В апреле 1937 г. в районе с абсолютным преобладанием армянского населения вторым секретарем был Маковский, членами бюро – Ягодкин и Харченко, председателем райисполкома – Галегов. При таком национальном раскладе высшего органа власти района, несмотря на то, что должность первого секретаря райкома ВКП (б) занимал Петросян, армянский язык не мог использоваться в качестве официального³.

В контексте политики коренизации района особое внимание уделялось участию населения в *выборах и перевыборах в советы*. Активное участие сельчан в выборах было необходимо, так как они являлись формой легитимизации власти, важнейшим показателем доверия к ней и поддержки проводимой ею политики. Лояльность армян объяснялась тем, что СССР по традиции воспринимался как Россия и рассматривался ими в качестве братской страны, в противовес геноцидальной Турции. В связи с этим обращение властей о необходимости принять активное участие в выборной кампании нашло отклик у местных армян.

Население национального района проявило значительную активность на выборах в советы, хотя с каждым годом они становились все более и более формальными. Но армяне демонстрировали свою лояльность не режиму, а стране, ставшей для них сначала временным пристанищем, а затем постоянным местом жительства.

На выборах 1925-1926 гг., учитывая небольшую численность населения национальных районов, крайизбирком предложил расширить в них норму представительства на районные и окружные съезды советов. В постановлении Президиума Северо-Кавказского крайисполкома на районный съезд советов избирался один делегат от 100 жителей, на окружной съезд советов – один делегат от 500 жителей⁴. Для национальных районов устанавливалась норма представительства в сельсоветы – один депутат на 50 человек населения. Для следующей избирательной кампании нормы представительства изменились не в пользу Армянского района. По новому постановлению ВЦИКа от 9 мая 1927 г. на районные съезды советов для Армянского и Туркменского районов избирался

¹ ЦДНИКК, ф. 1415, оп. 1, д. 40, л. 24.

² Там же, д. 41, л. 57; д. 75, л. 45.

³ «Молот», 18 апреля 1937 г.

⁴ ГАРО, ф. 1485, оп. 1, ед. хр. 173, л. 209.

один делегат на 150 человек, тогда как для Шапсугского района – один делегат на 100 человек¹. Впрочем, для обычных (русских) районов этот показатель составлял один делегат на 300 человек населения.

Важнейшим сегментом национальной жизни являлась национальная *периодическая* печать. Хотя таковой она была по форме, а не по содержанию. В районе изредка получали газеты из Советской Армении, более регулярно краевую газету «Мурч-Мангах». Руководство Армянского района неоднократно поднимало вопрос об издании своей газеты. Только в 1931 г. было принято решение приступить к изданию газеты «Берки амар» («За урожай») – орган РК ВКП (б) и районного Совета депутатов трудящихся. Материалы газеты печатались на армянском и русском языках². Редакция (гл. ред. Г. Аракельян) и типография газеты находились в районном центре в с. Елизаветпольском (Шаумяне). В начале 30-х гг. «Берки амар» выходила форматом А3 на 4 полосах, периодичностью 10 номеров в месяц при подписной месячной стоимости 50 коп. Запланированного тиража в 2 тыс. экз. не удалось достигнуть даже к концу 1933 г.³ Как и другие подобные газеты, она была дотационной. С июля 1940 г. районная газета получила название «Коммунар»⁴.

В задачи настоящей статьи не входит рассмотрение культурного строительства, равно как и экономического развития района. Поэтому ограничимся несколькими сюжетами, имеющими значение для характеристики политической жизни.

Важнейшим направлением коренизации района являлось развитие образования на родном языке. Достижения в этом направлении были очевидны. За десятилетие школьная сеть увеличилась в несколько раз. Во второй пятилетке в 45 школах района (42 школы I ступени) обучалось 1766 учащихся (при общем количестве детей школьного возраста – 1948 человек), т. е. охват детей всеобщем составил 92 %. Предпринимались меры по увеличению числа учащихся в школах повышенного типа⁵. Очевидные достижения имелись в других сферах культурно-просветительной деятельности, здравоохранении, дорожном строительстве.

В то же время основная масса населения района состояла из бедняцких и в меньшей степени середняцких хозяйств. Жизненный уровень жителей являлся одним из самых низких среди аналогичных районов. Большая часть населения Армянского района объективно рассматривалась в качестве социальной опоры советской власти и проводимой ею политики.

Однако администрация и силовые структуры района должны были выполнять планы по «кулакам» и «врагам» колхозного строительства, даже если таковых и не было. Индустриализация требовала пополнить ГУЛАГ трудолюбивыми крестьянами, и таковых в Армянском районе было немало. А

¹ Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР..., М. -Л, 1928, с. 51.

² ЦДНИКК, ф. 1415, оп. 1, д. 23, л. 29.

³ Там же, д. 38, л. 12.

⁴ **Акопян В. З.**, Армянская периодическая печать Юга России в советский период, Вестник Адыгейского государственного университета (Майкоп), 2013, № 1, с. 21-27.

⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 958, л. 200; **Ржавин А. А.**, Национально-государственные образования в Краснодарском крае 20-50-е годы. Дис. ... канд. ист. наук., М., 2000, с. 139-140.

способов репрессировать их, записав в «подкулачники», т. е. поддерживавших кулаков, было достаточно.

В апрельском номере газеты «Молот» (1931) сообщалось: «Грубейшей политической ошибкой надо признать отсутствие в решениях армянской райпартконференции мобилизации масс на борьбу с кулаком. Несмотря на то, что в прошлом армянская парторганизация совершенно «утеряла» кулака, последняя партийная конференция в своих решениях опять ни одним словом не обмолвилась о борьбе с кулаком. Такое игнорирование важнейшего политического вопроса нужно квалифицировать как проявление правого оппортунизма на практике. Эту допущенную армянской организацией вопиющую политическую ошибку надо немедленно исправить, призвав колхозные и бедняцко-средняцкие массы к решительной борьбе с кулаком, осуществляя в неразрывной связи с этим коллективизацию района»¹.

После такого предупреждения районные власти вынуждены были развернуть колхозное строительство с небывалым до того размахом. В 1935 г. в 12 укрупненных колхозах района (вместо прежних 41 небольших) состояло 97,2 % хозяйств².

Во второй половине 1930-х гг. происходят изменения в политике по отношению к национальным меньшинствам. Прекращается коренизация в национальных районах. Делопроизводство переводится на русский язык. Происходит наступление на национальные учебные заведения. Решение проблемы нацменьшинств сталинское руководство понимало как возможность административными методами ускорить их ассимиляцию с целью создания «единой общности» с одним общим для всех наций языком. Причем любое сопротивление этому могло быть расценено как проявление «буржуазного национализма» и как следствие – масштабные репрессии против национальных деятелей.

1 декабря 1937 г. Оргбюро ЦК рассмотрело вопрос «О ликвидации национальных районов и сельсоветов» и признало «нецелесообразным» их дальнейшее существование. В обосновании этого решения указывалось, что «в ряде областей и краев искусственно созданы различные национальные районы и сельсоветы, существование которых не оправдывается национальным составом их населения. Больше того, в результате специальной проверки выяснилось, что многие из этих районов были созданы врагами народа с вредительскими целями. Буржуазные националисты и шпионы, пробравшиеся на руководящие посты в этих районах, проводили антисоветскую работу среди населения, запрещали в школах преподавание русского языка, задерживали выпуск газет на русском языке и т. п.». Постановление предписывало местным парткомитетам «к 1 января 1938 г. представить в ЦК ВКП (б) предложения о ликвидации этих районов путем реорганизации в обычные районы и сельсоветы»³.

Местным властям предоставлялось право определить судьбу национальных районов и даже прямо предлагалось либо упразднить и переименовывать их,

¹ «Молот», 22 апреля 1931 г.

² **Кайкова О. К.**, Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: Исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920-1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук., М., 2007, с. 190-191.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 114, д. 633, л. 3, 4.

либо изменять границы района, объединять их с другими районами с тем, чтобы поменялся национальный состав его населения. После этого национальный район можно было рассматривать как «искусственно созданный» со всеми вытекающими последствиями.

6 марта 1939 г. Бюро Краснодарского крайкома ВКП (б) приняло постановление «О преобразовании национальных районов и сельсоветов края», в соответствии с которым ликвидировались немецкий и греческий районы¹.

Был ли ликвидирован в рассматриваемое время Армянский район как национальный? С точки зрения его национального *статуса*, ответ будет положительным. С учетом названия района, состава населения, продолжавшегося ограниченного преподавания родного языка в школах – отрицательным. Если и существовал секретный план ликвидации Армянского района в конце 1930-х гг., его реализации помешала война.

В период Великой Отечественной войны жители района проявили мужество, стойкость, героизм и преданность родине. Испытания и жертвы не поддаются исчислению. Район оказался в эпицентре военных действий. Но еще до оккупации района немало его жителей ушли на фронт добровольно. Почти все мужское население было мобилизовано в Красную Армию и отправлено на войну. Героически сражались с врагом доблестные сыны Армянского района. Из них Героями СССР стали А. Снабьян, А. Мелконян и М. М. Шалджян. Первый орден Боевого Красного Знамени получил подполковник Мелик Захарович Кармирян родом из Алтубинала. Первым летчиком района стал Борис Авджян, награжденный орденами Ленина, Боевого Красного Знамени и др. Орденом Александра Невского был награжден командир батальона гвардии майор К. К. Партальян².

Армянский район оказался в самом эпицентре Туапсинской оборонительной операции, начавшейся 25 сентября и продолжавшейся до 20 декабря 1942 г.³. Здесь проходили самые ожесточенные оборонительные бои, в которых участвовали бойцы 408-й армянской стрелковой дивизии, не допустившие выхода противника к Туапсе⁴. Утром 4 октября находившийся в этом районе заместитель главнокомандующего и член Военного совета Северо-Кавказского направления Иван (Ованес) Степанович Исаков, выдающийся советский военачальник, Герой СССР, адмирал флота, в 1941-1943 гг. – начальник Главного морского штаба, заместитель главнокома ВМФ, был тяжело ранен, в результате чего ему ампутировали ногу⁵.

Жители района приняли на себя всю тяжесть военных действий. Армяне испытывали к оккупантам ненависть, с нетерпением ожидали освобождения и помогали всем, чем могли, попавшим в окружение солдатам и партизанам. Против гитлеровцев действовали пять партизанских отрядов, в большинстве

¹ Ржавин А. А., указ. соч, с. 104.

² Армянский район. URL: <http://forum.hayastan.com>.

³ История Второй мировой войны 1939-1945 гг., т. 1-12, М., 1973-1982. Провал агрессивных планов фашистского блока, т. 5, М., 1975, с. 207-217; Гречко А. А., Маршал Советского Союза. Битва за Кавказ, М., 1967, 424 с.

⁴ Саркисян С. М., 408-я армянская стрелковая дивизия в битве за Кавказ, Ереван, 1985.

⁵ Арзуманян А. М., Адмирал, М., 1976.

состоявших из местных жителей. Больше всего сохранилось информации о партизанском отряде им. Шаумяна, возглавляемом председателем райисполкома А. М. Малхасяном. В ноябре 1942 г. северо-восточнее от с. Котловина отряд был окружен гитлеровцами. Командир и большинство бойцов отряда погибли во время боя¹.

Среди районов Кубани, подвергшихся тотальному разрушению, Армянский район был первым в списке. В газете «Советская Кубань» писали: «Армянский район особо пострадал от хозяйничанья немецких бандитов. В каждом населенном пункте остались кровавые следы их “нового порядка” – пожарища и развалины»².

Многие жители, вынужденные во время военных действий покинуть свои населенные пункты, возвращались на пепелища. Значительная часть семей потеряла на войне кормильцев, немало было инвалидов. Руководство района (секретарь РК С. Б. Вартанян и председатель райисполкома П. Ф. Ремизов) мобилизовало население на восстановительные работы. Возрожденное село Шаумян вновь стало административным центром района.

То, что Армянский район не был упразднен сразу же после войны, можно объяснить следующими причинами.

В горах района пали смертью храбрых армянские солдаты и офицеры вместе с русскими и представителями других национальностей, не позволивших гитлеровцам захватить Туапсе. А жители района на деле продемонстрировали такой патриотизм и ненависть к захватчику, что упразднение района сразу же после войны стало бы яркой, ничем не прикрытой демонстрацией лицемерия сталинского режима.

Меркантильные соображения были связаны с необходимостью использовать трудолюбивое армянское население для восстановления полностью разрушенного района. Упразднение его национального статуса не прибавило бы энтузиазма местным жителям, вызвало бы у них чувство обиды и досады. Не случайно именно в год, когда официально было объявлено о восстановлении разрушенного хозяйства, район был ликвидирован.

Возможно, бывшие западноармянские беженцы должны были в определенной степени исполнить свою роль в попытке советского правительства реанимировать «армянский вопрос» в контексте послевоенных советско-турецких отношений. Во второй половине июля 1945 г. на конференции союзников в Потсдаме советское руководство вынесло на обсуждение вопрос о восстановлении границ Российской и Османской империй по состоянию на 1878 г. Возвращение СССР части армянских территорий обуславливалось необходимостью репатриации армян, разбросанных по всему миру³.

Армянский район был ликвидирован в год, когда наступила хрущевская «оттепель».

¹ Шахназарян Н., Аракелян А., Делигевурян С., Амшенская деревня в годы Великой Отечественной войны: без идеологических купюр. URL: <http://pipss.revues.org/4025>.

² Советская Кубань, 26 сентября 1945 г.

³ См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., т. VI, Сб. документов, М., 1980.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 августа 1953 г. были упразднены 24 района Краснодарского края, в том числе и Армянский. Его территория была распределена между Туапсинским и Апшеронским районами. Большая часть Армянского района и его центр Шаумян вошли в первый, а юго-восточная часть, включавшая 4 сельсовета – Кубано-Армянский, Режетский, Тубинский, Черниговский, – в Апшеронский район¹.

Армянское население было шокировано этим решением, восприняв его как незаслуженное наказание. Вслед за этим последовали меры, больше напоминавшие времена войны, разве только без человеческих жертв. Под предлогом «нерентабельности» ранее вполне успешные в хозяйственном отношении населенные пункты начинают уничтожаться, а их жителям было предложено переселяться в «рентабельные» села, которым предстояло через 20 лет встретить коммунизм. А при этой формации все нации должны были слиться в единую общность. Армянский район мог помешать реализации этой великой цели.

Подведем итог. При всех издержках советского режима само существование Армянского района способствовало сохранению национального самосознания населения, сдерживало ассимиляцию, которой особенно подвержены дисперсные этносы в полиэтнических районах. Но именно это обстоятельство и стало главным (и единственным) аргументом в пользу упразднения Армянского района. В последние десятилетия выявилось стремление к восстановлению национально-духовной жизни армянского населения, живущего в селах упраздненного района². Но это уже следующая страница в истории армян Закубанья.

Վիկտոր Հակոբյան – Հայկական ազգային տարածաշրջանի Կուրանու մ. կրթություն, կարգավիճակ, քաղաքական գործընթացներ

Հոդվածը նվիրված է Կուրանի Հայկական շրջանին (Կրասնոդարի մարզ), որը կազմավորվել է 1925 թ. և վերացել 1953 թ.: Տեղի հայերի նախնիները եղել են Օսմանյան կայսրության հյուսիսարևելյան շրջաններից գաղթածներ: Այնտեղ էր գտնվում նաև հայկական պատմամշակութային շրջանը՝ Համշենը: Թուրքական իշխանությունների բռնություններից և ցեղասպանությունից փրկված համշենահայերը XIX դարի կեսերից սկսել են բնակություն հաստատել Ռուսաստանի կովկասյան ափերին:

Ազգային շրջանը կազմավորվել է Մայկոպի մարզի Խաղիժենսկու և Կուրանի մարզի Գորյաչեկյուչսկու շրջանների հայկական գյուղերի միավորման հետևանքով: Հայկական շրջանի վարչական կենտրոնը դարձել է Ելիզավետպոլի գյուղը, որը 1936 թ. վերանվանվել է Շահումյան:

Հեղինակը շրջանի պատմությունը պայմանականորեն բաժանում է երեք փուլի: Առաջինը՝ 1925-1930 թթ., երբ այն գտնվել է Մայկոպի մարզի կազմում: Երկրորդը՝

¹ Армянский район. URL: <http://forum.hayastan.com>.

² **Тулумджян А. Л.**, Черноморские (амшенские) армяне в XXI веке. Проблемы сохранения идентичности и пути их решения, Общероссийская и национальная идентичность. Материалы международной научно-практической конференции, 19-20 апреля 2012 г. / Ответственный редактор В. З. Акопян, Пятигорск, 2012, с. 309.

1930-1937 թթ. մարզային բաժանման վերացումից հետո, այն ուղղակիորեն դարձել է Դոնի Ռոստովին ենթակա, որը Հյուսիսկովկասյան մարզի կենտրոնն է (1934 թ. Ազովսևնովյան): Երրորդը՝ 1937-1953 թթ., երբ շրջանը ընդգրկվել է Կրասնոդարի մարզի կազմում: Հողվածում դիտարկվում են առաջին երկու փուլերը, երբ շրջանը ունեցել է ազգային կարգավիճակ (մի շարք աղբյուրներում՝ ինքնավար):

Հայկական մարզին բնորոշ էին ինքնավար կազմավորումների հատկանիշները: Հետևաբար հեղինակը այդ տարածքային կազմավորումը դիտարկում է որպես ինքնավարության «փոքր տեսակ»: Հողվածի առանցքը «ազգայնացման» քաղաքականությունը («արմատավորումը») է, պաշտոնական, մշակութային հաստատությունների փաստաթղթերի թարգմանությունը մայրենի լեզվով: Հայկական երկու շրջաններում (Դոնի Հայկական և Մյասնիկյան) այդ քաղաքականությունը նույնպես հաճախ կոչվում էր «հայկականացում»:

Հողվածագիրը եզրակացնում է, որ չնայած խորհրդային վարչակարգին՝ Հայկական մարզի գոյությունը նպաստում էր բնակչության ազգային ինքնության պահպանմանը: Սակայն ազգային փոքրամասնությունների նկատմամբ խտրականությունը ի վերջո հանգեցրեց Հայկական մարզի վերացմանը 1953 թ.:

Victor Hakobyan – *Armenian National Region in Kuban: Education, Status, Political Processes*

The article is devoted to the Armenian district in Kuban (Krasnodar region), which was formed in 1925 and disappeared in 1953. The ancestors of local Armenians were emigrants from the northeastern regions of the Ottoman Empire. Hamshen – Armenian historical and cultural district, was also located there. Hamshen Armenians, who were the survivors of violence and Genocide of the Turkish authorities, started to settle on the Caucasian coast in Russia in XIX century.

The national district was formed as a result of merging of the Armenian villages of Khazhdenski district of Maikop region and Goryachekljuchevski district of Kuban region. The administrative centre of the Armenian district became Yelizavetpol village which was renamed Shahumyan in 1936.

The author conditionally divides the history of the district into three stages. The first, 1925-1930, when it was part of Maikop. Secondly, the 1930-1937 period, after eliminating the provincial division, it became directly subject to Rostov, which is the regional center of the North Caucasus district (1934 Azov-Black Sea). Thirdly, 1937-1953, when the district was included as part of Krasnodar region. The article dealt with the first two stages when the district had a national status (in a number of sources – autonomous).

The features of the autonomous formations were characteristic to the Armenian district. Therefore, the author considers that regional formation as a “small type” of autonomy. The core of the article is the “introduction of nationalization” policy, the translation of documents of official, cultural institutions into their mother tongue. In two Armenian districts (Don Armenian and Myasnikiyan), this policy was also called “Armenization”.

The author of the article concludes that in spite of the Soviet regime, the existence of the Armenian region contributes to the preservation of national identity. However, discrimination against ethnic minorities eventually led to the elimination of the Armenian region in 1953.

АРМЯНСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА КУБАНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ключевые слова – национальные меньшинства, общественные организации, благотворительность, устав

Территория современной Кубани на протяжении веков в силу своего уникального геополитического и геокультурного положения выделялась высокой интенсивностью этнокультурных и межконтинентальных контактов. Здесь взаимодействовали различные этносы и культуры, сохраняя при этом собственную идентичность. Для поликультурного, многоконфессионального пространства Кубани характерен богатый опыт межкультурной коммуникации проживающих здесь народов. Важным фактором адаптации и одновременно показателем внутриэтнической консолидации национальных меньшинств стали национальные общественные организации. В данной статье рассматривается история армянских общественных организаций в регионе до революции, их формы и методы работы.

Зарождение общественных организаций как центров этнической коммуникации среди национальных меньшинств на Кубани происходит в конце XIX – начале XX вв. В Государственном архиве Краснодарского края хранится множество документов, помогающих восстановить деятельность этих организаций: их уставы, ежегодные отчеты, распоряжения власти.

Армяне первыми из народов Кубани еще в 1880-е годы поднимали вопрос о необходимости создания в Кубанской области благотворительного общества. В 1882 г. Совет Армянского Благотворительного общества на Кавказе послал прошение начальнику области об оказании содействия в развитии деятельности Общества на Кубани¹. Запросы посылались неоднократно. В 1889 г. в Армавире открылся филиал Армянского благотворительного общества на Кавказе, основанного в 1881 г. в Тифлисе. Основное внимание Общество уделяло развитию сети национальных образовательных и духовных учреждений, устраивало театрализованные вечера и пр.

В это время на Кавказе стали закрываться армянские общественные организации. 21 ноября 1899 г. было расформировано и армавирское отделение Армянского благотворительного общества на Кавказе.

Только 6 апреля 1908 г. правительство разрешило открыть отделение Армянского Благотворительного общества на Кавказе, в Армавире². Главной целью этого Общества было «содействие к распространению в Кавказском и Закавказском крае просвещения между армянами и оказание им материальной помощи».

¹ Государственный архив Краснодарского края (далее: ГАКК), ф. 454, оп. 2, д. 3776, л. 26.

² Там же, д. 3776, л. 26.

Как определялось уставом, для достижения этой цели Общество по мере развития своих средств могло: а) поддерживать армянские школы, содействовать открытию новых; б) содействовать распространению ремесел в народе; в) помогать учащимся в деле их образования; г) печатать книги и периодические издания для народного чтения, а также другие литературные произведения; д) учреждать типографии, литографии и библиотеки для чтения; е) утверждать больницы и другие благотворительные заведения; ж) помогать страждущим во время народных бедствий (голода, эпидемии, пожара), для чего в случае нужды может снаряжать санитарные отряды или посылать уполномоченных; з) помогать и другим обществам, учрежденным для армян.

Средства Общества составлялись из ежегодных членских взносов, единовременных пожертвований деньгами, вещами и всякого рода имуществами, сумм, выручаемых от чтений публичных лекций, устройства концертов, театральных спектаклей и т. п. по примеру других обществ, а также от продажи книг, периодических изданий и вообще всякого собственного имущества по усмотрению Общества. В Общество принимались лица обоего пола неограниченным числом. Членство в нем было безвозмездным. Во главе Общества находился Совет, который ведал всеми делами, расходами денег. Два раза в год в Тифлисе собиралось общее собрание.

В правление Общества в 1908 г. преобладали врачи (С. Сеферов, Н. Бахчиев) и юристы (С. Егоров, Б. Кусиков, А. Унанов)¹.

За время своей деятельности общество занималось сбором средств для содержания армавирских Успенского и Георгиевского храмов, а также двух церковно-приходских училищ (мужского и женского) при Успенском храме. Помощь Общества распространялась и на армянских беженцев из Западной Армении, жертв геноцида.

18 мая 1908 г. подобное общество начало свою деятельность в Екатеринодаре. Его Устав был полностью скопирован с Устава Отделения Армянского Благотворительного Общества на Кавказе, ставились аналогичные цели². В разные годы в него входили видные деятели армянской общины г. Екатеринодара, предприниматели: Богарсуковы, Тарасовы, Аведовы. На средства общества содержалось смешанное армянское церковно-приходское училище при Успенской церкви Екатеринодара, оказывалась помощь эмигрантам. Хотя в правительственных отчетах говорилось о незначительной помощи Общества, все же его деятельность в жизни армянской диаспоры Екатеринодара нельзя недооценивать.

Отделения Армянского Благотворительного Общества на Кавказе в Екатеринодаре и Армавире были не единственными армянскими организациями в области. Здесь существовали и женские армянские организации.

Прошение жительниц Екатеринодара Е. К. Пирумовой, А. М. Берекчиан, В. Г. Есяян и других было одобрено местной властью, и 18 января 1907 г. общество открылось. Свою цель оно определило так: «Вспомоществование нуждающимся лицам армянского происхождения г. Екатеринодара». Это «вспомоществование» оказывалось: «... а) выдачею нуждающимся продовольствия, отопления и

¹ Там же, л. 6-12.

² Там же, д. 4019, л. 23.

одежды; б) единовременными или периодическими денежными пособиями; в) приисканием работы; г) помещением стариков обоого пола в убежища, дома призрения и установлении (при наличии средств) с разрешения Церковного Совета Екатеринодарского Армянского прихода и местной власти – богадельни, приюты, убежища; д) помещение детей обоого пола на средства общества в учебные заведения и сиротские дома».

Членами общества могли становиться все мужчины и женщины, вносящие взносы (6 рублей в год), кроме несовершеннолетних и военных. Работа в обществе не оплачивалась. Общество располагалось в здании Армянской церкви по улице Красной¹.

Дамское армянское благотворительное общество прекратило свое существование 6 апреля 1908 г. и все имеющиеся средства (2905 рублей 55 копеек) передало в Екатеринодарское отделение Кавказского Армянского благотворительного общества².

Кроме Екатеринодара, Женское Армянское Благотворительное общество в 1907 г. открылось в Майкопе в здании армянской церкви. Устав общества был идентичен уставу Екатеринодарского Дамского Армянского общества и преследовал те же цели.

За первый год своей деятельности общество собрало членских взносов и пожертвований от различных лиц в размере 233 рубля. В последующие годы приход денег был примерно таким же. Столь скудные суммы не позволяли членам общества выполнить даже часть намеченных в Уставе задач. Помощь оказывалась только самым неимущим армянам Майкопа и составляла примерно 11-15 % от собранных средств³. Вообще, недостаток денег, невозможность оказывать необходимую помощь были основными бедами не только армянских, но и благотворительных организаций других народов Кубани.

Весьма активной была деятельность армянских благотворительных обществ в годы Первой мировой войны. Главным координирующим органом армянской общины по оказанию помощи беженцам стал Армянский Национальный Совет, вокруг которого в начале января 1919 г. объединились все организации помощи беженцам-армянам, действовавшие в Екатеринодаре⁴. В конце ноября 1918 г. председателем Совета был избран представитель известной предпринимательской семьи Е. Г. Тарасов, а в составе Совета был создан особый беженский отдел (заведовал им Т. Маркарьян), занимавшийся проблемами реэвакуации беженцев и оказанием помощи остающимся в городе. По его ходатайству для размещения беженцев был реквизирован ряд городских зданий. Представители Совета постоянно участвовали в работе Чрезвычайной комиссии по борьбе с заразными болезнями.

Одним из основных направлений деятельности общественных организаций по оказанию помощи беженцам являлся сбор пожертвований. Им занимались в Екатеринодаре Армянский комитет попечения о беженцах, Армянский учениче-

¹ Там же, д. 3911, л. 1-8.

² Там же, л. 24.

³ Там же, д. 3925, л. 1-29.

⁴ «Новое Утро Юга», 1919, № 28 (56).

ский союз, Союз армянских женщин, редакция армянской газеты «Ардзаганк», местный Армянский комитет Российского Общества Красного Креста, несколько подобных организаций действовали в Армавире. Уже к декабрю 1918 г. в Армянский Национальный совет поступило 830 рублей. Конечно, наибольшую помощь беженцам могли оказать наиболее состоятельные члены армянской общины. В январе 1919 г. по инициативе Е. Г. Тарасова прошло их собрание, на котором было решено оказать содействие возвращающимся на родину беженцам (по 150 рублей на человека). Предполагалось помогать также остающимся в городе, для чего был объявлен сбор денег среди богатых армян, сразу же давший более 100 тысяч рублей. С 10 декабря 1918 г. член Армянского Национального Совета Е. Н. Ходжабаронов за свой счет обеспечивал питание 40 беднейших беженцев-армян. Местная армянская община действовала в тесном сотрудничестве с армянской общиной Нахичевани-на-Дону (уполномоченный в Екатеринодаре – Татевосян), пожертвовавшей на помощь армянским беженцам в Екатеринодаре около 20 тысяч рублей. За счет этих средств беднейшим беженцам, проживавшим в палатках и амбарах на городских хлебных ссыпках и в Самурских казармах, закупались хлеб, горячая пища и молоко для грудных детей¹. Кроме того, Татевосян организовал открытие амбулатории на ссыпках и фельдшерского пункта в казармах.

Деятельность национальных общественных организаций прекратилась с приходом большевиков, когда начинается процесс национализации и советизации всех общественных и образовательных учреждений. Многие из благотворителей эмигрировали, другие окончили свою жизнь в нищете.

Итак, в начале XX века на Кубани существовало несколько армянских организаций. Располагались они в местах преимущественного проживания армян. Деятельность этих обществ была направлена на сохранение идентичности, оказание материальной поддержки представителям диаспоры, распространение национальной культуры.

Չարինե Սադր – Հայկական հասարակական կազմակերպությունները Վուրանում XIX դարի վերջին և XX դարի սկզբին

XIX դարի վերջին – XX դարի սկզբին Վուրանում հայկական հասարակական կազմակերպությունների ստեղծման կարևոր նախապայմաններից են եղել այդ ժամանակահատվածում տվյալ տարածաշրջանում առկա բազմազգ բնակչությունը, ժողովրդի ձգտումը դեպի էթնիկ և մշակութային համախմբում, ռուսական քաղաքների և մարզերի կյանքում ոչ պետական կազմակերպությունների աճող դերը, Ռուսական կայսրության տարբեր շերտերի ներգրավվածությունը արդիականացման գործընթացում: Այդ հասարակությունների գործունեությունը ուղղված էր ինքնության պահպանմանը, սփյուռքի ներկայացուցիչների նյութական աջակցության ապահովմանը, ազգային մշակույթի տարածմանը:

Հասարակության մեջ գերակշռում էին բարեգործական կազմակերպությունները: Դրանց գործունեության հիմնական ուղղություններն էին նվիրատվություն-

¹ Там же, № 1 (14); 1918, № 2; 1919, № 16 (44), № 18 (46), № 19 (47).

ների հավաքումն ու բաժանումը, սոցիալական օգնությունը, լուսավորչական աշխատանքը: Ինչպես բարեգործական վիճակախաղերից, համերգներից, ներկայացումներից, նաև եկեղեցական պարագաների վաճառքից ստացված գումարի մեծ մասը նման կազմակերպությունները ծախսում էին իրենց էթնիկ խմբի համար մշակութային և կրթական հաստատություններ բացելու և պահպանելու, ինչպես նաև նպաստներ և կրթաթոշակներ տալու համար: Լուսավորչական առաքելությունն իրականացնում էին գրադարաններ ստեղծելով, մայրենի լեզվով գրքեր վաճառելով, հրատարակչական գործունեություն ծավալելով:

Ազգային փոքրամասնությունների երկրորդ խումբը գրական-գեղարվեստական միավորումներն են: Նրանց գործունեության առաջնահերթ ուղղվածությունն ազգային մշակույթի տարածումն էր սփյուռքում, որին ներգրավում էին գրողներ, երաժիշտներ՝ համերգներ և դասախոսություններ կազմակերպելու նպատակով: Այդպիսի միջոցառումներից ստացված գումարը նույնպես հատկացվում էր հասարակության գործունեության ոլորտի ընդլայնմանը:

Հայկական ընկերությունների կազմակերպչական հիմքերը գրեթե չէին տարբերվում մյուս ազգային կառույցներից: Ընկերության գործերը տնօրինում էր Վարչության (Խորհուրդ) և ընկերության անդամների ընդհանուր ժողովը: Պետության հիմնական գործառույթը կազմակերպության հիմնադիրների հուսալիության վերահսկումն էր: Ընկերությունների միջոցները զոյանում էին նաև տարեկան կամ ամսական անդամավճարներից, ընկերության անդամների կամ այլ անձանց նվիրատվություններից, ունեցվածքից ստացված եկամուտից: Հայկական կազմակերպություններին օգնում էին առևտրականները և միջին խավի ներկայացուցիչները:

XIX-XX դարերում Հայկական հասարակական կազմակերպությունների սոցիալ-մշակութային ակտիվ գործունեությունը դրական ազդեցություն է ունեցել սոցիալ-քաղաքական և մշակութային կյանքի վրա, նպաստել է բազմամշակութային տարածաշրջանում էթնիկ խմբերի հակամարտությունների կանխարգելմանը:

Karine Sadem - Armenian Public Organizations in Kuban at the End of XIX Century and at the Beginning of XX Century

At the end of XIX century and at the beginning of XX century the important preconditions of creating Armenian non-governmental organizations in Kuban were the diverse population of the region during that period, the aspiration of people for ethnic and cultural consolidation, the growing role of non-governmental organizations of Russian cities and regions, the involvement of different groups of the Russian Empire in the modernization process. The activity was aimed at protecting the identity of those communities, providing material support to the representatives of Diaspora, dissemination of national culture.

Charitable organizations dominated in the society. Their main activities were the collection and distribution of donations, social assistance, enlightenment work. Such organizations spent a large part of the proceeds from charity lotteries, concerts, performances as well as from the sale of religious accessories on opening and maintaining cultural and educational institutions as well as giving benefits and scholarships. Enlightenment mission was realized by creating libraries, selling books in their mother tongue, promoting publishing activity.

The second group of national minorities were the literary associations. The primary focus of their activity was the dissemination of national culture in the arrangements, which involved

writers, musicians for organizing concerts and lectures. The cash resources derived from these arrangements were also allocated to the expansion of the public sector.

The organizational bases of the Armenian companies did not differ from national structures. The affairs of the company were managed by the Board (Council) and the company's general meeting. The main function of the State was overseeing the reliability of the founders of the organization. Funds generated by the companies' annual or monthly membership fees, donations by its members or other persons and their income from the property. The merchants and the middle class helped the Armenian organizations.

The activities of the Armenian non-governmental organizations in XIX-XX centuries had a positive impact on the socio-political and cultural life and promoted conflict prevention of multicultural ethnic groups.

ОЦЕНКА СОЧИНЕНИЙ С. Н. ГЛИНКИ ПО ИСТОРИИ АРМЕНИИ В РУССКОЙ И АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова – С. Н. Глинка, историческая концепция, русский консерватизм, история армянского народа, русская историография, армянская историография, русская школа, арменоведения

Писатель и общественный деятель Сергей Николаевич Глинка (1776-1847) был известен со времён 1812 г. как издатель журнала «Русский вестник», видный представитель консервативно-патриотического движения¹.

Его имя встречается в исследованиях по истории русской литературы, журналистики. Вместе с тем в исторической литературе почти не упоминаются его работы по истории Армении, не рассматриваются обстоятельства, обусловившие его обращение к арменистике, его вклад в русскую историографию армянского народа. Тогда как его работы по истории армянского народа², а также мемуары³ сохраняют своё значение и в наше время.

Об исторической концепции С. Н. Глинки

Прежде чем обратиться к работам С. Н. Глинки армянской тематики необходимо остановиться на характеристике его мировоззрения и исторической концепции в современной историографии.

Исследователи обращали внимание на то, что, оставаясь в целом приверженцем консервативного направления, С. Н. Глинка также, как и декабристы, увлекался всемирной историей, идеализировал Древнюю Грецию, республикан-

¹ См.: **Замотин И. И.**, «Русский вестник» Глинки, Отечественная война и русское общество 1812-1912, т. V, М., 1912, с. 130-138; **Дружинин Н. М.**, Освободительная война 1812 г. и русское общество, Вопросы истории, 1963, № 11, с. 34-46; **Мартин А.**, «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808-1812гг.), Консерватизм в России и мире в 3 ч., ч. 1, Воронеж, 2004; **Минаков А. Ю.**, Русский консерватизм в первой четверти XIX века, Воронеж, 2011, с. 452. Описание жизни и творчества С. Н. Глинки дано нами в кн.: **Саядов С. М.**, Глинка С. Н. От русской истории к истории армянского народа, Ереван, 2006, с. 32-126.

² Речь идёт о следующих работах: «Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей» (1831) (далее: «Две повести»), «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времён Армении» (1831) (далее: «Описание переселения»), «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи» (ч. I, 1832; ч. II, 1833) (далее: «Обозрение истории»), С. Н. Глинка был одним из авторов трёхтомного издания «Собрание Актов, относящихся к Обозрению Истории Армянского народа» (1833-1838).

³ См.: «Записки о 1812 годе» (СПб., 1836); «Записки о Москве» (СПб., 1837); «Записки Сергея Николаевича Глинки» (СПб., 1895).

ский период римской истории, из современных событий выделял национально-освободительные движения народов.

Соединение казалось бы несовместимых черт в мировоззрении С. Н. Глинки в литературе объясняется спецификой воспитательной системы кадетского корпуса, в стенах которого он прожил 12 лет (1783-1795): «Двойственность образовательной системы Сухопутного шляхетного кадетского корпуса С. Н. Глинка сохранил в течение всей жизни, и в его консервативно-националистических взглядах всегда присутствовал довольно заметный просветительский субстрат»¹: восхищение республиканскими идеалами, ненависть к рабству, деспотизму мирно уживалось в его сознании с искренней преданностью самодержавию. Сочетание просветительского гуманизма с идеей незыблемости существующего миропорядка, «с мыслью о государстве как семье, где подчинение покоится на взаимной любви монарха-отца к детям-подданным, стало характерной чертой мировоззрения и творчества Глинки», отмечает Л. Н. Киселёва².

Для Глинки была свойственна идеализация реальности, вера в изначальное верховенство добра над злом, стремление изменить мир с помощью слова, просвещения, примера нравственной жизни. Все его произведения и в не меньшей степени сочинения по армянской истории несут в себе эти черты мировоззрения и личности автора.

И. В. Попов заметил, что «при всей его «благочестивости» С. Н. Глинка был близок духу нового века. Прежде всего – по тенденциям оппозиционным. Его оппозиционность, как это ни парадоксально, прямо связывалась с его «реакционностью», с характером идеализации им русской старины, – с той создаваемой им утопией патриархального государства, от лица которой он предъявлял свои претензии текущему моменту»³. С. Н. Глинка всегда был «оппозиционером», но оппозиционером не «из будущего», а «из прошлого», т. е. «своим», почвенным, ответственным перед Отечеством. Уже в его первом печатном произведении: благодарственной оде «Песнь Великой Екатерине» (1794), говорилось о государстве как семье, чуждой рабству и деспотизму, и о благе просвещенной монархии. В сочинениях С. Н. Глинки национальная идея часто соседствует с идеей монархической.

Тема «С. Н. Глинка – историк»⁴ исследуется Т. А. Володиной. Его «Русская история» анализируется в сопоставлении с историческими произведениями Н. М. Карамзина. При всём различии сочинений двух авторов, полагает исследователь, у них немало общего. Это и занимательность повествования: каждый из них выступал одновременно и как художник и как историк: «Если Карамзин де-

¹ Лупарева Н. Н., Общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки: Автореф. дисс.... канд. ист. наук, Воронеж, 2010, с. 17. О влиянии кадетского корпуса на С. Н. Глинку См.: Киселева Л. Н., С. Н. Глинка и кадетский корпус (из истории «сентиментального воспитания» в России), Уч. зап. Тартуского ун-та, Тарту, 1982, № 604.

² Киселёва Л. Н., Глинка С. Н. // Русские писатели, 1800-1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев, М., 1989, с. 576.

³ Попов И. В., Преддекабристская публицистическая критика о патриотизме, Писатель и критика. XIX век: Межвуз. сб. науч. трудов, Куйбышев, 1987, с. 5.

⁴ Путь становления Глинки-историка: от театральных патриотических пьес о русской старине, к изданию «Русского вестника», написанию сочинений по русской истории, истории народов, борющихся за своё национальное освобождение, наконец, к истории армянского народа.

лал шаг навстречу массовому историческому сознанию, представляя в своём лице науку, то Глинка был частицей самой «публики», пытавшейся ухватить и приспособить для своих целей приобретения этой науки [истории]. Издатель «Р. в.» чутко уловил веление времени, приступив к созданию исторического мифа, окрашенного в тона романтического национализма¹. Общей была и патриотическая позиция, забота о судьбе «русской земли», определявшая эмоциональную силу повествования о «минувших столетиях». Реконструируя исторические воззрения писателя, Т. А. Володина показала, что, выбирая между исторической достоверностью и исторической «справедливостью», он, как правило, отдаёт предпочтение последней².

Для обоснования своих политических взглядов консерваторы обращались к истории, ибо «настоящее объясняется прошедшим». А. Ю. Минаков показал закономерную связь исторических воззрений С. Н. Глинки с его общественно-политическим мировоззрением: «Русская история с момента возникновения русского консерватизма стала рассматриваться его идеологами как одна из основных опор консервативно-националистического самосознания. Не случайно консерваторы М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и С. Н. Глинка были создателями обобщающих трудов по русской истории. Примеры из идеализированной версии русского прошлого призваны были «излечить» галломанию русского дворянского общества»³. Поэтому во многих своих произведениях С. Н. Глинка уделял особое внимание «отечественному воспитанию» как средоточию и транслятору «культурных, нравственных, общественно-политических ценностей, созданных конкретным народом за историю его существования»⁴, он рассматривал историю как идеальное хранилище «назидательных» примеров для потомства. По мнению А. Ю. Минакова, историософская концепция С. Н. Глинки отличается антилиберализмом, имеет характер патриархального мифа (утопии о социальной гармонии), в котором обозначаются контуры «национальной идеи» (Россия – особый православный мир, с самобытным духовным строем, особой миссией спасения Человечества)⁵.

Обстоятельный историографический обзор работ о жизни и деятельности С.

¹ Володина Т. А., «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX века, Вопросы истории, 2002, № 4, с. 160. См. также: Володина Т. А., Сергей Николаевич Глинка, Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия, Воронеж, 2005, с. 142-170. Появление «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина открыло дорогу не только для собственно исторических сочинений, но и книг для чтения по истории, к числу которых могут быть отнесены историко-литературные произведения С. Н. Глинки. В 1825 г. Н. М. Карамзин ходатайствовал перед министром народного просвещения А. С. Шишковым о награждении С. Н. Глинки за его «Русскую историю» (См.: Саядов С. М., указ. соч., с. 143-144).

² См.: Володина Т. А., «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX века, с. 152.

³ Минаков А. Ю., Русский консерватизм в первой четверти XIX века, с. 460.

⁴ Лупарева Н. Н., С. Н. Глинка в споре о «старом» и «новом» слоге русского языка в начале XIX столетия, Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2010, № 2, с. 140.

⁵ Минаков А. Ю., Глинка Сергей Николаевич (1776-1847), Воронеж, 11 ноября 2004 г. - <http://clck.ru/8twnB> (ссылка укорочена, дата обращения: 21. 11. 2014); Минаков А. Ю., Русский консерватизм первой четверти XIX века, с. 55-59.

Н. Глинки дан в монографии Н. Н. Лупаревой, которая представляет собой первое обобщающее исследование жизни и деятельности представителя консервативно-националистического лагеря периода царствования Александра I¹.

Опираясь на многие работы С. Н. Глинки, Н. Н. Лупарёва выясняла его отношение к восточному направлению внешней политики России 1820-х гг. Она показала, что, по его мнению, Османская империя является «искусственным политическим образованием, насильственным образом включившим и деспотическими мерами удерживающим чуждые культурно-исторические единицы». В результате анализа работ С. Н. Глинки, она пришла к выводу о том, что он «распространял свой идеал общественно-политического устройства и представления о справедливых с его точки зрения основах миропорядка вообще на всю историю человечества, считая их универсальными для всех народов и всех эпох»².

Эта мировоззренческая и культурно-историческая концепция С. Н. Глинки нашла своё выражение и в его арменоведческих трудах.

С. Н. Глинка – историк Армении

Последовательная национально-патриотическая позиция писателя, его постоянное внимание к истории народа российского – всё это предполагало уважительное отношение к истории и других народов.

Работы С. Н. Глинки представляют собой определённый рубеж в изучении истории Армении в России. История Армении, наполненная духом борьбы за свободу и независимость, изображена как одна из ярких страниц всемирной истории. Его книги и сегодня используются теми, кто изучает историю русско-армянских отношений, армянской освободительной борьбы, историю Армении в целом.

Цель нашего исследования – определить вклад, который внёс Сергей Глинка в русскую историографию Армении на основе анализа тех оценок, которые давались его сочинениям в публикациях современников, в последующих исследованиях его творчества.

Жизнь и деятельность С. Н. Глинки рассматривалась нами главным образом с точки зрения объяснения истоков его интереса к Армении. В пору творческой зрелости им были написаны сочинения, вобравшие в себя последние достижения исторической науки первой трети XIX в. и подводившие определённые итоги изучению истории Армении в России. По-видимому, это новое поприще в творчестве русского писателя, и тем важнее понять автора, поскольку в воспоминаниях современников, трудах исследователей он обычно представлялся как человек, придерживающийся консервативных, национально-патриотических взглядов. Когда речь идёт о новом предмете внимания писателя, вероятно, можно говорить не только о новой тематике его сочинений, но и об изменении его политических и историософских взглядов. На подобную особенность

¹ См.: Лупарева Н. Н., «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки, Воронеж, 2012, с. 5-19.

² Там же, с. 162.

его мировоззрения обращали внимание исследователи: С. Н. Глинка – консерватор и монархист – в своих арменоведческих работах выступил как представитель передовой интеллигенции того времени¹. Это, по-видимому, было связано не только с «романтическим консерватизмом» писателя, но и, главным образом, с его увлечением армянской историей и культурой.

Этой стороне творчества писателя посвящается историографический обзор основных публикаций.

Оценка арменоведческих сочинений С. Н. Глинки современниками

После публикации «Двух повестей», М. А. Максимович в майской книге журнала «Телескоп» за 1831 год напечатал положительный отзыв, в котором отметил важность изучения истории Армении².

Н. Полевой – автор рецензии, опубликованной в «Московском телеграфе», вполне доверяет источникам, на которые опирался в своей работе С. Н. Глинка. Он, в частности, пишет, что «С. Н. Г. занимается ныне Армянскою Историею; он с восторгом говорит об ней. Желаем почтенному автору успеха; на слово верим, что две повести нашего поэта-космополита по его литературным занятиям, точно взяты из Армянских летописей <...> Если точно так поступали, говорили и пели Армяне в такие старые годы, как изображает С. Н. Г., - то честь им! Они перешеголяют многие народы древностию образования и гражданственности»³.

Если представителями передовой общественной мысли публикации, касающиеся истории армянского народа, воспринимались позитивно и благожелательно, то в официальных кругах общества они не всем пришлись по вкусу. Неприятие могли вызвать идеи взаимного доверия, привязанности, духовной близости русского и армянского народов, которыми была проникнута «История» Глинки, его нескрываемая симпатия к армянскому народу.

За пристрастное описание переселения армян 1828 г. С. Н. Глинка был подвергнут критике А. А. Бестужевым-Марлинским⁴. По-видимому, это было связано с тем, что в книге «Описание переселения» писателю было важнее показать историческое значение этого события для судеб Армении, чем делать акцент на трудностях, с которыми столкнулись переселенцы, на ошибках в организации переселения. В своей работе С. Н. Глинка выходил за рамки общепринятых канонов при изображении исторических событий: помимо описания деятельности высших должностных лиц, он рассказывал и о простых армянах-переселенцах, их чувствах, настроениях, надеждах на лучшую жизнь в пределах Российской империи.

В журнале «Библиотека для чтения» в разделе «Критика» была помещена рецензия О. И. Сенковского на книгу «Обозрение истории армянского народа».

¹ См.: Арешян С. Г., Сергей Глинка и армянская культура, Советская литература и искусство», 1944, № 67, с. 77 (на армянском языке); Акопян Э. А., Арменоведение в России, Ереван, 1988, с. 81.

² См.: «Телескоп», 1831, ч. III, № 9, с. 110-111.

³ «Московский телеграф», 1831, № 6, с. 243-244.

⁴ См.: Письмо А. А. Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым. Дербент. 14 декабря 1832, «Русский вестник», 1861, март, с. 335.

Автор рецензии выражал сомнение в достоверности и объективности сведений, содержащихся в литературе, которую использовал С. Н. Глинка. Рецензенту не удалось избежать традиционных упреков в отношении древности истории армян и их исторических персонажей. Он был невысокого мнения о книге «Обозрение истории», однако выделял её наиболее интересные стороны: «Сведения, собранные автором в отношениях русского Правительства к Армянам со времен Петра Великого, и о действиях фамилий ГГ Лазаревых на пользу своего народа, очень любопытны»¹. Если на страницах «не слишком доброжелательной» по своему содержанию рецензии нашлось несколько добрых слов о рассматриваемом произведении, то это свидетельствует, на наш взгляд, что упомянутые аспекты книги были актуальны и убедительны.

С. Н. Глинка спокойно относился к подобной критике. Он отзывался на неё в письме Х. Е. Лазареву: «Думаю, что Вы прочитали в Библиотеке для Чтения не разбор, а пустословие о нашей Армянской Истории. <...> Со временем возражу»².

Несмотря на то, что в 1832 г. С. Т. Аксаковым было дано цензурное разрешение на публикацию «Обозрения истории», Глинка был обеспокоен мнением, которое создалось о его труде. Чтобы избежать возможных проблем, он обратился к Х. Е. Лазареву и через его посредство – к А. Х. Бенкендорфу с просьбой о вторичном цензурном рассмотрении своего труда. Причиной этому, как писал С. Н. Глинка, «послужила распушенная молва: будто бы моя история Армянского народа наполнена каким-то буйственным либерализмом»³. Он сам повёз свой труд цензору, чтобы предупредить своих критиков.

В целом же содержание отзывов и характер критики работ С. Н. Глинки по истории Армении свидетельствовал о неосведомлённости по данному вопросу российской общественности того времени. Поэтому сам факт появления работ Глинки имел важное культурно-просветительское и общественно-политическое значение.

Оценка арменоведческих сочинений С. Н. Глинки в исследованиях XIX-XX вв.

В обширном списке справочных изданий XIX-XX века сочинения С. Н. Глинки армянской тематики или не упоминаются, или же носят неполный характер. Например, в книге С. А. Венгерова, а также в статье Б. М. Федорова в списке работ Глинки называются только «Две повести» и «Обозрение истории»⁴. В словаре Г. Геннади говорится об участии С. Н. Глинки в работе над собранием документов по истории Армении⁵.

В других справочно-библиографических изданиях, таких как «Русский биографический словарь», словарь А. Старчевского, энциклопедический словарь

¹ «Библиотека для чтения», 1834, т. VII, № 11-12, с. 32-34.

² РГАДА, ф. 1252, оп. 1, д. 736^а, л. 81-81 об. (подч. – С. Н. Глинкой).

³ Государственный архив Российской Федерации, ф. 109, 1-я экспедиция, оп. 1832, д. 188.

⁴ Венгеров С. А., Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, с. 771; Федоров Б. М., Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки, СПб., 1844, с. 22, 23.

⁵ См.: Геннади Г., Справочный словарь о русских писателях и учёных, умерших в XVIII и XIX столетиях, и список русских книг с 1715 по 1825 г., т. I, Берлин, 1876, с. 222.

Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, отсутствуют сведения о его работах армянской тематики¹.

Эти сочинения в развёрнутом виде не рассматривались в исследованиях Л. Н. Киселёвой. Книга «Обозрение истории» была упомянута ею в ряду других, как она считает, компилятивных исторических сочинений нравоучительного характера, которые Глинка, содержащий многочисленное семейство, «издавал для заработка»².

В книге «Писатели Смоленщины» при характеристике творчества С. Н. Глинки, о его работах по истории Армении ничего не говорится, а в списке основных сочинений писателя упоминаются только «Две повести»³.

Впервые вопрос о необходимости специального исследования интересующего нас аспекта творчества С. Н. Глинки поставила С. Г. Арешян⁴. Анализируя освещение темы «Армения и армяне» в истории русской литературы, она отмечала, что в XIX веке публикации на эту тему заметно расширились в связи с включением Кавказа и Закавказья в сферу интересов России. Среди таких имён, как Н. М. Карамзин, А. А. Бестужев-Марлинский, А. С. Грибоедов, А. Аракатский, Д. Давыдов, внесших свой вклад в этот процесс, С. Арешян упоминает и Сергея Николаевича Глинку.

В истории русско-армянских литературных отношений 30-х годов XIX века, по мнению С. Г. Арешян, С. Н. Глинка занимает своё достойное место. Она высказала, на наш взгляд, важную мысль о том, что Глинка – не просто один из русских авторов, писавших об Армении. Его патриотизм проявлялся и в отношении «к народам, проживающим в пределах Российской Империи, особенно в отношении армян. До сих пор на эту грань деятельности Глинки не обращали должного внимания, – подчёркивает она, – между тем это особенно интересно, т. к. *Глинка выступил как армянофил в период реакции, после разгрома декабристов*» (подчёркнуто нами – С. С.)⁵. В годы царствования Николая I он написал работу об Армении, её древней культуре, полагая, что исторически сложилось так, что судьба армянского народа переплелась с Россией.

С. Арешян уточняет свою оценку творчества С. Н. Глинки: «Значение исторических и поэтических произведений Глинки, написанных об Армении, интернационализм автора, его любовь к армянскому народу и культуре неразрывно связаны с патриотизмом и передовым мировоззрением»⁶.

¹ См.: Справочный энциклопедический словарь, издающийся под ред. А. Старчевского, СПб., 1854, т. 3, с. 427-428; **Мазаев М.**, Глинка Сергей Николаевич, Русский биографический словарь в 20 т., М., 1999, т. 5, с. 852-853; **Сивков К. В.**, Глинка Сергей Николаевич, РБС, М., 1995, с. 290-297.

² См.: **Киселёва Л. Н.**, Глинка С. Н., Русские писатели, 1800-1917, с. 577.

³ См.: Глинка Сергей Николаевич, **Трофимов И. Т.**, Писатели Смоленщины, М., 1973, с. 31-34.

⁴ **Арешян С. Г.**, Армения в русской литературе, Советская литература и искусство, 1944, № 4-5, с. 75-79. Другие её публикации: **Арешян С. Г.**, Сергей Глинка и армянская культура; *ее же*: Русские писатели об Армении, Ереван, 1946; *ее же*: Из предыстории арменоведения в России, Известия АН АрмССР, Общественные науки, 1955, № 1, с. 3-12 (на армянском языке); *ее же*: Армянская печать и царская цензура, Ереван, 1957.

⁵ **Арешян С. Г.**, Сергей Глинка и армянская культура, с. 74-75.

⁶ Там же, с. 77.

К. В. Айвазян в трудах С. Н. Глинки по истории Армении обращает внимание на то, что русский писатель подчеркивает «свободолюбие армянского народа, его любовь к русскому народу», «возвеличивает героическое прошлое армянского народа, его культуру, отмечает воинственный дух народа, оборонявшего свою родину от врагов»¹.

В. А. Парсамян в историографическом обзоре «Историография Армении первой половины XIX в.» отводит произведениям по истории Армении С. Н. Глинки особое место. Наиболее интересные страницы в труде Глинки, на его взгляд, посвящены новой истории Армении, где автор «сообщает об армянских колониях, беженцах, армянской торговле, об участии армян в русско-персидских и русско-турецких войнах, о присоединении Армении к России...»².

Р. Оганнисян, упоминая «Обозрение истории», объясняет появление книги усилением интереса к Армении в русском обществе после присоединения Восточной Армении к России. «Обозрение истории» рассматривается им как работа, нацеленная, в первую очередь, на ознакомление российского читателя с историей дружественного народа, проживающего на недавно присоединённых к России землях³.

В этом же контексте рассматриваются сочинения Глинки и в работе В. С. Ерканяна: «Русский историк С. Глинка в 1830-х гг. опубликовал «Обозрение истории армянского народа», труд, посвящённый репатриации армян Ирана, и принял участие в составлении трёхтомного сборника документов, относящихся к истории армянского народа, который содержит многочисленные ценные источники»⁴. Работа С. Н. Глинки в 1833-1838 гг. над этими источниками, полагает В. Дилоян, сыграла неопределимую роль «в сближении русского и армянского народов»⁵.

К. Н. Григорьян связывал предысторию русской школы арменоведения с деятельностью Лазаревского института, именами Якова и Давида Арзановых, а также с работами Сергея Глинки. Книги Глинки рассматриваемой тематики, считает исследователь, «являются первыми историческими работами об Армении, написанными русским исследователем» (подчёркнуто нами – С. С.)⁶.

Высокую оценку Глинки-историка, в том числе его книг армянской тематики, дала З. О. Гукасян. Она полагает, что «Обозрение истории» относится к романтическому направлению в литературе и историографии⁷.

¹ Айвазян К. В., О «Путешествии в Арзрум» Пушкина (Пушкин и Армения), Труды I и II Всесоюзных Пушкинских конференций 25-27 апреля 1949 г.; 6-8 июня 1950 г., М. -Л., 1952, с. 168.

² Парсамян В. А., Историография Армении первой половины XIX в., Очерки истории исторической науки в СССР, М., 1955, т. 1, с. 628.

³ См.: Оганнисян Р., Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью, Ереван, 1952.

⁴ Ерканян В. С., Армянская культура в 1800-1917 гг., Ереван, 1985, с. 91.

⁵ См.: Дилоян В., Из истории общественно-политической деятельности Лазаревых (II пол. XVIII в.), Ереван, 1966, с. 225 (на армянском языке).

⁶ Григорьян К. Н., Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X-начало XX вв.), Ереван, 1974, с. 175.

⁷ Гукасян З. О., Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода, Ереван, 1961, с. 8-9 (на армянском языке).

Поэмы С. Н. Глинки «Две повести» имеют сугубо историческое значение, полагает Л. Мкртчян, но они интересны и тем, что «их автор был *одним из первых русских поэтов, писавших об Армении, её героической истории*» (подчёркнуто нами – С. С.)¹. Своими историческими работами он пытался восполнить российскому читателю недостаток сведений об Армении. Несмотря на доминирование верноподданнических мотивов, его работы по истории Армении, считает исследователь, «имели, безусловно, положительное значение и написаны они с искренней любовью к армянскому народу. С. Н. Глинка постоянно подчёркивал жизненную необходимость дружбы армянского и русского народов»².

В. А. Парсамян в книге «История армянского народа 1801-1900» высоко отзывается о двухтомном труде «прогрессивного русского деятеля и историка Сергея Глинки «Обозрение истории армянского народа»³.

М. А. Мурадян справедливо отмечает, что в дореволюционной русской историографии вопрос о присоединении Восточной Армении к России одним из первых осветил С. Н. Глинка: «Надо воздать ему должное. Он не только выявил важность и значение этого исторического акта, он также показал, что присоединение отвечало чаяниям и устремлениям армянского народа... *Глинка связывал это событие с самой историей армянского народа* (подчёркнуто нами – С. С.), считал, что оно имеет большое значение для будущего Армении, для развития её культуры. Труды С. Н. Глинки ценны тем, что они давали русскому обществу чёткое представление о богатой истории армянского народа, о его многовековой культуре»⁴.

Исследователь обратил внимание на то, что, повествуя о событиях русско-иранской войны 1826-1828 гг., С. Н. Глинка постоянно подчёркивает большой вклад армянского народа в победу русского оружия и упрочение русско-армянских отношений.

М. А. Мурадян делает вывод, что хотя труды Глинки и вообще всей официальной историографии не свободны от апологетики монархических порядков в России, однако несомненно и то, что в целом они имеют большое значение «для изучения истории армянского народа и событий, связанных с присоединением Восточной Армении к России» и не утратили своей актуальности и сегодня⁵.

Писатель А. М. Арзуманян обратил внимание на то, что в своих работах С. Н. Глинка убедительно показал героическое прошлое армянского народа. В книге «Обозрение истории» он посвятил «вдохновенные строки мужеству и патриотизму талантливого, свободолюбивого народа, который внес в сокровищницу

¹ Мкртчян Л., Армянская поэзия и русские поэты XIX-XX вв., Ереван, 1968, с. 11.

² Там же, с. 12.

³ Парсамян В. А., История армянского народа 1801-1900 гг., книга первая, Ереван, 1972, с. 158.

⁴ Мурадян М. А., Присоединение Восточной Армении к России в оценке дореволюционной русской историографии и общественной мысли, Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение, Сб. ст., Ереван, 1978, с. 69.

⁵ Там же, с. 70-71.

мировой культуры неопределимый вклад»¹. В укреплении дружественных связей между русскими и армянами Глинка видел перспективу национальной независимости и развития культуры армянского народа. Он раньше известного письма Ф. Энгельса К. Марксу² подчёркивал прогрессивную роль России в судьбе восточных народов, в т.ч. армянского народа. С. Н. Глинка приветствовал присоединение Восточной Армении к России, полагая, что жизнь армян и русских в пределах одного государства откроет новый этап во взаимоотношениях этих дружественных народов.

Сведения об истории Армении в русской исторической литературе всесторонне исследованы и систематизированы Р. Г. Хачатряном. Благодаря большому фактическому материалу, накопленному к началу XIX в., полагает он, в России с начала второй четверти XIX века стало возможным создание специальных работ, целиком посвящённых истории, культуре, языку армянского народа³. Во многом благодаря работе С. Н. Глинки «Описание переселения», в русской исторической литературе закрепилось положение об узурпации армянских земель турецкими захватчиками и тезис о русской ориентации армян⁴.

В исследовании Э. А. Акопяна «Арменоведение в России» обобщены некоторые аспекты творчества С. Н. Глинки в связи с тенденциями «развития русской романтической историографии и литературы», представители которой отличались обострённым интересом к «национальным культурам и их историческому прошлому». Романтик и «литературный историограф», имеющий отношение к школе Карамзина, С. Н. Глинка, считает Э. А. Акопян, сыграл «значительную роль в становлении армянской историко-филологической науки в России». Он сочетал рационалистическое отношение к историческому материалу с эмоциональным воспроизведением фактов, опирался в своей работе как на научно доказанные факты из сочинений Хоренаци, Сен-Мартена, Ш. Шаамиряна и др., так и на мифологию армянского народа. Прежде чем воспевать героев армянского эпоса, защищавших родную землю от иноземных завоевателей, писатель описывал подвиги русских солдат и полководцев в Отечественной войне 1812 г., на протяжении всего своего творчества он неизменно обращался к теме освободительной борьбы народа против тирании.

По мнению Э. А. Акопяна, одним из достоинств сочинений С. Н. Глинки является то, что факты армянской истории «он расцвечивал нравственно-философскими рассуждениями и романтической трактовкой явлений», это способствовало беллетризации исторического материала, поскольку его произведения изначально были обращены к широкой читательской аудитории⁵.

В заключение своего анализа Э. А. Акопян формулирует обобщённую оценку творчества писателя: «В период реакции, после разгрома декабристов, когда всячески преследовалось живое слово, прогрессивная мысль, Глинка выступил

¹ Арзуманян А. М., Арагац (Очерки и рассказы), М., 1979, с. 81.

² См.: Энгельс - Марксу, 23 мая 1851 г., Маркс К. и Энгельс Ф., Собр. соч., т. 27, М., 1962, с. 241.

³ См.: Хачатрян Р. Г., Русская историческая мысль и Армения (XVII– начало XIX вв.), Ереван, 1987, с. 341.

⁴ Там же, с. 335.

⁵ См.: Акопян Э. А., указ, соч., с. 71-74.

певцом национально-освободительных войн армянского народа против иноземных захватчиков, горячим поборником армяно-русской дружбы и искренним поклонником армянской культуры. Его исторические сочинения и поэмы были, прежде всего, адресованы русскому читателю... выражали настроение и внимание передовой русской общественности к армянскому народу и его древней культуре»¹.

Разделяя выводы Э. А. Акопяна о том, что арменоведческие труды С. Н. Глинки отражают настроения «передовой русской общественности в отношении армянского народа»², Н. Н. Лупарёва считает его единственным на сегодняшний день автором, обратившимся к проблеме становления русского арменоведения³.

Н. Н. Лупарёва упоминает сочинения С. Н. Глинки по истории армянского народа вместе с его трудами по греческому вопросу в контексте рассмотрения его внешнеполитических взглядов. В книге «Обозрение истории» и «Описание переселения» автор, по её мнению, «доказывал правомерность притязаний России на вхождение армянских территорий в состав Российской империи. Определяющими в этом отношении факторами он считал исповедание одной религии»⁴. Она приходит к выводу о том, что «религиозный фактор играл решающую роль в его национализме»⁵, а из общности религий С. Н. Глинка выводил схожесть нравственного облика двух народов и их политического устройства в древние времена, отсюда и историческая приверженность армян России, полагает Н. Н. Лупарёва. Заметим, что в целом её подход к рассмотрению арменоведческих сочинений С. Н. Глинки выглядит схематичным. При всей важности внешнеполитических и территориальных вопросов, затронутых в его работах, обращение русского писателя к армянской истории было связано с его глубоким интересом к истории человечества, к истории одного из древнейших народов, обозрение истории которого могло предложить читателю много поучительных примеров «самобытного нравственного существования». С. Н. Глинка был увлечён армянской историей и выделял её среди других своих исторических сочинений.

А. Оганесян отмечает важность и перспективность специального изучения сочинений С. Н. Глинки по истории Армении. Он подчёркивает общедоступный, просветительский характер «Обозрения истории». Повторы, хронологические неточности, встречаемые на страницах книги, он объясняет особенностями тех исторических источников, которыми пользовался С. Н. Глинка. Рассматривая вопросы присоединения Восточной Армении к России, Глинка, по мнению А. Оганесяна, остаётся поборником имперской политики царизма – отсюда его особое воодушевление в оценке исторического значения этого события. Вместе с тем, Глинка отмечает и большой вклад армянского народа в русско-иранской войне и с оптимизмом смотрит на будущее Армении, развитие её экономики,

¹ Там же, с. 81.

² **Акопян Э. А.**, Арменоведческие взгляды А. Н. Радищева и С. Н. Глинки (К изучению русско-армянских литературных и научных связей. XVIII-нач. XIX в.), Литературные связи: исследования и материалы, Ереван, 1981, т. 3, с. 93-125.

³ См.: **Лупарёва Н. Н.**, «Отечестволюбец», с. 10.

⁴ См.: Там же, с. 23-24, 161.

⁵ Там же, с. 162.

культуры. Своими работами и, прежде всего, книгой «Обозрение истории» С. Н. Глинка заложил основу развития русской школы арменоведения (подчёркнуто нами – С. С.)¹.

Исследование исторической концепции С. Н. Глинки предпринято Э. Л. Даниеляном², который изучил его историософские взгляды не только на материале его трудов по истории России, но главным образом на основе его сочинений по истории армянского народа. Э. Л. Даниелян показал, что С. Н. Глинка в своей книге «Обозрение истории», опираясь на армянские источники, труды авторов раннего средневековья, представил историю Армении в тесной связи с историей человеческой цивилизации, подчеркнул, что армянский народ является одним из древнейших народов, стоящих у истоков мировой истории, раскрыл уникальный вклад армянского народа в сокровищницу мировой науки и культуры.

Итак, обзор исторической литературы, содержащей упоминания, отзывы, оценки сочинений С. Н. Глинки по истории Армении, в том числе и прежде всего исследования С. Г. Арешян, К. Н Григоряна., Э. А Акопяна., З. О. Гукасян, А. Оганесяна, позволяют заключить, что эти работы С. Н. Глинки не укладываются в общепринятую в советской историографии периодизацию. По своему содержанию, по той исторической концепции, которая реализована в них, они выходят за рамки «дворянского периода» историографии, примыкая к передовой публицистике того времени, открывают новый этап, заложивший основы научного изучения истории Армении в России.

Մերգեյ Սայադով – Հայաստանի պատմությանը նվիրված Ս. Ն. Գլինկայի աշխատությունների գնահատականը ռուսական և հայկական պատմագրություններում

Բազմաթիվ հետազոտողներ նշում են, որ ռուս գրող Ս. Ն. Գլինկայի պատմափիլիսոփայության մեջ առկա է երկակիությունը. նրա պահպանողական-ազգայնական հայացքները, ռուսական անցյալի իդեալականացումը, միապետական գաղափարները շաղախված էին լուսավորչական գաղափարների հետ, նա լի էր ատելությանը ստրկության և բռնապետության հանդեպ, ջատագովն էր հանրապետական գաղափարների: Ուսումնասիրության նպատակն է ճշգրտել այն ավանդը, որը Ս. Գլինկան ներդրել է Հայաստանի մասին ռուսական պատմագրության մեջ այն գնահատականների վերլուծության հիման վրա, որոնք տրվում էին նրա աշխատություններին

¹ См.: **Оганесян А.**, Первое исследование истории Армении в России, «Эчмиадзин», 2001, январь, с. 81-82, 90 (на армянском языке).

² См.: **Даниелян Э. Л.**, Философское осмысление истории Армении в сочинении Сергея Глинки, «21-й век», 2009, № 3; *его же*: Историческое значение армянской письменности, переводческой и оригинальной литературы в аспекте диалога цивилизаций / Родосский форум «Диалог цивилизаций», VII ежег. сессия, 8-12 окт. 2009, **Родос** (Греция), «21-й век», 2010, № 2 (14); *его же*: Философское осмысление истории Армении в историографическом контексте российско-армянского цивилизационного диалога, Армения в диалоге цивилизаций. Матер. межд. науч. конф. 28 апр. 2011 г. / Под общ. ред. проф. О. А. Колобова; науч. ред. проф. А. А. Корнилов, ст. преп. Р. А. Сафарян, Н. Новгород, 2011.

ժամանակակիցների հրապարակումներում, նրա ժառանգությանը նվիրված հետագա հետազոտություններում: Գլինկայի ժամանակակիցների՝ Մ. Ա. Մաքսիմովիչի, Ն. Պոլևոյի, Օ. Ի. Մենկովսկու կողմից հայոց պատմության վերաբերյալ գնահատականների թվում ընդգծվում են նրա ուսումնասիրության խորությունն ու կարևորությունը: Գլինկայի հայոց պատմությանը վերաբերվող երկերը առավել բազմակողմանի վերլուծության են ենթարկվել խորհրդային պատմագրության կողմից, առաջին հերթին Մ. Գ. Արեշյանի, Կ. Ն. Գրիգորյանի, Է. Ա. Հակոբյանի, Զ. Օ. Ղուկասյանի, Ա. Դանիելյանի ուսումնասիրություններում: Հետևաբար կարելի է եզրակացնել, որ հայկական թեմաներին նվիրված Գլինկայի դիտարկումները չեն տեղավորվում պատմագրության շրջանակներում ընդունված պարբերացման մեջ: Իրենց բովանդակությամբ, պատմական հայեցակարգով դրանք դուրս են գալիս «ազնվական ժամանակահատվածի» պատմագրության շրջանակներից և, միանալով առաջատար հրապարակախոսությանը, բացում են նոր փուլ, որը Ռուսաստանում Հայոց պատմության գիտական ուսումնասիրության հիմք է հանդիսացել:

Sergey Sayadov – *The Evaluation of S. N. Glinka’s Works on the History of Armenia in the Russian and Armenian Historiography*

Many researchers mention that there is duality in the historical philosophy of S. N. Glinka: his conservative and nationalistic views, idealization of Russian past, his monarchist ideas were mixed with enlightening ideas, he was filled with hatred toward tyranny and slavery and was the advocate of republican ideas. Our study aims to clarify the contribution that Glinka introduced in Russian historiography about Armenia based on the analysis of those estimates, which were given to his works in the publications of the contemporaries and further researches devoted to his legacy. The assessments of depth and importance on Glinka’s study of the Armenian History are highlighted by his contemporaries M. A. Maksimovich, N. Polevoy, O. I. Senkovsky. Glinka’s works on the History of Armenia were more thoroughly analyzed by Soviet historiography, primarily in the studies of S. G. Areshyan, K. N. Grigoryan, E. A. Hakobyan, Z. O. Ghukasyan, A Danielyan. Therefore, it can be concluded that Glinka’s observations on the Armenian themes do not fit within the periodization of historiography. In their content and historical concept, they are beyond the “noble period” of historiography and joining the leading publicism, they open a new stage, which was the basis of scientific study of the History of Armenia in Russia.

**ОТ АРДЖО АРИЧА ДО МРЕНА. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РАБОТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ 1920 И 2013 ГОДОВ, ИЗУЧАВШИХ
ПАМЯТНИКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ ТЕКОРА**

Ключевые слова – Армянская архитектура, Ани, Мрен, Хцконк, Багаран, состояние памятников, Аишхарбек Калантар, Восточная Турция, Карсская область, этноцид

В 2013 г. состоялась международная экспедиция и рабочая встреча «Ани в контексте», организованная Норвежским институтом изучения культурного наследия (NIKU), Всемирным фондом памятников (WMF) и турецкой организацией «Анадолу Кюлтюр»¹. Целью мероприятия был мониторинг памятников архитектуры, в историко-культурном смысле связанных с Ани и расположенных на правом берегу реки Ахурян, вдоль границы с Арменией. Это тот район Армянского нагорья (Ширак и Аршаруник), на котором было сконцентрировано значительное количество исключительно ценных памятников армянской архитектуры: от фортификационной архитектуры античного периода (Багаран) до храмов анийской архитектурной школы и соборов в Аргине и Еразговорсе.

Вовлеченных в экспедицию специалистов в основном интересовали вопросы, связанные с изучением истории архитектуры, состояния историко-культурного наследия в целом и каждого конкретного памятника в частности, аналитическое выстраивание приоритетов в политике дальнейшего сохранения и укрепления построек, охраны территории археологически значимых мест. Острота проблемы состояла в том, что до сих пор большинство крепостей и храмов, городищ и древних кладбищ не считаются памятниками культуры, и поэтому турецкое государство может не отвечать за их состояние, а местное, целиком мусульманское, турецкое и курдское население использует сохранившиеся фрагменты построек в качестве каменоломен, хозяйственных складов, а также производит акты вандализма в поиске мифического «армянского золота». Государство, всего пару десятилетий назад вообще не признававшее существования преимущественно армянского историко-культурного наследия на территории своих восточных областей, неспособно мгновенно перестроить свои подходы. Особенно в связи с приближением 100-летия Геноцида армян и в условиях самых разных геополитических интриг. При господствующем негативном отношении турецкого общества к этому наследию вызывает уважение гражданская позиция и научный интерес той части турецких коллег, которые помогли организовать экспедицию.

Она охватила территорию Карсской области, которая в 1915 г. не входила в

¹ Ani in Context Workshop. September 28-October 5, 2013, Kars, Turkey. New York, 2014. Выражаю благодарность коллегам этих учреждений, а также Посольству Норвегии в Турции и архитектору Явзуу Озкаю за великолепную организацию и деловую и теплую атмосферу в период работы экспедиции.

Османскую империю, но на которую обрушились ужасы геноцида в результате ее двукратного захвата турецкой армией в 1918 и 1920 гг.

Состояние памятников было известно по разрозненным публикациям начала XX века: Тороса Тораманяна¹, Н. Я. Марра², И. А. Орбели³ и других ученых, активно исследовавших Ани и соседние селения и монастыри. Об изменениях, произошедших в основном после Второй мировой войны, можем судить по серии статей Ж.-М. Тьерри об армянских памятниках окрестностей Карса⁴, его монографии о монастыре Оромос⁵, а также монографии Кунео об анийской школе армянской архитектуры⁶ и каталогу анийской выставки 2001 г. в Париже⁷. С самого конца XX века регион оказывается вновь доступен для исследователей из Армении и России. Его памятники изучались, в том числе, в рамках нескольких моих научных программ в российских институтах и по гранту Российского гуманитарного научного фонда⁸. В основе некоторых статей лежат попытки понимания состояния наследия и степени его утрат⁹. Среди работ моих коллег

¹ Статья о Текоре, заметки о Багаране, Агараке, Аламане, Мрене и других памятниках, собранные в кн.: **Թորամանյան Թ.**, Նյութեր հայկական ճարտարապետության պատմության, հ. 1-2, Երևան, 1942-1948.

² Подробное описание Текорского храма, сделанное Н. Я. Марром по итогам поездки 1908 г., а также сведения из его дневника «Экскурсии в Агарак 11-12/VIII 1909 г.» (Санкт-Петербургской отделение архива Российской академии наук, фонд А-2610) опубликованы в кн.: **Мнацаканян С. Х.**, Крестовокупольные композиции Армении и Византии V-VII веков, Ереван, 1989, с. 60-69. Основной текст того же дневника с описанием Агарацких памятников опубликован в кн.: **Казарян А. Ю.**, Тетраконх Агарака: исследование утраченного памятника «классической» архитектуры стран Закавказья. См. в кн.: Образ Византии. Сборник статей в честь О. С. Поповой, М., 2008, с. 217-235.

³ **Орбели И. А.**, Шесть армянских надписей VII-X вв., **Орбели И. А.**, Избранные труды, 1963, с. 405-423 (первое изд.: ХВ. Пг., 1915, т. III, вып. 1, с. 71-91) и др.

⁴ **Thierry J.-M.**, À propos de quelques monuments du vilayet de Kars (Turquie). Серия статей в журнале «Revue des études arméniennes», 1971, t. VIII, p. 189-213; 1983, t. XVII, p. 329-294; 1985, t. XIX, p. 287-289; **Thierry M. et N.**, La cathédrale de Mrèn et sa décoration, «Cahiers archéologique», 1971, t. 21, p. 43-77.

⁵ **Thierry J.-M.**, Le couvent arménien d'Horomos, Louvain-Paris, 1980, 99 p., XVI pl.; **Baladian A. T. et Thierry J.-M.**, Le couvent de Horomos d'après les archives de Toros Toramanian, Paris, 2002, 222 p., ill.

⁶ **Cuneo P.**, L'architettura della scuola regionale di Ani nell'Armenia medievale, Roma, 1977.

⁷ **Kévorkian R.** (éd.), Ani - Capitale de l'Arménie en l'An Mil catalogue d'exposition dans le Pavillon des Art, 7 février-13 mai 2001, Paris 2001.

⁸ **Казарян А. Ю.**, Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции. 4 тома, М., 2012-2013; *его же*: Тетраконх Агарака: Исследование утраченного памятника «классической» архитектуры стран Закавказья; *его же*: Еще один храм типа Авана?! (Попытка реконструкции церкви Нахчавана), Ճարտարապետություն, շինարարություն, 2010, թիվ 4, էջ 19-21; **Kazaryan A.**, The Zhamatun of Horomos: The Shaping of an Unprecedented Type of Fore-church Hall, in: kunsttexte. de, n° 3, 2014 (14 Seiten), www.kunsttexte. de.

⁹ **Казарян А. Ю.**, Памятники христианской архитектуры Восточной Турции: новые данные, Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2007, № 1 (46), с. 144-153; *его же*: Состояние памятников армянской архитектуры и вопросы их охраны // Вестник «Зодчий. 21 век», 2006, № 1 (21), с. 76-81; **Kazaryan A.**, National and political problems in the history of architectural history of medieval Armenia and Southern Caucasus, in: History of Art History in Central, Eastern and South-Eastern Europe, vol. 1. Torun: Society of Modern Art & Tako Publishing House, 2012, p. 119-125 и др.

следует также упомянуть статьи С. Карапетяна и К. Маранчи о Мренском соборе¹.

Однако участникам нашей экспедиции 2013 г. хотелось получить более достоверные сведения, посетить места, доступ куда крайне затруднителен. Не меньшее значение имело совместное участие экспертов из разных стран, что само по себе позволяет сблизить точки зрения и исключить всякого рода спекуляции в трактовках.

В представленной статье внимание сосредоточено на южной половине пройденного нами маршрута, на участке бассейна Ахуряна в окрестностях Текора. Именно в этой части сосредоточены наиболее древние памятники, связанные не только с историей города Ани, но и с периодами развития армянской культуры до эпохи Багратидов. Научная интрига рассмотрения именно этой территории заключается в возможности проведения сравнительного анализа состояния памятников по результатам двух экспедиций. Первая из них, осуществленная вокруг Текора, являлась последней в истории изучения окрестностей Ани в начале XX века. Она непосредственно наследовала традиции возглавляемого Н. Я. Марром Анийского археологического института (закрыт в 1917 г.) и являлась уникальным опытом научной школы, зарождавшейся в Первой Армянской республике. Экспедиция работала с 20 августа по 16 сентября 1920 г., возглавлял группу ученых известный археолог Ашхарбек Калантар², оставивший дневниковые записи, опубликованные в сборнике его трудов уже в наши дни³. Экспедиция была осуществлена в то время, когда Карсская область входила в состав Первой Республики Армения⁴.

Маршруты экспедиций 1920 и 2013 годов совпадали не полностью, но охватывали те же населенные пункты и памятники. Группа Калантара застала многие села еще населенных армянами, и пару церквей, находящихся в них (например, в Агараке), тогда же наспех подремонтировали, чему содействовал

¹ **Maranci C.**, New Observations on the Frescoes at Mren, « Revue des études arméniennes », 2013, t. 35, p. 203-225 ; **Չարապետյան Ս.**, Մրենը և նրա հուշարձանները, Վարձք, 2013, թիվ 7, էջ 31-63:

² Ашхарбек Калантар (1884-1942), один из университетских учеников Марра, активный сотрудник Анийского института, в 1914 г. возглавлявший 13-ю археологическую кампанию и принявший деятельное участие в Ванской экспедиции 1917 г., в 1918 г. организовавший эвакуацию экспонатов Анийского музея в Ереван (**Քալանթար Ս.**, Հայաստան: Քարե դարից միջնադար: Երկերի ժողովածու, Երևան, 2007, էջ 7-8). Впоследствии Калантар стал основоположником кафедры археологии Ереванского университета и одним из организаторов Комитета охраны памятников в Армении. Круг его научных интересов – древнейшая история. Был репрессирован в 1938 г., умер в лагере.

³ **Չարախանյան Զ.**, Հայ հնագիտության կերտողը, **Քալանթար Ս.**, նշվ. աշխ., էջ 19; **Քալանթար Ս.**, Շրջան Տեկորի արշավախմբի, նույն տեղում, էջ 139-194: До того материалы экспедиции 1920 г. фрагментарно публиковались с 1980 г. (**Քալանթար Ս.**, Ագարակ, Кавказ и Византия, Ереван, 1980, вып. 2, с. 143-149, рис. 1-3; **Kalantar A.**, Armenia: From the Stone Age to the Middle Ages, Civilisations du Proche-Orient, Série I, Archéologie et environnement, 2, Recherches et publications, Paris, 1994).

⁴ О событиях 1920-1921 гг. См.: **Melkonyan A. A.**, The Kars Oblast', 1878-1918, Armenian Kars and Ani, edited by R. G. Hovannisian, Costa Mesa, California, 2011, p. 240-241; **Hovannisian R.**, The Contest for Kars, 1914-1921, *ibid.*, p. 273-317, espec. p. 304-317; **Иголкин А.**, Московский договор с Турцией. Взгляд из России через 77 лет, Историко-филологический журнал (далее: ИФЖ), 2002, № 1, с. 3-28.

архитектор экспедиции, знаток средневекового армянского зодчества Анатолий Николаевич Кальгин. При знакомстве с другими постройками Калантар дает рекомендации о необходимости срочного строительного вмешательства. Советы Калантара восхищают профессионализмом и бережным отношением к памятникам культуры.

Состояние памятников в наши дни отчасти отражает изменения, произошедшие в 1950-1960-е годы, так как позже агрессивность по отношению к армянскому наследию спала, но с большей силой возобновился поиск сокровищ и использование остатков построек в качестве строительного материала.

1. Руины монастыря Арджо Арич. Фото А. Казаряна, 2013.
2. Храм V в. в Текоре. Фото А. Казаряна, 2013.

Таблица отражает разницу состояния памятников в начале XX и начале XXI веков (последовательность памятников соблюдена по работе Калантара; таблица не отражает упоминаний многочисленных древних крепостей, отмеченных ученым).

№	Название памятника, основные сведения	Состояние во время работы Текорской экспедиции 1920 г.	Состояние во время работы экспедиции «Ани в контексте» 2013 г.
1	Арджо Арич. Монастырский комплекс у села Аладжа	Описаны сохранившиеся части комплекса из двух зданий: церкви и гавита. Сохранялись северо-западный угол и южная стена церкви, угловые участки стен гавита (за исключением северо-восточного), его колонны, некоторые арки и фрагменты перекрытия. Хачкары и рисованные кресты присутствуют на сторонах северо-восточного угла гавита. Среди упавших крупных фрагментов выделяется шлем купола. Церковь была оштукатурена, сохранились участки росписи. В 15 саженях к западу находится стена какого-то сооружения.	По-прежнему сохраняется северо-западный угол церкви, который, судя по формам, принадлежал к распространенному в эпоху Багратидов типу купольного зала. Рядом лежит фрагмент купола с остатками конического покрытия и другие фрагменты, остальных частей церкви и гавита не существует. Длинная стена к западу от руин, очевидно, служила монастырской оградой. К северу от руин лежит расколотый хачкар.
2	Аламан. Церковь типа простого триконха, датированная строительной надписью 637 г.	Церковь почти в полной сохранности. Разрушения имеет стена северной экседры, порталы. Отсутствуют кровли над куполом и рукавами. По дороге в Текор стоит высокий хачкар.	Церковь полностью разрушена, камни увезены. На ее месте находится двор жилого дома. Со стороны улицы, примыкающей к двору, прослеживается траектория основания одной экседры.
3	Текор (соврем. Дигор), городок, расположенный в 22 км к юго-западу от Ани. На северной окраине – большой храм, датированный надписью 480-ми гг. Это первый известный нам образец крестово-купольной четырехстолпной церкви в мире.	Подчеркнуто ужасающее состояние памятника, частично обрушившегося на глазах современников Калантара по причине безразличного отношения. Утрачены все своды, включая купол, верхняя зона южной стены. Отмечены опасные трещины в конструкциях. Верхняя часть северной стены испещрена отверстиями от пуль, почему Калантар предполагает, что турецкие солдаты занимались стрельбой по церкви со стороны села.	Сохранилась лишь бутобетонная сердцевина северной и восточной стен на высоте около пяти метров. Лицевые камни полностью выкорчеваны из стен и унесены. Видны следы нелегальных раскопок ¹ .
4	Хцконк. Монастырский ансамбль, состоящий из пяти купольных церквей, обрамленного хачкара и жилых построек, расположившихся на небольших уступах левого скалистого	Все строения ансамбля находятся в относительной сохранности. Отмечена необходимость ремонта покрытий церквей.	Из пяти церквей сохранилась только одна, Сурб Саргис, стоит в исключительно опасном состоянии, поскольку содержит несколько огромных пробоин, вызванных подрывами. Именно этим способом уничтожены остальные четыре храма и большой хачкар. Тем не менее, сохраняются

¹ Ani in Context Workshop..., p. 28.

	берега реки Текор. Древнейшая церковь – Сурб Карапет (конца IX – первой половины X в.), вторая и самая большая церковь – Сурб Саргис (1024). Три других храма построены вскоре, вероятно, во второй четверти XI в. После завоевания Карсской области Россией в 1878 г. Хцконк был возвращен Армянской церкви. В 1892-93 гг. были построены жилые корпуса для монахов и паломников.		незначительные остатки стен Сурб Карапета и основания планов других разрушенных и сваленных в ущелье церквей.
5	Агарак. Село находилось вблизи ущелья реки Текор, напротив Хцконка. На восточной окраине села располагался комплекс, состоящий из зальной церкви и церкви в виде тетраконха, датированного 30-40-ми гг. VII в.	Зальная церковь сохраняла только продольные стены. Купольный храм описан в относительно хорошем состоянии, с небольшими повреждениями в куполе, трещиной в западной экседре и пробоем в своде южной. Ее заделали под руководством Кальгина. Снаружи крест и его основание сбиты курдами. Вокруг церкви стояли или лежали хачкары и стелы.	Не существует ни церквей, ни мемориальных памятников. Округлый в плане остаток кладки можно идентифицировать с основанием одной из экседр тетраконха. Несколько десятков больших необработанных могильных камней свидетельствуют о существовании древнего кладбища к западу от места комплекса.
6	Цпни (соврем. Варли). Село к югу от Текора с небольшой крестообразной купольной церковью, которая относится исследователями либо к VII, либо к X в.	Купол утрачен, вместо него сооружено деревянное перекрытие. Подробно описаны два рельефа, изображающих льва и буйвола, которые присутствовали на южной стене, по сторонам от окна. Особо отмечено заботливое отношение к церкви со стороны цпнийцев. Все повреждения в кладке аккуратно заделаны, отремонтированы. И сейчас (в 1920 г.) разрушение «авазана» (надо полагать, купели – А. К.), учиненное курдами, сразу устранено. У входа в новый гавит стоит хачкар высотой в 2 м, датированный надписью 979 г. Ее шрифт напоминает клинопись и характерен для X в. На возвышенности к западу от церкви расположено кладбище, где находятся 6 памятников в виде коней, 4 из которых с седлами.	По воспоминаниям старожилов, церковь пострадала при землетрясении 1935 г. Впоследствии превращена в мечеть, которую в последний раз отремонтировали несколько лет назад, полностью обив интерьер деревянной вагонкой. Упомянутые рельефы не обнаружены. Кладбище отрезано от церкви проложенной автодорогой. Памятников в виде коней не обнаружено, но к западу от дороги, на сохранившемся большом участке кладбища во множестве присутствуют большие надгробные плиты.
7	Нахчаван (соврем. Коджакёй). Большое село на правом берегу реки Текор. В селе находился комплекс из	Церковь давно утратила крыши, и еще 60-70 лет назад была перекрыта деревом. Из-за трещины в южной стене ее перестроили, залатали и другие участки стен и вновь соору-	После разрушения церкви торчат только бугорчатые основания ее пилонов. Вход в подземный мавзолей завален мусором. Часовня и хачкары не были обнару-

	двух памятников: церкви Сурб Степанос Нахавка (VII в.) и мавзолея Камсараканов, а также часовня и хачкары.	дили деревянное перекрытие лет 30-35 назад (то есть, в конце XIX в.). Но сейчас это перекрытие разрушено и украдено курдами. Указано на былое существование гавита, остатки которого включены в пристроенную к церкви школу. Сказано о существовании княжеского мавзолея в нескольких шагах от церкви и о наличии в первой из двух его подземных комнат саркофага с надписью (мавзолей Камсараканов, изученный И. А. Орбели – <i>A. K.</i>). Описывает кладбище, необычного типа мемориальные памятники и хачкары, находящиеся в разных частях села и в церкви. Существовала и маленькая часовня с разрушенной курдами кровлей.	жены. Камни церкви использованы при строительстве оград и школы, расположенной в паре сотен метров к юго-западу от церкви.
8	Багаран (Пакран, соврем. Килитгаша). Древний религиозный центр и город на правом берегу реки Ахурия к юго-востоку от Ани и в 4-5 км от Мрена, в IX в. административный центр и место упокоения царей Багратуни. В планировке места выделяются сам город (ныне на его территории располагается деревня), возвышающаяся над ним крепость, расположенное к югу святилище дохристианской и христианской эпох. На месте последнего находилась церковь Сурб Теодорос (624-631). Напротив Багарана, на армянской стороне, находятся маленькая церковь Сурб Шушаник. С Багараном соседствовал древний Ервандашат ¹ .	Калантар сообщает о необходимости обмера плана Багарана, не описывая его в подробностях. В крепости обращает внимание на новую церковь Сурб Геворг с двумя хачкарами у входа. В северной часовне (вероятно, пастофории) – надгробие Геворга Марзпетуни с двумя рельефными крестами на длинной плите. В самом городе описываются развалины церкви типа купольного зала, от которой сохранился длинный участок северной и короткий – западной стены. В церкви Сурб Теодорос отсутствуют купол и соседствующие с ним своды, а также пристроенные часовни-пастофории. Вокруг церкви много могил, в восточной части – до 10-ти хачкаров предположительно X в. Среди могил на южной стороне – захоронение царицы Шушаник и Мариам Багратуни, дочери Ашота (926 г.). С северной стороны сохранилась стена высокой ограды вокруг церкви. Состояние всех памятников очень плохое. Калантар описывает также развалины церкви в 300 м к югу от Сурб Теодороса. От нее оставалась восточная стена с апсидой между пастофориями и с нишами на фасаде. По кладке – произведение XI-XII вв.	Сохранились мощные стены города, основанного, вероятно, в дохристианские времена. Церковь типа купольного зала (VII или X в.) полностью разрушена: на месте сохранилась пара камней основания, а рядом – 2-3 резных блока от деталей храма. Крепость полностью сохранилась предположительно в том же виде. Основана она не позднее эпохи античности: типичной эллинистического типа кладкой с соединениями в виде «ласточкина хвоста», созданы круглые башни. Церковь Сурб Геворг (XIX в.) утратила перекрытия, окна выбиты, выломана купель. Могила Геворга Марзпетуни не обнаружена. На хачкарах XIII в., вставленных в ее южную стену, сбиты рельефные кресты. Калантар указывает на существование и других хачкаров на скале крепости, которые нами не были обнаружены. Церковь Сурб Теодорос полностью разрушена, но, вероятно, сохраняет свой план под слоем засыпки и земли: вандалы-золотоискатели раскрыли участок плана с кладкой из двух рядов блоков. Не сохранилась и стена церковной ограды, а также нет никаких мемориальных памятников: могильных плит, хачкаров.

¹ Тер-Мартirosов Ф., Древние столицы Армении, ИФЖ, 2008, № 1, с. 3-19.

			Место церкви в 300 м к югу от Сурб Теодороса нами не обследовано.
9	Мрен. Средневековый город с несколькими постройками и множеством мемориальных памятников. Основные сооружения: четырехстолпный крестовокупольный собор, строительство которого завершено в 639 г., и дворец Сахматина (1261).	Отмечено большое количество памятников, которые трудно обойти за один раз. Собор в общем виде, включая купол с черепичным покрытием, сохранился. Отмечены многочисленные трещины в стенах, некоторые из которых представляются опасными. Свидетельством средневековых ремонтов являются участки разновременных кладок, некоторые из которых содержат множество ценных хачкаров. От дворца Сахматина сохранился лишь портал с прилегающей к нему кладкой фасада. Сохранилась и армянская строительная надпись.	Собор остается единственным памятником Мрена, который возвышается над огромной территорией городища. Его состояние резко ухудшилось в последние десятилетия после изъятия нижних рядов кладки по всему периметру здания. В 2008 г. вся южная стена со связанными с ней сводами обрушилась, что делает состояние оставшейся части еще более угрожающим. Сохраняются остатки ценнейшей росписи, вероятно, наиболее древние среди известных нам средневековых армянских образцов живописи. В 2014 г. собор включен в список World Monuments Watch Всемирного фонда памятников. От дворца XIII в. сохранилось на месте лишь несколько камней. Отдельно стоящих хачкаров замечено не было.

Анализ результатов двух экспедиций, нацеленных на уточнение состояния памятников одной из самых интересных областей Армянского нагорья, свидетельствует о многократном сокращении числа сохранных объектов и угрозе тем постройкам, которые, вопреки небрежению и явной агрессии по отношению к ним, все же относительно сохранились. Речь идет всего о трех отдельных постройках из девяти рассмотренных градостроительных ансамблей, архитектурных комплексов и зданий.

Намеренное разрушение большинства памятников армянской архитектуры в Восточной Турции¹ происходило через полвека после совершения акта геноцида и является преступлением не менее тяжким. «Древние народы дожили до наших веков не из-за генетического превосходства или выживания своих государств, а потому, что выжила их культура», – опираясь на высказанную А. Смитом² эту ясную истину, Р. Сюни заключает: «В этом смысле геноцид, убийство населения, может быть меньшей угрозой выживания этноса, чем этноцид (ethnocide), систематическое уничтожение культуры»³.

¹ **Асратян М. М.**, Уничтожение памятников армянской архитектуры, Армянский вопрос. Энциклопедия / Под ред. К. С. Худавердяна и др., Ереван, 1991, с. 241-242; **Bevan R.**, The Destruction of Memory: Architecture at War, London, 2006, p. 56-59. Факты изложены также в кн.: **Cuneo P.**, Architettura Armena dal quarto al diciannovesimo secolo (Con testi e contribute di T. Breccia Fratadocchi, M. Hasrat'yan, M. A. Lala Comneno, A. Zarian), vol. 1-2, Roma, 1988, p. 620-649 и др.

² **Smith A. D.**, The Ethnic Origins of Nations, Oxford, 1986, p. 96-97.

³ **Suny R. G.**, Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History, Bloomington and Indianapolis, 1993, p. 11.

3. Церковь Сурб Саргис в Хцконке и взорванные и сброшенные в ущелье фрагменты других церквей монастыря. Фото А. Казаряна, 2013.

4. Собор в Мрене. Вид с юго-запада. Фото А. Казаряна, 2013.

Два этих исторических события, разведенных друг от друга на десятилетия¹, на наш взгляд, невозможно представить единым процессом, но они содержат причинно-следственную связь посредством третьего, не свершившегося акта. Им является растянутое на сто лет непризнание геноцида армян. Именно безнаказанность государства, как виновника в планировании и осуществлении геноцида армян, а также факт международного непризнания геноцида и страх перед возможностью его признания второй раз на протяжении XX века возбудило в среде турецкого руководства попытку решения неудобного вопроса радикально-криминальным способом. Факты участия армии в разрушении армянских храмов свидетельствуют о государственной поддержке вандализма и об отсутствии в большинстве случаев иных причин (религиозных, хозяйственных, поиска добычи), кроме удовлетворения националистических потребностей и политического давления на армянскую общественность.

Прямым наследованием этой политики является разрушение памятников армянской культуры на территории современного Азербайджана, в частности, в Нахичевани, где в 2000-е годы армейские подразделения уничтожили хачкары

¹ Ставя вопрос о корнях этноцида, можно вспомнить факты разрушения армянских соборов Сиваса, Эрзинджана и Ангоры (Анкары) во время геноцида армян в Османской империи руками армянских солдат, призванных в турецкую армию. Но тогда основной целью являлось унижение этих солдат. Об этих фактах рассказал профессор Раймон Кеворкян во время своей лекции на истфаке МГУ имени М. В. Ломоносова 11. 02. 2015, отвечая на мой вопрос о связи разрушения армянских храмов с геноцидом. Лекция состоялась по случаю издания перевода на русский язык книги: **Кеворкян Р.**, Геноцид армян, М., 2015, 912 с. (см. оригинальное издание: **Kévorkian R. H.**, *Le génocide des Arméniens*, Paris, 2006).

кладбища Джуги (Нахичеван)¹, и столь же нещадному уничтожению подверглись церкви Агулиса².

Подвергая критике эту политику, мы должны осознавать, что отношение соседа к доставшемуся ему и довольно нежеланному с его стороны наследию во многом может зависеть и от нашего отношения к состоянию историко-археологических памятников в самой Армении. До тех пор, пока в родной стране им не обеспечено должное внимание, исключительно трудно требовать такового от соседнего государства³. Сейчас как никогда ранее хочется привлечь внимание правительства к древним постройкам, расположенным напротив Ани, на левом берегу реки Ахурян. Эксперты Всемирного фонда памятников, призванные контролировать консервацию памятников в Ани, заинтересованы в получении информации о состоянии средневековых построек на прилегающей территории Армении. Очень скоро может наступить время, когда появится необходимость в разработке совместной программы сохранения наследия и развития туризма по обе стороны бассейна Ахуряна⁴. Научное сообщество и, в первую очередь, армянские организации должны быть готовы к преобразованиям в регионе. Привлечение международных организаций и опыта российских специалистов в данной сфере может оказаться исключительно полезным. Российские научные организации, до сих пор проявляющие удивительную пассивность в этом вопросе, имеют надлежащий потенциал и моральное право внесения своего вклада в изучение и охрану памятников Ани и бассейна реки Ахурян спустя сто лет после работы на этой территории Анийского института, основанного Императорской археологической комиссией. Хочется надеяться, что деятельность по охране памятников на правом берегу реки Ахурян должна приветствоваться охраняющими этот участок границы российскими войсками, поскольку содействие такой программе несомненно принесет дивиденды России в самом широком международном аспекте.

В октябре 2014 г. состоялась армяно-турецкая (на уровне общественных организаций и экспертов) научная экспедиция по мониторингу состояния памятников армянской архитектуры в провинции Муша. Она сплотила друзей из двух стран и примкнувших к ним иностранцев накануне 100-летия Геноцида армян в Османской империи, заставила задуматься о физическом состоянии ужасающих остатков средневековых построек, о масштабах уничтожения целого пласта культурного наследия, а также о перспективах сотрудничества специалистов двух стран в сфере сохранения культурного наследия.

¹ **Haghazaryan A.**, Julfa. The Annihilation of the Armenian Cemetery by Nakhijevan's Azerbaijani Authorities, Beirut, 2006.

² **Վարապետյան Մ.**, Ազուլիսի երկրորդ եղեռնը, Վարաք, 2013, թիվ 7, էջ 22-27:

³ Это не теоретическое рассуждение, а заключение эксперта, вовлеченного международными и научными организациями в процесс учета и охраны памятников армянской архитектуры на территории Турции и с 2013 г. являющегося консультантом турецкого архитектурного бюро «PROMET PROJE Mimarlık Restorasyon» по проекту консервации и работам на церкви Спасителя (Пркич) в Ани.

⁴ Об Ани, как катализаторе возможного диалога между гуманитариями Армении и Турции, с перспективой разработки совместных проектов См.: **Watenpaugh H. Z.**, Preserving the Medieval City of Ani: Cultural Heritage between Contest and Reconciliation, Journal of the Society of Architectural Historians, vol. 73, n° 4, December 2014, p. 529-555, especial p. 546.

Արմեն Ղազարյան – Արջո Առիչից մինչև Մրեն: 1920 թ. և 2013 թ. Տեկորի շրջակայքի հուշարձանները ուսումնասիրած արշավախմբերի աշխատանքների համեմատական վերլուծություն

Հոդվածում վերլուծվում է Շիրակ և Արշարունիք պատմական նահանգների տարածքում գտնվող հուշարձանների վիճակը, որոնց ճարտարապետությունը Բագրատունյաց դարաշրջանի Անիի հայկական քաղաքային ճարտարապետության դպրոցի կայացման համար հիմք հանդիսացավ:

Տեկոր (Դիգոր) քաղաքի շրջակայքում գտնվող հուշարձաններով հարուստ տարածքը XX դարի սկզբին գրավել է միջնադարագետների ուշադրությունը, սակայն դրանց ուսումնասիրությունը երկար տարիներ դադարեցվել է 1920 թ. Թուրքիայի կողմից Կարսի մարզը գրավելու պատճառով: 1950-1960 թթ. Թուրքիայում հայկական մշակույթի այդ հուշարձաններին պատճառված վնասները հայտնի են միայն ընդհանուր գծերով: Տեկորի շրջակայքում գտնվող հնագույն քաղաքների ու գյուղերի շինությունների օրինակով հեղինակը փորձել է պարզել դրանց ոչնչացման պատճառներն ու մեթոդները:

Հուշարձանների համեմատական վերլուծություն կատարելու համար հեղինակը կառույցները նկարագրում է 1920 և 2013 թթ. Ախուրյանի ձախ ափին և Անիից հարավ ընկած տարածքում երկու գիտական արշավախմբերի արդյունքների հիման վրա: Համեմատական քննությունը հավաստում է, որ հայկական մշակույթի հուշարձանների ոչնչացումը կանխատեսված է եղել: Այդ գործողությունները հիմնականում կատարվել են թուրքական բանակի կողմից, ինչը ապացուցում է իշխանությունների մասնակցությունը այդ գործին:

Պետության՝ որպես Հայոց ցեղասպանության կազմակերպչի անպատժելիությունը, ցեղասպանության հերքումը թուրքական կառավարությանը դրդեցին իրենց ոչ ձեռնառու հարցը լուծել արմատական-քրեական մեթոդներով: Հոդվածում առաջարկվում է Թուրքիայում հայկական ճարտարապետության ժառանգության պահպանման նպատակով լայնորեն ներգրավել միջազգային կազմակերպություններին:

Armen Ghazaryan – From Arjo Arich to Mren: Comparative Analysis of the Work of 1920 and 1923 Expeditions Having Studied the Monuments in the Vicinity of Tekor

The article presents the state of the monuments in the territory of the historical provinces Shirak and Arsharunik, the architecture of which became the basis for the establishment of Ani's Armenian urban architecture school in the Bagratuni era.

The area surrounding Tekor (Digor) which is rich in monuments, attracted the attention of the specialists of the Middle Ages at the beginning of XX century but the study of it was stopped in 1920 for many years due to the occupation of Kars region by Turkey. The damage caused to the monuments of Armenian culture in Turkey in 1950-1960s is known only in general features. By the example of the constructions of ancient towns and villages surrounding Tekor, the author tries to find out the reasons and methods of their destruction.

For carrying out a comparative analysis, the author describes the structures based on the results of the two scientific expeditions of 1920 and 2013 on the left bank of the Akhuryan and the territory to the south of Ani. The comparative analysis confirms the deliberate destruction of Armenian cultural monuments. These activities were mainly carried out by the Turkish army, which proves the participation of the authorities in that.

The impunity of the state as the organizer of the Armenian Genocide, the denial of the Genocide, urged the Turkish Government to tackle the non-profitable issue by radical-criminal methods. The author suggests that international organizations should widely be involved for the purpose of preserving the Armenian architectural heritage in Turkey.

АРМЯНСКИЕ НАДПИСИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО БЕЛГОРОДА НА ДНЕСТРЕ

Ключевые слова – Л. М. Меликсет-Беков, Х. И. Кучук-Иоаннесов, средневековый Белгород на Днестре, церковь, армянский храм, хачкары, надпись, плита

К настоящему времени в исторической части г. Белгорода-Днестровского (Украина, Одесская область) сохранилось два уникальных культовых сооружения эпохи средневековья: Армянский храм Успения Богородицы и Греческая церковь Св. Иоанна Предтечи. Оба храма расположены в 400 м. к юго-востоку от крепости XV в.

Армянский храм представляет собой прямоугольное в плане помещение, размером (по внешнему контуру) длиной в 20,3 м × 8,15 м шириной, с двумя приделами по сторонам от алтарной части, с апсидой, одним южным притвором и крыльцом на четырех колоннах с запада. Храм расположен в квартале на пересечении современных улиц Кутузова и Л. Попова.

Время появления храма до сих пор точно не определено. Этот вопрос является предметом дискуссий вот уже более ста лет. Дата его строительства в работах разных исследователей варьируется от XIV – середины XV вв. до 1830-х гг. Один из авторов данной статьи склоняется к выводу, что храм был возведен не ранее начала XVII века¹.

В качестве источников для датировки памятника исследователями привлекались данные с хачкаров и надмогильных плит XV-XVIII вв., которые размещены в пределах его стен². Известный исследователь белгородского храма, А. Х. Тораманян прямо указал на важность данных надмогильных плит в деле решения вопроса о количестве церквей в средневековом Белгороде (Аккермане), времени их функционирования и основания³.

На рубеже XIX-XX вв. в храме и прилегающих строениях (в приходской школе и церковной ограде) Х. И. Кучук-Иоаннесовым зафиксировано в общей сложности 42 плиты с армянскими надписями⁴.

¹ Красножон А. В., Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости, *Stratum plus*, Кишинев, 2013, № 6, р. 167-177; *его же*: История исследований армянского храма Аккермана, Південний захід. Одесика. Историко-краєзнавчий альманах, Одеса, 2013, вип. 16, с. 21-36.

² Тораманян А. Х., О некоторых армянских архитектурных памятниках Белгород-Днестровска, *ИФЖ*, 1970, № 2, с. 278-292; Меликсет-Беков Л. М., Армянские древности в Аккермане (в Бессарабии), Тифлис, 1911, - 40 с.; Avakian Gr. *Inscriptiile armenesti din Cetatea-Albă*, *Revista Istorica*, 1923 (București), anul IX, n° 7-9, р. 2-16.

³ Тораманян А. Х., указ. соч., с. 278, 280.

⁴ Кучук-Иоаннесов Х. И., Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму, *Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества*, М., 1903, т. 2, вып. 3, с. 63.

Уже через несколько лет Л. М. Меликсет-Беков насчитал в церкви и на прилегающей территории (в периметре ограды храма), 38 армянских плит. Из них 13 – в самом храме (7 на паперти, 1 – на хорах), 17 плит в каменной ограде храма, и 8 – в здании церковно-приходской школы, располагавшейся на прилегающей к церкви территории¹. Через 12 лет после выхода в свет брошюры Л. М. Меликсет-Бекова, румынский исследователь Гр. Авакян насчитал тоже число плит в храме и на прилегающей территории².

В настоящее время в храме зафиксировано 16 плит с памятными надписями на армянском языке. Прилегающие строения не сохранились.

Самой древней плитой из всех зафиксированных в Аккермане за прошедшее столетие, оказался хачкар 967 г. христианского летоисчисления, которую обнаружил действительный член Московского Императорского археологического общества (МИАО), профессор Х. И. Кучук-Иоаннесов. До наших дней этот памятник эпиграфики не дошел. Исследователь сделал его единственное описание, без прорисовки, поэтому остается полагаться на профессионализм автора находки. Надпись была вырезана на «маленьком куске мрамора, в середине которого изображен крест с надписью по обеим сторонам, правая сторона мрамора отбита». Надпись сильно фрагментирована, расположена в четыре строки двумя колонками:

Մը Խշու Յիշուկ Է

նուսն Չ.

գրեց (աւ)

Թ. ԿժԳ --

Автор находки дешифровывал некоторые сокращения, восстановил утраченные части текста и сделал перевод на русский язык:

Մուրր Խշու Յիշուսուկ Է

նուսնն Չ. [Դաւիթի]

Գրեցաւ (?) (видна часть буквы)

Թիւ ԿժԳ

«Святой крест в память

Смиренного Д [авида]

Писано... лета 416»

Самая ценная часть надписи – дата, по заверению Х. И. Кучук-Иоаннесова, «не может возбуждать ни малейшего сомнения», а «за чтение первой, второй и четвертой строк можно ручаться»³. Если допустить, что при датировке плиты были допущены ошибки, то даже при комбинации с начальной буквой Ն (400) любых других букв, итоговая дата не выйдет за пределы X в.

Расшифровка имени во второй строке «*նուսնն Չ. [Դաւիթի]*» /смиренного Д. [Давида] / на наш взгляд дана произвольно (с тем же успехом можно читать «Д», как «Даниэля»).

Достоверность находки не вызывает сомнения. Автор явно работал с оригиналом где-то в начале 1890-х г. Косвенно на это указывает протокол № 44 заседания Восточной комиссии Императорского Московского Археологического

¹ Меликсет-Беков Л. М., указ. соч., с. 16.

² Avakian Gr., указ. соч., с. 7.

³ Кучук-Иоаннесов Х. И., указ. соч., с. 64.

общества от 18 октября 1894 г., где сказано, что Х. К. Кучук-Иоаннесов летом того года совершил поездку в Бессарабию по поручению общества¹. Вероятно, тогда им и была исследована армянская церковь Аккермана (Белгорода), а в приходской школе обнаружена плита 967 г.

Возможно, поводом посетить Аккерман послужила публикация двумя годами ранее П. Н. Батюшковым краткой информации об армянском храме Аккермана. В своем историческом альманахе «Бессарабия» автор фрагментарно описывает только две белгородские плиты из храма, причем допуская грубые ошибки в переводе и датировках. Известная в настоящее время плита 1446 г. (895 г. арм. лет.), датирована 1447 г. Другая плита также датирована неверно: вместо 1474 г. (христ. лет.) указан 1475 г.². Тексты этих плит были наверняка переведены автору местными армянами (священником или учителем). Доступ к плите 967 г. по какой-то причине П. Н. Батюшкову не открыли. Либо сами консультанты в то время полагали, что ранее обнаруженных двух плит нет в городе. Или плита попросту не была известна к моменту работы над альманахом. Так, Х. И. Кучук-Иоаннесов сообщает, что учитель местной армянской приходской школы Айдыньян (Айтинян) некоторые плиты, находившиеся в ограде церкви, перенес в здание школы³. Возможно, в числе этих перемещенных памятников был и неизвестный прежде хачкар 967 г.

Вдохновившись публикацией Х. И. Кучук-Иоаннесова, румынский историк Гр. Гойлав в 1912 г. прямо называет эту плиту «самым ранним свидетельством во всей источниковедческой базе истории армян» Карпато-Днестровского региона. Он же дает свой вариант перевода: «Этот крест вырезан в 416 г.» (=967 г.). Правда, саму плиту автор не видел⁴.

Современник Гр. Гойлава, Л. М. Меликсет-Беков, изучавший памятные плиты Армянского храма Белгорода, ничего не говорит об этой плите в своей специальной работе, посвященной памятнику. О плите X в. ничего не пишет и Гр. Авакян⁵. Нет этой плиты и в «Своде армянских надписей Украины и Молдовы»⁶.

Через 70 лет после первого упоминания хачкара X в. из Белгорода на него обращает внимание в своей статье лишь А. Х. Тораманян⁷. Автор называет хачкар «свидетелем более раннего периода» существования культуры армян Белгорода, «в частности, X-XII вв.». При этом историк архитектуры сознательно дистанцируется от разбора проблем армянской истории Белгорода в X в., ссылаясь на отсутствие среди исследователей единого мнения по данной датировке⁸.

¹ Протоколы заседаний Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества за 1888-1895 гг., Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества, М., 1896, т. 2, вып. 1, с. 123-124.

² Батюшков П. Н., Бессарабия (историческое описание), СПб, 1892, с. 72.

³ Кучук-Иоаннесов Х. И., указ. соч., с. 63.

⁴ Goilav Gr., Bisericile Armene de prin țările române, București, 1912, p. 3.

⁵ Avakian Gr., указ. соч., с. 7.

⁶ Григорян Г., Свод армянских надписей, т. VII (Украина, Молдова), Ереван, 1996 (на армянском языке).

⁷ Тораманян А. Х., указ. соч., с. 278.

⁸ Там же.

И поэтому совершенно неожиданным выглядит пассаж того же автора в другой работе, опубликованной спустя 20 лет, где он уже прямо заявляет, что «самая ранняя плита церкви относится к 967 г.», а также утверждает, что «эта плита беломраморная вмурована в северную стену церкви»¹.

Но на самом деле автор ее не видел здесь, что следует из приведенной им характеристики интерьера храма в другой части текста. Так, при описании северной стены архитектор упоминает лишь две плиты, сохранившиеся до наших дней и никакого хачкара X века². Этой плиты в храме исследователи не видели ни в 1910-х ни в 1920-х гг. А. Х. Тораманян повторяет вариант дешифровки текста хачкара авторства Х. И. Кучук-Иоаннесова³.

И если датировку этого хачкара признать верной, то это один из древнейших памятников армянской эпиграфики на территории Украины. К сожалению, крайне скудная информация о хачкаре не позволяет сделать сколь-нибудь обоснованных выводов о существовании в X в. в Белгороде армянской колонии и собственного храма. Под вопросом до сих пор находится и сам факт существования города в этот период. Несмотря на многочисленные находки в Белгороде-Днестровском монет, украшений, крестов и энколпионов, X-XIII вв.⁴, общепринятым считается время появления Белгорода в конце XIII века⁵. Данный памятник эпиграфики мог быть перевезен в Белгород и установлен в церкви гораздо позже.

В конце 1990-х гг. в Белгороде-Днестровском был обнаружен еще один хачкар и передан в дар Одесской Армянской церкви Св. Григория Просветителя. Мраморную плиту нашли рабочие при земельных работах у так называемой усыпальницы Иоанна Сочавского – первого молдавского святого, погибшего в Белгороде в 1330-х годах⁶. Сооружение расположено рядом с Греческой церковью XV века⁷.

Сама церковь представляет собой простое в плане однефное сооружение длиной 24,45 м и шириной 7 м. В западной части над входом возвышается трехъярусная колокольня. Прямоугольная в плане усыпальница находится в 4,5 м к востоку от апсиды (размером 6,06×8,2 м с толщиной стен 0,8 м и высотой 2,5 м).

¹ **Тораманян А. Х.**, Из истории строительной деятельности армян в Молдавии, М., 1991, с. 7.

² Там же, с. 16-17.

³ Там же, с. 7.

⁴ **Рябцева С. С., Савельев О. К.**, Некоторые предметы из цветных металлов и ювелирный инструментарий из раскопок Белгород-Днестровской крепости, *Stratum plus*, 2014, № 5, p. 155-173.

⁵ **Руссев Н. Д.**, На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII-XIV вв., Кишинев, 1999, 240 с.

⁶ **Руссев Н. Д.**, Житие Иоанна Нового и жизнь Григория Цамблака в связи с формированием российского идейно-политического пространства, *Русин (международный исторический журнал)*, 2007, № 2 (8), Кишинев, с. 9-11.

⁷ **Красножон А. В.**, Армянская церковь Аккермана (история исследований, *Музейний Вісник*, 2013, № 13, Запоріжжя: Запорізький краєзнавчий музей, с. 167-177.

Рис. 1 Хачкар Белгород-Днестр

Изображение хачкара публикуется впервые. Он вырезан на плите белого мрамора, размером 32×18 см (рис. 1). Надпись расположена в трех строках в нижнем поле плиты. Верхняя, бо́льшая половина лицевой плоскости, занята изображением процветшего креста. Резьба отличается некоторой простотой. Поверхность вокруг креста носит следы красной охры. Верхняя грань резьбы над крестом оформлена в виде овального свода. Тыльная сторона грубо сколота, со следами металлического штыря, при помощи которого плита некогда крепилась на стене.

Надпись:

ԲԱՐԷԽԱՍԷՍԲԻԱ
 ՉՍԱՆԱՅԻԱ
 ԹՈՆՆԵԻՐԶԱՎԿԻՆ (в оригинале)

ԲԱՐԷԽՈՍ Է ՍՈՒՐԲ ԽԱՉՍ
 ԱՆԱՅ ԽԱԹՈՒՆԵ
 ԻՐ ԶԱՎԿԻՆ (дешифровка)

Перевод:

Святой крест – заступись за чадо Анай Хатунэ

Все исследователи армянской эпиграфики Белгорода констатируют, что в местных текстах встречается множество грамматических, синтаксических и стилистических ошибок, а сами надписи зачастую состоят из лигатур. Другой особенностью местной эпиграфики является шаблонность текстов. Данные особенности в равной степени относятся и к плите из усыпальницы у Греческой церкви. Правда, шаблон, в котором выдержан текст, из 40 известных сегодня плит Аккермана и окрестностей, свойственен лишь одной надписи: *ԲԱՐԷԽԱՍ Է ՍՈՒՐԲ ԼՇԱՆ ԱԼԷՔՍԻՆ, ՍԱԼՈՒԽԱՆԻՆ ԵՒ ԷՄԻՆ-ՊԷՐԻՆ ԹՎ ՊՂԶ ԴԵՎՏԵՍԲԵՐԻ . . .* / Святое знамение – заступись за Алэкса, Салумана и Эминбея. Лета арм. эры 896 декабря. (1447 г. христ. лет.) /

К сожалению, публикуемая нами надпись не содержит даты. Но по типологическим признакам резьбы хачкар можно отнести к XV в.

Каким образом армянская надпись оказалась в основе фундаментов усыпальницы на территории, примыкающей к православному храму XV века? Традиционно вместе с Греческой церковью и усыпальницей, в единый комплекс сооружений, посвященных св. Иоанну Сучавскому, входила и часовня при источнике на околицах города. По сообщению К. Н. Батюшкова, последняя некогда принадлежала армянской общине¹. Над входом в полуподземное помещение часовни было зафиксировано мраморное надгробие с именем некоего Ованеса, эпитафией на армянском языке и датой 1715 год². В самой усыпальнице при церкви еще в середине XIX в. находилась надмогильная мраморная плита с текстом и ошибочной датой: «Св. мученик Иоанн Новый от Трапезанта, пострадавший в Аккермане в 1492 года июня 2-го, святые те мощи его ныне находятся в Сочаве». По описанию А. И. Зашука, на плите «по бокам ее грубо вырезаны две пальмы». Можно предположить, что это не что иное, как кипарисы – изображение, традиционное для армянских могильных плит того времени. В этом

¹ Батюшков П. Н, указ. соч., с. 65

² Avakian Gr. указ. соч., с. 8.

контексте уместно вспомнить о другом лапидарном средневековом памятнике синкретизма армяно-греческой культуры Белгорода – о плите 1440 г. со стен крепости, на которой изображен хачкар в сочетании с греческим текстом¹. Кроме того, на «старинном» кладбище, прилегавшем непосредственно к стенам Греческой церкви, еще в начале XX в. были «видны могилы, покрытые мраморными досками со стертыми греческими и армянскими надписями»².

Таким образом, находка хачкара в районе Греческой церкви в совокупности с другими косвенными признаками, может указывать на принадлежность храма в определенный период армянской общине Белгорода. Примеры подобного переподчинения греческих церквей армянским общинам Константинополя и Кишинева известны³.

В целом, эпиграфические материалы средневекового Белгорода (Аккермана) позволяют сделать вывод о весьма оживленной торгово-экономической и социальной активности многочисленной армянской общины города в XVII-XVIII вв. Плита X в. – яркое свидетельство уникальности культурной жизни белгородской диаспоры. Именно поэтому подробный анализ эпиграфического наследия Белгорода требует отдельного исследования. Пока же остается надеяться, что новые находки армянской эпиграфики на территории средневекового памятника далеко не исчерпаны.

Դավիթ Դավթյան, Անդրեյ Կրասնոժոն – Դնեստրի վրա գտնվող Բելգորոդի միջնադարյան հայկական արձանագրությունները

Բելգորոդ-Դնեստրովսկի քաղաքի (Ուկրաինա) միջնադարյան Ակկերմանի (Բելգորոդի) հայկական եկեղեցում XX դարի սկզբում հայտնաբերվել է 967 թ. խաչքար, որը Ուկրաինայում հայկական հնագույն հուշարձաններից է: Սակայն խաչքարը չի վկայում, որ X դարում Բելգորոդում հայկական եկեղեցի կամ բնակավայր է եղել: 1990-ական թվականներին հունական եկեղեցու տարածքում հայտնաբերվել է XV դարի ևս մեկ խաչքար, որի մասին առաջին անգամ հիշատակվում է սույն հոդվածում: Կողմնակի այլ վկայություններ թույլ են տալիս ենթադրել, որ այդ խաչքարը պատկանել է Բելգորոդի ուղղափառ եկեղեցու հայկական համայնքին: Հունական եկեղեցիների նման ենթակայությունների օրինակները հայտնի են Կոստանդնուպոլսում և Քիզնևում: Միջնադարյան Բելգորոդի հայերին վերաբերող արձանագրություններում տեղ գտած վկայությունները թույլ են տալիս եզրակացնել, որ քաղաքի բազմաթիվ հայկական կազմակերպությունները ունեցել են առևտրա-տնտեսական և սոցիալական աշխույժ կյանք: X դարի խաչքարը Բելգորոդի հայ համայնքի մշակութային կյանքի ինքնատիպության վառ ապացույցն է:

¹ Красножон А. В., Эпиграфические памятники XV в. из Белгородской крепости, с. 167-177.

² Защук А., Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область, СПб, 1862, ч. II, с. 138.

³ Тораманян А. Х., К вопросу об армяно-молдавских архитектурных связях (XIV-XIX вв.), ИФЖ, 1972, № 2, с. 205-206.

David Davtyan, Andrey Krasnozhan – *Medieval Armenian Inscriptions in Belgorod on Dniester*

In the Armenian Church of Medieval Akkerman (Belgorod) in the city of Belgorod on Dniester (Ukraine) a cross stone of the year of 967 was found at the beginning of XX century, which is one of the oldest Armenian monuments in Ukraine. The cross stone does not indicate, however, that there was an Armenian Church or settlement in Belgorod in X century. In the 1990s, in the territory of Greek Church another cross stone of XV century was found, that is first mentioned about in this article. Another indirect evidence suggests that the cross stone belonged to the Armenian community of Belgorod Orthodox Church. Examples of such subjections of Greek Churches are known in Constantinople and Chishnev. The evidence relating to Medieval Belgorod Armenians allows us to conclude that the various Armenian organizations of the city had an active economic and social life. The cross stone of X century is a vivid example of the originality of cultural life of the Armenian community.

**«СТРАНА НАИРИ» ВААНА ТЕРЬЯНА
И «ТАГАРАН» ЕГИШЕ ЧАРЕНЦА**

Ключевые слова - родина, Терьян, Чаренц, Наири, роза-рана, Тагаран, язык, песня, символ

Особое место в армянской патриотической поэзии занимают два выдающихся произведения: стихотворный цикл «Страна Наири» Ваана Терьяна и знаменитое стихотворение «Я привкус солнца в языке моей Армении люблю» Егише Чаренца, завершающее цикл «Тагаран». На родство этих двух произведений обращали внимание многие исследователи творчества Чаренца¹.

О создании цикла, посвященного родине, Терьян задумался еще в 1913 г., когда он написал одно из самых драматичных стихотворений «Неужто я поэт последний...». Тогда же, в годы учебы в Петербургском университете, он увлеченно занимается востоковедением. Он посещает лекции Н. Я. Марра, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, И. А. Орбели. Его интерес к армянской и восточной филологии вообще, к истории своего народа углубляет понимание истоков и корней армянской культуры. Все это делает его патриотизм осознанным, «идейным», мировоззренческим.

Мысль о родине, мысль-страдание – а иной она и не могла быть у армянского поэта – не покидала Терьяна. В письме к Нвард Туманян, датированном 1914 годом, есть такие пронзительные строки: «Вы представить себе не можете, как проходит моя жизнь – не *проходит*, а *сгорает* каким-то внутренним горьким огнем, и я бессилён перед этим огнем и беспомощен. И я думаю, что это имеет свой глубинный и возвышенный смысл. Ведь так же, подобно моей душе, горит и моя страна, "моя Наири"... (курсив Терьяна – Б. З.)»².

Программно его позиция сформулирована в лекции «Грядущий день армянской литературы», прочитанной в апреле 1914 г. в Тифлисе в зале Музыкального товарищества, и статье «Духовная Армения» (1914). Он акцентирует вопрос культурного будущего всех армян, каким бы несвоевременным ни казался разговор о культуре, выдвигая идею о некоей внутренней воле, импульсе, который объединяет людей в нацию. «Собирание армян», или «организация армян» в

¹ Автор статьи «Особенности построения стихотворения Е. Чаренца “Я привкус солнца в языке моей Армении люблю”» С. Атабекян отмечает, что «в последние годы в своих работах это родство подчеркивали С. Агабабян и Г. Тамразян. Академик Э. Джрбашян еще более расширил границы сопоставления двух поэтов и фактически исчерпал этот вопрос». Атабекян анализирует поэтику стихотворения, показывая, что «смысловые первоосновы» шедевра Чаренца имеют истоки в образной системе всего поэтического наследия поэта. См.: **Атабекян С.**, Особенности построения “Я привкус солнца в языке моей Армении люблю” Егише Чаренца // Чаренцевские чтения, Ереван, 1988, с. 244-246 (на армянском языке).

² **Терьян В.**, Собр. соч. в 4-х т., т. 4, Ереван, 1972, с. 350 (на армянском языке).

идейном смысле, – вот что я понимаю, говоря «Духовная Армения», – поясняет Терьян¹.

Подобное видение национальной идеи получило большой общественный резонанс, в частности, имело огромное влияние и на Егише Чаренца, став побудительным импульсом создания романа-памфлета «Страна Наири». Репрезентантом идей Терьяна являются и название романа, и выбранные в качестве эпиграфов ко всему роману и к отдельным главам строки из терьяновского цикла. В свою очередь, Терьян выбрал эпиграфом к циклу строку из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Люблю отчизну я, но странною любовью». Это стихотворение является прообразом другого знаменитого произведения – цикла «Родина» Александра Блока, с которым во многом созвучен цикл Терьяна.

В патриотических стихах Терьяна не отразились ни трибунность, ни возвышенность стиля, характерные для жанра гражданской поэзии. Известно, что жанр диктует определенный характер стиха: здесь уместны воспевательно-призывные, восклицательные интонации. После имеющей давние традиции классицистической школы, особенно широко разрабатывающей патриотическую тематику, а затем – прекрасных образцов романтической поэзии, Терьян нашел иное, принципиально новое построение. Художественные интенции поэта выразились в лиризме такого накала и проникновенности, с которыми смог сказать о родине, о ее судьбах только Терьян, оставаясь верным своей поэтической манере.

Следует сказать, что для армянской поэзии преимуществен не мифопоэтический, а культурный контекст, который эксплицитно присутствует как постоянно расширяющийся Текст национальной культуры; мифопоэтическое же наследие является не «живой реальностью мышления» (Е. М. Мелетинский), а основанием макрокосма национальной культуры (к примеру, камень как мифологический архетип стал окультуренным, обработанным крест-камнем). Смыслопорождающие доминанты поэзии Терьяна исходят из культурного поля, где силу онтологии для национального самосознания имеет история и культура народа. В цикле «Страна Наири» для раскрытия образа родины поэт избирает духовные составляющие, культурные ценности.

Большинство стихотворений – картины поруганной, испепеленной, окровавленной страны. Зарево свершившегося аутодафе полыхает в каждой строчке, ведь многие стихотворения цикла датированы 1915 годом, вошедшим в историю народа годом гибели миллионов армян. Другие же стихотворения, написанные задолго до этих событий, полны трагических предчувствий и тревоги.

Три стихотворения будущего цикла «Страна Наири» – «Неужто я поэт последний...» (1913), «Так безрадостны и похожи на плач...», «Помню, как поздняя осень...» – впервые были опубликованы в новогоднем номере журнала «Мшак» 1915 г. Именно Терьян ввел в речевой оборот полумифическое название древней Армении – Наири. Однако в примечаниях к первой публикации поэт уточнял, что «Наири следует понимать не в историческом, а в идейном смысле». Поэтому «Наири», «наирийское страдание», «наириец» в поэтическом употреблении Терьяна звучат как высокие символы Родины. В процессе работы над вторым томом собрания сочинений Терьян окончательно отобрал стихотворения для

¹ Терьян В., Критика и публицистика. Ереван, 1985, с. 114 (на армянском языке).

цикла: в него вошло 14 стихотворений (здесь и далее имеется в виду окончательный терьяновский вариант¹, ибо в некоторых изданиях в цикл включались другие неопубликованные при жизни поэта стихотворения патриотического содержания). Он выстраивает цикл в ином порядке: заменяет «Неужто я поэт последний...» другим, не столь трагичным по настроению, но сходным по образному строю стихотворением: «Как сын Лаэрта, как Улисс, оставивший и дом, и землю...». Это пролог лирического сюжета о возвращении героя домой, затем перед ним разворачиваются картины родного края.

Известно, насколько большое значение придавал Терьян композиции цикла, сохранению «внутреннего настроения». Развитие цикла «Страна Наири» продумано и органично: подобно музыкальному произведению, после вступления в первом стихотворении идет разработка темы в последующих. От стиха к стиху, как бы окидывая взором страну, поэт видит везде боль, скорбь, кровь, и постепенно усиливаются трагические аккорды, драматическая смыслонасыщенность стиха сгущается максимально. Строение цикла напоминает трехчастную форму: первые шесть стихотворений – эмоционально крайне напряженные – передают состояние родины и чувства героя. Затем следует средняя часть, более лирическая, с конкретизированным описанием родного края, дома, матери (стихотворения 7, 8, 9, 10). И в заключительной части стихотворения вновь звучат в трагическом регистре. В этом и проявляется своеобразие структуры цикла – *полифонизм*: стихотворения заключительной части и по настроению, и по образному строю созвучны стихотворениям первой, но уже на другом уровне. Создавая цикл как единое поэтическое произведение, Терьян последовательно шел по пути отбора наиболее абстрагированных произведений, лишенных прямых исторических реминисценций и адресных противопоставлений. Видимо, поэтому остались неопубликованными (и не включенными в цикл) другие патриотические стихотворения, в том числе знаменитое стихотворение «Не смешивайте нас с вашими дикими медвежьими племенами», где обращение поэта имеет конкретного адресата (в качестве примера можно привести известное стихотворение Ованеса Ширазы «Экспромт», построенное на гораздо более прямолинейной антитезе «мы и варвары»). В стихотворениях же, представленных в цикле (и в большинстве других его патриотических произведений), отсутствуют элементы восхваления, нет категоричности, полемического пафоса.

Стихотворение «Неужто я поэт последний, / Последний певец моей страны?», датированном еще 1913 г., явилось творческим импульсом к созданию цикла «Страна Наири», оно важно и с точки зрения поэтики всего цикла. В его построении выявляются черты, характерные и для других стихотворений. Основополагающая для лирических стихотворений композиция на основе антитезы в большинстве стихотворений цикла представлена глобальным противопоставлением жизни и смерти, варварства и культуры, разгрома, крови, трупов – духовности, песням, письменам, камням. Говоря «камни», поэт (и каждый армянин) имеет в виду и каменистую свою землю, из которой народ веками, поливая потом и кровью, добывал свой хлеб и превращал ее в цветущий сад, имеет в виду и

¹ Далее в тексте стихотворные отрывки цит. по: **Терьян В.**, Собр. соч. в 4-х т., Ереван, 1972 (на армянском языке).

храмы, дома, хачкары (крест-камни) – все, сделанное из камня, обработанное, украшенное тонкой вязью орнамента. Инвариант образа камня на протяжении всего цикла наполняется различными смысловыми оттенками, обогащающими национальную поэзию, ведь камень – один из символов армянской культуры вообще. В стихотворении «Неужто я поэт последний...» противовесом печальным картинам выступают положительные черты родины: «светлая», «яркая», «величественная». Парадигма образа родины в поэзии Терьяна выстраивается не через воспевание и параллелизм с природой, как это характерно для народной поэзии, а через самые существенные субстанции: «песня древняя» (и множество других вариаций – скорбная, нежная, печальная), «камни благородные и древние», «письмена пламенные», «язык царственный», являющиеся культурными ценностями народа. В одном из своих писем он также называет древнеармянский «царственным языком»: «золото, а не язык, небесная музыка, роскошь, богатство, сила, гибкость». И в поэтических произведениях, в частности в стихотворении «Неужто я поэт последний...» и многих др., именно язык является центральной смысловой характеристикой, раскрывающей сущность родины.

Мысль о родине поэт называет своим «наваждением», и этот, казалось бы, парадоксальный образ перекликается со статьями, где родина характеризуется как «фантом», «болезненная идея». Учитывая время написания стихотворения – 1913, становится ясно, насколько поэт в своих трагических переживаниях, называя себя последним певцом своей страны, предчувствовал грядущие катастрофы. Другое толкование этого стихотворения основано на высказываниях самого поэта о том, что оно написано в ощущении культурного кризиса. Тем не менее «пророческое» прочтение вытекает из самого текста, и именно это понимание стало наиболее близким для последующих поколений¹.

Терьян-символист открыл новую страницу в армянской поэзии, обогатив ее оригинальной образной системой, его стих музыкален, построен на богатейших звуковых аллитерациях. Символическая направленность его художественного мышления побуждала к поискам новых средств передачи образов – звуковых и цветовых. Эта особенность поэтики Терьяна ярко проявилась в цикле «Страна Наири», где цвет выступает одним из основных экспрессивных средств, служащих выявлению и вербализации смысловых кульминаций на протяжении всего цикла. Терьян разграничивает семантические поля: на одном полюсе – яркий, светлый, огненный, красный, на другом – черный, окровавленный, пепельный. На одном семантическом полюсе концентрируются понятия страны, дома, родного края, света, добра, на другом – смерти, упадка, разорения, зла. Примечательной особенностью стихотворения «Неужто я поэт последний» является парадоксальное сопоставление, казалось бы, несовместимых понятий: розы и раны. Сравнение «огненных роз» с «ранами пламенеющими» придает стиху особую экспрессивность и драматизм. Образ роз, огненных, алых как кровь, также является одним из символов родины и звучит во многих стихотворениях Терьяна.

«Роза» – традиционный символ мировой поэзии – интенсивно проявляется в армянской поэзии. Более того, роза – символ Христа, и эта отдаленная аллюзия

¹ Терьян В., Собр. соч., т. 1, с. 356, 357 (на армянском языке).

еще более усложняет и сгущает эмоциональный и смысловой контекст. Ассоциативная связь «роза - рана» или «роза как кровь» отражает очень важную сторону национального художественного мировосприятия и образной системы средневековой армянской поэзии (айрены, Тлкуранци, Саят-Нова), в поэзии нового времени эту образную параллель находим у Аветика Исаакяна, Даниеля Варужана и других. Множество форм парадигмы «рана –роза» в поэзии Терьяна затем воплощается в поэзии Егише Чаренца в сравнении «подобны крови цветы и розы». Именно эта строка и другие, а именно: «розы алые, как кровь», а также «песни печальные, как плач», «хижины темные», «царственный язык» станут импульсом для создания такого шедевра армянской поэзии, как стихотворение «Я привкус солнца в языке моей Армении люблю» Егише Чаренца.

В начальном стихотворении цикла «Как сын Лаэрта...» (1916) тема странника получает сильное звучание, посредством сравнения лирического героя, вступающего от первого лица, с Одиссеем. Образ тоскующего по родине странника – скитальца в чужой стране, («туманной», как говорит поэт), скрепляет все поэтическое повествование цикла. В контрасте с холодной, туманной чужбиной поэт из стихотворения в стихотворение рисует образ родины – сияющей, возвышенной, гордой, но не горделивой. С другой стороны, тема странничества и одиночества – одна из центральных в символизме, и поэзии Терьяна она имеет *символистскую* наполненность, выражающую полное изначальное одиночество человека. В цикле эти понимания, накладываясь друг на друга, создают неповторимую пронзительную интонацию. Подобно мифическому Улиссу, герой Терьяна везде был чужим и безрадостным, а возвратившись домой, застаёт родной очаг разграбленным и опустевшим. Стихотворение построено на антитезе: там, на чужбине – сирены очаровывающие, холодные дали, неумолкающие балаганы, здесь, на родине – камни благородные, песни любимые и нежные, древние. Символический образ – «балаган» («В холодных даялах, в неумолкающих Балаганах, я, заблудший сердцем...») (здесь и далее подстрочные переводы мои – Б. З.) резко противопоставляет праздность, пустоту и суетность жизни истинным ценностям, к которым стремится одинокий в балаганном празднестве герой.

Наряду с этим возникает аллюзия такого универсального мотива мировой культуры, как мотив блудного сына, репрезентантом которого является словосочетание «заблудший сердцем». Раздвоенная личность существует в двух измерениях – истинном и ложном, и поэт разграничивает истинное бытие от ложного, временного. Затем звучит мотив раскаяния («измученный тоской») и возвращения, являющегося итогом тяжелых жизненных поисков, ошибок, духовных переоценок, вследствие чего обретаются истинные ценности. На этом уровне текст концентрирует в себе несколько планов: это тема блудного сына, возвращающегося домой, чтоб навеки стать слушателем древней песни родины, делить с ней ее печали. Она перекликается с темой заблудшего человечества, возвращающегося к Отцу, как духовному истоку. В его творчестве нет каких-либо христианских мотивов и реминисценций, однако именно в этом цикле Терьян, которому не свойственна религиозность, безошибочно находит сущностную – христианскую –составляющую национального менталитета и через нее создает поэтический образ родины.

Второе стихотворение цикла продолжает тему песни, которая непонятна чужестранцу. При описании горестного состояния родины выстраивается поэтиче-

ский ряд: хижины, дремлющие в страхе, села наши убогие, песни безрадостные, похожие на плач, народ в безысходном горе, страна, несчастная и израненная. Антитезой этой картине является иной образ родины: светлый, возвышенный, скромный. Важно единение лирического героя, поэта с родиной именно в скорбный час. Причем диссонансом здесь звучит мотив непонятости, выраженный опять же через символистские образы – «чужестранец», «холодная чужестранка» (ср. высказывание Терьяна: «Наша боль почти непонятна неармянину»¹). Антитеза размыкается в мотив одиночества в толпе, среди людей, мотив непонятости и неразделенности чувств, характерный для лирики Терьяна. Оно принципиально безысходно и в этом мире является изначальным свойством человеческой природы, препятствующим счастью и пониманию. Однако в его патриотической поэзии одиночество индивида не абсолютно: «я» переходит в «мы», и обобщается в образе Народа, и теперь уже народ является одиноким, непонятым, распятым. Распятость христианского народа непосредственно проецируется на образ Христа, одинокого в свой смертный час и непонятого людьми. Слияние индивида с народом, родиной (пришел и пою с тобой) отчасти прорывает эту фатальную обреченность. Терьяновское «навекы стать слушателем древней песни» у Чаренца становится таким же исключаяющим все другие формы бытия заверением, что для его сердца «никакой другой сказки нет». У обоих поэтов сказка несет дополнительную семантическую нагрузку. Терьяновская «Золотая сказка» (заглавие одного из его циклов), «сказка бесконечно баюкающая» (образ из цикла «Страна Наири») и «для сердца другой сказки нет» Чаренца – все они символизируют уровень прекрасного, завлекающего, но единственно истинного только в случае, если это сказка родины. В следующем, третьем, стихотворении цикла – «Опускается ночь безжалостная и темная» (1917) – голос поэта звучит сильнее, а краски становятся мрачнее и драматичнее. Трагизм нагнетается, что находит отражение в лексике: «Заря с запахом смерти», «сгущается тьма», «зло-радно», «злая весть» и др. Наряду с лексической экспрессией появляются совершенно новые образы: важный в контексте цикла образ жертвы-страны, перекликающийся с образом распятого Христа, на что указывают слова «пригвоздится», «венок», «поруганное сердце». Но теперь антитезой отрицательному ряду является лишь одинокая фигура паломника, страждущего наирийца, упорство которого становится все сильнее, пассионарность его интенций призвана укрепить веру, снабженную экспрессивным эпитетом «неугасимая». Финальный аккорд звучит еще более возвышенно и является залогом будущего возрождения: «Священ твой путь, и венок высок...». В этой строке вновь прочитываются христианские аллюзии. В то же время она непосредственно перекликается со строками Чаренца «Как недостижимый славы путь» и «Подобных Нарекаци, Кучаку, других увенчанных светлым венком чел нет», несущие в себе ее поэтический заряд: «Священ твой путь и венок высок!» «Венок» на челе родины, и «увенчанные светлым венком чела» ее сынов Чаренца – явления одного и того же семантического ряда. В строке Терьяна присутствует и другой образ – образ пути. Этот же образ появляется в завершающей стихотворение Чаренца строке – восклицании: «Как недосыгаемой славы путь свою гору Масис люблю!»

¹ Терьян В., Критика и публицистика, Ереван, 1985, с. 114 (на армянском языке).

Далее основные мотивы цикла, достигнув кульминации, принимают характер свершившегося факта: «На родине моей, окрашенной кровью, / Ночь опустилась, беспросветная и безмолвная».

Противопоставление песен любви, аромата розы, пламени сердца картинам гибели, принимающей поистине апокалиптический характер, особенно контрастно подчеркивает трагичность происходящего. Единство народа и лирического героя, воссоздание исторической перспективы декларируются символами *Наири, наирийское сердце, наирец*, а также *сердце древнее, песня древняя*. Образ наирийского (звездного) поэта становится метатекстовым идейным центром, связующим циклы.

Образ родины характеризуется эпитетами, отсылающими к христианской этике: негорделивость, немстительность, мудрость, но в то же время несогбенность. От стихотворения к стихотворению христианские мотивы, посредством которых поэт раскрывает сущность родины, звучат все чаще. Поэт не ослеплен ее славой, не поет дифирамбы, от этого его чувства делаются глубже, проникновеннее, осмысленней. Стихотворение «Из мглы – видение чарующее» продолжает раскрытие той же темы, различными нюансами интонируя основное содержание. И вновь звучит очень важный мотив прощения: «В сердце какой страны есть столько грусти, / И столько прощения, в сердце какой страны?»

Прощение и самопожертвование, как они могут сочетаться с образом страны, борющейся за свою независимость? И только в контексте христианской морали становится возможным логическое прочтение этих характеристик. В тексте вновь и вновь возникают христианские аллюзии («Сердце человеческое», «заговор злостный»), интуитивно точно улавливающие характер народа, которому присущи и терпение, и всепрощение, и самопожертвование. В то же время поэт выделяет и другой смысловой аспект – «непобежденная», «упорная», «бесстрашная».

В средней части цикла повествование, достигнув кульминации, переходит в более спокойное лирическое русло. Этот ряд стихотворений, посвященных матери, Терьян помещает в середине цикла. Образ матери, созданный им с такой нежностью и лиричностью, сливается с образом родины, становится одним из многочисленных ее ликов, символом. Помимо того, что в армянской поэзии очень сильно звучит патриотическая тема, она отличается другой удивительной чертой: многие армянские поэты создают стихи о матери, не одно-два, а циклы, книги. В творчестве Аветика Исаакяна, Ваана Терьяна, Ованеса Шираза, Паруйра Севака это высокие образцы лирики, составляющие ценностную грань патриотической поэзии.

В стихотворении «Будто вернулся я домой» герой Терьяна, после долгого отсутствия, возвращаясь домой, застаёт мать уже состарившейся. Причем начинается оно не с констатации факта, а с воображаемого «Будто...». Это значит, что все происходит во сне, в грезах – в естественном для поэтики Терьяна измерении бытия, что придает стиху ощущение ирреальности. Мирная картина родного дома на минуту переносит героя в детство, и будто во сне обретается потерянный рай: «Снова рай в душе моей». Кажется, содержание стихотворения конкретно, не выходит за рамки простого описания, но смысловыми оттенками, настроениями оно органично вплетается в тональность цикла и после трагич-

ных, сгущенных красок предыдущих стихотворений вносит задушевно-печальный, щемяще-лирический аккорд.

Стихотворение «Здесь плакала моя мать» – два маленьких четверостишия – образец высокой лирики. Важной смысловой доминантой цикла является тема звона, колокола – одного из многих эмоционально и семантически насыщенных его образов. Он звучит в нескольких стихотворениях цикла, создавая особую звуковую ауру. Не случайно именно в этих стихотворениях о матери и родном доме появляется новый звуковой образ *перезвон колокольчика*: «Тонкий перезвон колокольчика, / Оплакивает боли страны моей». В стихотворении его звук почти физически осязаем: на фоне молчаливой пустоты, разграбленности тонко звенит колокольчик, заливаясь плачем по стране. Казалось, нет таких гиперболических сравнений, стенаний, воплей, которые смогли бы передать масштаб трагедии народа, но Терьян сумел через метонимию – звон маленького колокольчика, оплакивающего боль всей страны – соединить различные планы: макрокосм и микрокосм родины. В стихотворении «Тебе останется чужда» вновь возникает образ губительного перезвона колокола, уже как поминального, звучащего во весь голос, набатом: «И перезвоны надрывные / В умирающей моей стране».

Это стихотворение переключается по тональности со вторым стихотворением цикла. Здесь лирический герой обращается к некоему абстрактному «ты», выступающему в роли молчаливого оппонента: «Тебе останется всегда чужда / Наирийская моя душа».

А в стихотворении «Так безрадостны и похожи на плач» в качестве адресата выступают «чужестранец» и «холодная чужестранка». Таким образом, возникает множество образов, зеркально отображающихся и созвучных друг другу, что и создает сложную полифонию цикла.

Другой образ, выявляющий одну из основных смысловых линий цикла, вновь возвращает нас к теме крови. На этот раз энергия стиха создается посредством перевода первичных, лежащих на поверхности значений смыслопорождающей доминанты цикла – понятия «кровь», выступающего в других образных парах, в иной семантической плоскости. Метафора «наше вино – это кровь наша» казалось бы, сочетает несовместимые в бытовом плане величины. Тем самым подчеркивается трагический смысл и резко нарушается читательское ожидание, получившее некоторую инерцию в предыдущих вариантах образа крови. Помимо этого, образ усложняется и обогащается опять же христианскими ассоциациями, отсылающими к конкретным значениям в христианской символике: вино – символ пролитой жертвенной крови Христа. Так на протяжении всего цикла создается одна из тематических линий, основанных на образе крови, которая в различных своих воплощениях передает трагический настрой цикла.

Таким же образом на протяжении всего цикла раскрываются из стихотворения в стихотворение все основные мотивы –раны, колокольного звона, языка и др. Созвучные друг с другом стихотворения о матери, дополняя друг друга, также выражают единую тематическую линию родины: страна – родной край – дом – очаг – мать.

Образ матери вновь появляется в одном из последних стихотворений цикла – «Помню, как та поздняя осень золотилась». Картина угасания природы и образ состарившейся матери, согбенной от ожидания и горя, переключаются с опи-

санием гибельного состояния родины. Заключительная строка вновь размыкает содержание стихотворения в плоскость обобщенной семантики цикла. Звуковой образ: «Поет колокольчик скорбный» посредством эпитета «скорбный» включается в единый семантический ряд «плача-звона» по родной земле: «Тонкий звонок колокольчика / Оплакивает боли моей страны». Эта строка продолжает ряд: «И звоны те печальные умирающей моей страны»; «Поет колокольчик скорбный». Эта удивительная поэтическая находка Терьяна отзовется впоследствии в таком шедевре национальной поэзии, как «Неумолкаемая колокольня» Паруйра Севака, всеми своими звонами-главами, бьющая набат по гибели народа. Терьян впервые в пределах цикла применил принципы поэтической полифонии и зеркально отображающихся, взаимообогащающихся сквозных образов. Эти достижения Терьяна в области циклического построения стихов плодотворно развиваются и продолжают в творчестве Егише Чаренца и Паруйра Севака.

Заключительная часть цикла – стихотворения «Вячеславу Иванову», «Неужто я поэт последний», «Как не любить мне родину опаленную» – возвращают нас к тематике и эмоциональному накалу первых стихотворений. «Тонкостанная наирянка мне улыбнулась» завершает цикл.

Акростих «Вячеславу Иванову» построен на особенно контрастных цветовых образах: цветущий сад – сожженная, осиротевшая страна; яркие розы Вардава (у армян праздник розы в середине июня) и разбросанные трупы храбрых; цветущая страна – и море крови; раны – розы кровавые, опаленные: «Сколько, сколько, сколько крови, / Раны – розы, кровавые и воспаленные». Стихотворение отличается богатой аллитерацией, пронизывающей весь текст: *Vardavar* состоит из двух корней *vard* – роза и *var* – пылающий, яркий. Первая строка звучит так: *Vardavari vardere var...* И далее в тексте сочетаются значения слова *var* – «горящий» и «яркий». Образ «ран-роз» – проходит через весь цикл и обретает статус одной из смысловых доминант цикла.

Примером того, насколько образ «ран-роз» важен для Терьяна является другое стихотворение «Розы мои алеют сейчас», существующее в черновом варианте (публикуется под рубрикой «Черновики»): «И раны мои раскрылись опять, / Подобно цветам страны Наири». Поэтика стихотворения перекликается со строками из «Может, огненные розы твои ярки, / Или – раны мои пламенеют?» Сразу после стихотворения «Вячеславу Иванову» следует «Неужто я поэт последний», которое Терьян переместил в последнюю часть цикла, когда перед завершением вновь нарастает энергия стиха.

Стихотворение «Как не любить мне, страна моя опаленная» продолжает тематические линии цикла, но поэт переводит их в иной смысловой аспект: вера в возрождение, в светлое будущее, звучащая в цикле уверенно и мажорно. В этом стихотворении сравнения и характеристики становятся эмоционально более насыщенными, контрастными, от аллюзий переходят к непосредственным христианским определениям. Поэт напрямую называет здесь родину «непорочным свидетелем», «распятой родиной», «пронзенной Богоматерью», особенно важным в контексте цикла сравнением. Сопоставление родины и распятого Христа здесь сменяется сравнением с Богоматерью, но уже она пронзена и изранена. Родина вновь обретает женский образ. Наряду с трагическими интонациями все с большим пафосом звучит мотив возрождения. Эпитет родины –

«огненная» (в различных значениях так часто употребляемый в цикле), здесь сопрягается с прилагательным 'tsiganahur', то есть пылающий абрикосовым цветом (как известно, абрикосовый цвет – символ Армении, один из цветов национального флага, абрикосового цвета одежду носили спарпеты – главнокомандующие войск, и многое другое). Тема огня завершается последним аккордом – повелительным призывом к возрождению, который усиливается цветовым (скорее, световым) контрастом: «зажженной, подобно факелу, в темной ночи души наирийской», которую поэт называет «огнем крещенной», то есть закаленной, прошедшей все огни.

Тем не менее, несмотря на трагический настрой, право заключения цикла Терьян отдает проникновенно-лирическому, печальному, но просветленному надеждой стихотворению «Мне улыбнулась тонкостанная наирянка». Тема огня звучит здесь в положительном регистре: это и пламенный взор, и пламенная роза, раскрывшаяся в душе, и незапятнанный пламень, и солнце, выглянувшее из-за темных туч, обещающая возрождение.

Здесь я вновь хочу обратиться к чаренцевскому «Я привкус солнца в языке...». Женские образы, символизирующие Родину в произведениях Чаренца, очевидно корреспондируют с терьяновскими образами.

Строка: «Опять я сироту и пылающую в крови мою Армению-яр люблю» перекликается с женским образом в четвертой строке первого четверостишия «наирийских девушек грациозно-гибкий танец». В свою очередь они восходят к женскому образу «тонкостанной наирянки» Терьяна.

Образ женщины, «тонкостанной наирянки» в цикле Терьяна многопланов. Дело в том, что в армянском языке нет грамматической категории рода, в отличие от русского языка, где слова родина и отчизна относятся к женскому роду и соответствующим образом семантизируются. и вызывают В армянском языке слово «родина» имеет корень «hajr» – «отец». Однако столь часто соединяемое в поэзии с образом матери понятие «родина» обретает женскую сущность. Как мы видели, у Терьяна очень тонко и с большой любовью разработан образ матери, который в конечном итоге ассоциируется с родиной. В цикле выстраивается образ родины в ее женских воплощениях – родина-мать – мать – Богородица. Однако эта линия завершается у Терьяна образом девушки-наирянки, который сопрягается с образом родины, что было принципиально ново для армянской поэзии.

Таким образом, в армянской же поэзии «женское» прочтение понятия родины, было возможно только через образ матери. Но появление чаренцевского образа родины-возлюбленной (Армения-яр) было новшеством, эстетически дисгармонизировавшим с общепринятыми представлениями. Терьяновская «тонкостанная наирянка» подготовила почву для появления образа «Армения-яр».

Также и в русской поэзии, несмотря на женскую природу образа родины, сравнение Блока ее с женой (возлюбленной) вызвало бурные споры, первоначально и неприятие. Не один десяток лет не утихают споры вокруг блоковского прочтения образа родины как жены. Последним словом в этом разговоре является работа Д. Магомедовой «Александр Блок» в коллективном труде «Русская литература на рубеже веков». «Смысл строки “О, Русь моя! Жена моя!...” станет более понятен, если учитывать его цитатную природу», – пишет исследователь, выдвигая версию реминисценции этих строк из драмы Ибсена

«Пер Гюнт», где Сольвейг отождествляется с Богородицею. Выстраивая синонимический ряд «Русь-мать-жена-Богородица», по мнению Магомедовой, становится возможным прочтение образа «родина – жена» в единственно правильном контексте¹.

В понимании этого образа немаловажна традиция «женского» прочтения образа родины в философии и поэтическом творчестве Вл. Соловьева. Его известное определение: «У России женская душа», понимание того, что Россия является одним из земных воплощений Софии, является близким по духу и времени источником смыслообразования для Блока. Когда поэт называл Россию «женой», это органически вытекало из его символистской поэзии, где возлюбленная имела характер высшего идеала, а только сфера идеального позволяет сопрягать различные по своей природе понятия: образа женщины, жены, с возвышенной любовью к Родине.

Так же, независимо от каких-либо влияний, выстраивается логика развития образа родины в армянской поэзии.

Цикл Ваана Терьяна имел огромное влияние на развитие последующей армянской поэзии. Контекст армянской литературы вбирает в себя многие образы, которые переключаются, переходят из творчества одного поэта в творчество других. В армянской поэзии на протяжении веков выработалось единое поле национальной поэтики, основанное на художественных традициях и общности мироощущений различных поэтов и писателей.

Как видим, идейный и поэтический заряд цикла послужил духовным импульсом для создания одного из величайших произведений Егише Чаренца.

Чаренц создал стихотворение небывалой эмоциональной, метафорической и смысловой концентрации, в котором сфокусированы многие семантические доминанты цикла «Страна Наири» Ваана Терьяна. Чаренц стал продолжателем традиций Терьяна, вписал в поэтику национальной поэзии новые неповторимые нюансы.

Однако за пределами сравнения «Страны Наири» и «Я привкус солнца в языке моей Армении люблю» остаются многие другие патриотические произведения Чаренца, имеющие множество реминисценций из поэзии Терьяна. Одна из неисследованных проблем – это отношение цикла «Тагаран» и «Страны Наири». Правомерность такой постановки вопроса заключается в том, что, как бы ни было оторвано содержание произведений «Тагарана» от патриотической тематики, его завершают два шедевра, посвященные родине: стихотворения «Тысяча одну рану ты видела – еще увидишь» и знаменитое «Я привкус солнца в языке моей Армении люблю». Написанные на литературном армянском языке, они контрастно выделяются от остальных произведений цикла, в первую очередь сменой темы. Если вспомнить, что в циклах Чаренца, как и Терьяна, случайных произведений не могло быть, и все подчинялось единому замыслу, то включение этих стихотворений в цикл говорит о том, что замысел цикла иной, нежели его создание в подражание стилю Саят-Новы. Уже в «Уличной щеголихе» символический образ родины, который создавался в отдельных произведениях цикла, а также и в поэмах, занимал небольшое, с точки зрения

¹ Русская литература на рубеже веков (1890-е-начало 1920-х), М., 2001, с. 114-116.

объема, но идейно значительное место, достиг своего целостного завершения в «Тагаране». Содержательной и идейной кульминацией цикла и патриотической темы в целом явилось выдающееся произведение армянской поэзии стихотворение «Я привкус солнца в языке моей Армении люблю». Завершение «Тагарана» именно этими произведениями обобщает образ Родины в поэтическом полотне, где красочные, мыслительно всеобъемлющие метафоры и понятия воссоздают духовные первоосновы родины. Многочисленные интертекстуальные связи¹ со «Страной Наири», несомненно, свидетельствуют о том, что цикл «Страна Наири» был поэтическим импульсом и творческим первообразом для «Я привкус солнца в языке» в конкретно-лексическом отношении. Однако не только этого отдельно взятого стихотворения, но и в целом – «Тагарана», но уже в идейном плане. Чаренц не пошел по пути воспроизведения своей «Страны Наири», подобной терьяновскому. Он как демиург обзирает все времена и пространства, в образе наирийского поэта соединяет эпохи, доведя до Саят-Новы, который вручает ему, Чаренцу, свой саз.

Эти переключки и продолжение терьяновских интенций образа поэта, находящегося в самой болевой точке экзистенции народа, мы находим также в произведениях исторической тематики парадоксального и многопланового цикла «Уличная щеголиха», состоящего всего из семи баллад, но чрезвычайно богатого новыми и разнообразными темами. Во второй балладе – парадоксальный скачок с бытового уровня современного мира в легендарную древность, где в противоборстве личностей (Ара и Шамирам, а шире – народов) поэт ищет ответы на вопросы о продажности и преданности, о страсти без любви (параллель уличной щеголихи и Шамирам), когда поражение не означает победы противника, а ценой смерти достигается нравственное превосходство. В субъективно-лирической проблематике начинает высвечиваться глубинный план – историософский, символический. Подобно Блоку, который в своем цикле «На поле Куликовом» осмысляет судьбы родины через исторически значимые события, Чаренц символическим языком говорит не о женской или человеческой морали, а о нравственном величии народа, поверженного и поруганного. С этого стихотворения и начинается репрезентация Чаренца как *наирийского* поэта, интенции идущей опять же от Терьяна, соиздание символического образа родины, первоисток которого является цикл «Страна Наири».

Называя себя поэтом страны Наири, лирический герой Чаренца демонстрирует свою духовную преемственность, восстанавливает связь времен: древней, времен Ара и Шамирам, и новой страны. Со свойственным ему масштабам поэт размыкает, казалось бы, узкую тему пошлой, низкой жизни в историко-мифологическую перспективу, бытовой план накладывается на исторический, создавая сложную систему поэтических ассоциаций.

Карнавальная стихия, маска, символизирующая мертвую и профанированную сущность уличной щеголихи (или Шамирам), противостоит идеал и живая

¹ См. подробнее об этом: Джрбашян Э. М., Четыре вершины, Ереван, 1982, с. 444-446 (на армянском языке); Зулумян Б. С., Творчество Паруйра Севака в контексте армянской поэзии, М., 2002, с. 74-81.

душа поэта (Ара, Родина). Он, поэт, и знает, что в этом мире истинна только «целительная светозарная ложь» (по Терьяну – греза).

В «Уличной щеголихе» тема родины (Наири) и образ наирийского поэта не менее значительны, они помогают раскрыть гораздо более глубокую тему национальной судьбы, создать обобщения и параллели. От имени поэта страны Наири («Ужас катастроф») он предрекает гибель «их» миру, отрекается от «сладкой и голубой цепи» прошлого, которое превратило душу поэта «в гнойную мечту». Звучит не только воодушевление переменами, восторг разрушения, но печаль и сожаление о потере красоты этого мира, «усеянная звездами душа» поэта также повержена.

Подобным же трагизмом, мыслью-страданием исполнен цикл Александра Блока «Родина», датированный 1907 по 1915 гг.: цикл «На поле Куликовом» был напечатан впервые в 1909 г. в альманахе «Шиповник» (X), но громкую известность получил лишь в 1915 г. после публикации сборника «Стихи о России».

Это были тревожные годы и для России, и для Армении, стоящей у губительной черты; они побуждали к раздумьям и сомнениям по поводу дальнейших судеб родины. Нельзя думать, что есть какие-то прямые взаимовлияния, определившие некую сходность настроений циклов Терьяна и Блока. Терьян жил в Москве в эти годы и общие поэтические настроения тех лет неизбежно коснулись его.

В обоих циклах создан интимно-лирический задушевный образ Родины, с характерной общей интонацией раздумья, противопоставлением черной, нищей, поруганной родины с ее прекрасной сущностью. У Блока: избы серые и цветной плат до бровей, расхлябанные колеи и прекрасные черты. У Терьяна: села убогие, песни заунывные, но видение – волшебное, родина – скорбная. Блок шел от осмысления исторических тем и исторических судеб России («Куликовская битва» стала новой вехой в его поэзии) к символическому образу Родины. Терьян намеренно отходит от конкретных исторических фактов, посредством абстрактных сущностей создает символический, безгранично смыслонасыщенный образ своей земли. Но для обоих поэтов очень важна тема пути, сыгравшая теургическую роль в идейной структуре поэзии и Терьяна, и Блока. В патриотических циклах идея пути и судьбы поэта, и тема пути и судьбы Родины сливаются в единую точку, таящую в себе как возможность полного взлета и развития, так и трагической гибели.

Բուրաստան Զուրույան – Վահան Տերյանի «Երկիր Նաիրի» և Եղիշե Չարենցի «Տաղարանը»

Հոդվածում նկարագրվում են Վահան Տերյանի «Երկիր Նաիրի» բանաստեղծական շարքի առանձնահատկությունները: Իր պոեզիայի խորհրդանշական ուղղվածության համապատասխան նա հայրենիքը բնութագրելու համար ընտրում է վերացական-հոգևոր պատկերներ՝ արքայական լեզու, երգ, աղոթք, ժայռեր, տնակներ, Երկիր Նաիրի, և խորհրդանշաններ՝ վերք, արյուն, վարդ-վերք, կրակ, բանաստեղծ-պանդուխտ, կարմիրի, ալի, սևի, լացի գունային և ձայնային պատկերներ: Չարենցի պոեզիայի ինտերտեքստը ներառում է տերյանական դրամիանտներ, որոնք ստանում են նոր իմաստներ՝ հայրենիքը համեմատվում է յարի հետ: Նաիրյան բանա-

ստեղծի պատկերը անցնում է Արայի, Սայաթ-Նովայի դարաշրջաններով մինչև Չարենցի տարիները որպես Հայաստանի հոգևոր ժառանգության և նրա ճակատագրի իրավահաջորդ: Այդ լույսի ներքո «Տաղարանի» «Ես իմ անուշ Հայաստանի արևահամ բառն եմ սիրում» բանաստեղծը, շարունակելով Տերյանի ավանդույթները ներառում է Հայաստանի մի շարք խորհրդանշական պատկերներ:

Burastan Zulumyan – “Land of Nairi” (“Yerkir Nairi”) by Vahan Teryan and “Tagharan” (“A Collection of Poems”) by Yeghishe Charents

The article describes the peculiarities of poetry series of “Yerkir Nairi” by Vahan Teryan. According to the symbolic trend of his poetry, he chooses to describe his homeland by abstract spiritual images – kingly (superb) language, song, prayer, rocks, cottages, Land of Nairi, and symbols – wound, blood, rose-wound, fire, poet-wanderer, colour and sound images of red, scarlet, black, weeping. The intertext of Charents’s poetry includes Teryan dominants which acquire new meanings – the homeland is compared with the sweetheart. The image of Nairyan poet passes through the epochs of Ara, Sayat-Nova up to Charents years as the successor of the spiritual heritage and fate of Armenia. In this light “I love my sweet Armenia’s word which is filled with the taste of sun” poetic line from “Tagharan”, continuing Teryan’s traditions, includes a number of symbolic images of Armenia.

САРКИС КАЗАРОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ (вторая половина XIX – начало XX веков)

Ключевые слова – Городская Дума, благоустройство, городской водопровод, электричество, конно-железная дорога, телефон

Не секрет, что благоустройство любого города и создание комфортных условий для его жителей напрямую зависит от эффективной деятельности органов городского управления. В этом плане весьма интересен опыт деятельности на этом поприще городского управления армянского города Нахичевани-на-Дону, по ряду известных причин возникшего на территории Российской империи.

Как известно, Городовое положение 1870 г. ликвидировало магистраты и ввело представительные органы городского управления – Городскую думу (законодательный орган) и Городскую управу (исполнительный орган). Именно на них отныне легло тяжелое бремя решения городских проблем. В этих условиях огромная ответственность за решение городских проблем персонально возлагалась на гласных Городской думы и членов управы, возглавляемых городским головой.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют воссоздать общую картину деятельности Нахичеванской Думы и Управы на этом поприще. Поистине революционные перемены, коренным образом изменившие облик города, произошли в 1870-1900 гг.

Все важнейшие преобразования были результатом энергичной и четкой деятельности городского управления. Первоначально намечаемые мероприятия рассматривались на заседаниях Городской думы, а уже затем постепенно претворялись в жизнь. Так, например, в 1893 г. на заседаниях Думы рассматривались вопросы, касающиеся проведения в городе электрического освещения, постройки зданий для городских начальных училищ, устройства террасы на месте снежных торговых рядов, учреждения адресного стола, покупки частных владений для городских нужд в целях урегулирования спорных вопросов относительно центральных районов города, строительства барака для заразных больных, учреждения в Нахичевани особого городского полицейского управления, устройства городских центральных боен, сооружения фильтра, осадочного колодца и резервуара для родниковой воды, дальнейшего замощения города, открытия памятника императрице Екатерине II и Александровской колонны, посадки деревьев на городских площадях, освещения окраинных улиц и линий

города¹. В следующем, 1894 г. Дума рассматривала такие важные для города вопросы, как сооружение здания для Управы и театрального зала, принятие на баланс города очистку улиц и тротуаров, учреждение в г. Нахичевани ярмарки и т.д. В 1895 г. в Думе рассматривались вопросы, связанные с учреждением городской аптеки, созданием среднего промышленно-технического училища, ограждением от присвоения городских пустопорожных земель, постройкой здания для городской библиотеки, со строительством центральной станции трех железных дорог на земле города и проведением ветки к Хлебной площади, открытием начального женского Ольгинского училища, введением в черту городского поселения местности между Ростовом и Нахичеванью и т.д. В 1896 г. Дума обсудила вопросы о сооружении обходного канала и гавани на левом берегу реки Дон, о постройке театра, об устройстве городской богадельни, об открытии мужского начального Георгиевского училища, об устройстве станции электрического освещения и т.д.² Уже этот список рассматриваемых вопросов свидетельствует о том, насколько широка и разнообразна была инициатива городского управления, в сфере внимания которой оказались вопросы внешнего благоустройства, экономической и культурной жизни города.

Но одно дело возбуждать вопросы на заседаниях Думы, другое – их практически решать.

Практическое решение вопросов городского благоустройства первоначально возлагалось на созданную в 1888 г. специальную комиссию по благоустройству, в состав которой вошли десять гласных: М. И. Балабанов, П. Е. Хатранов, А. Х. Хазизов, Е. Е. Когбетлиев, Н. С. Магдесиев, С. К. Хирджиев, С. А. Аджемов, А. Ф. Хадамов, С. Х. Арутюнов, А. И. Тер-Акопов. На первом заседании комиссии председательствующий М. И. Балабанов, не входя в суть дела, осветил те вопросы, которые требовали первостепенного разрешения. К ним он отнес мощение города «улучшенным способом», благоустройство набережной и очистку реки, улучшение освещения города, проведение городской канализации, строительство зданий для городской больницы, центральной бойни и скотоприемного двора, воздвижение колонны в Александровском саду в честь 25-летия царствования императора Александра II, застройку пустопорожных участков в городе, приобретение опустевших корпусов вокруг Собора с последующим их сломом и очисткой места, строительство здания городского театра, раздачу участков под дачи по Безьямной балке. Тщательно обсудив выдвинутые вопросы, комиссия признала наиболее актуальными строительство колонны в честь 25-летия царствования Александра II и сооружение пожарной каланчи над зданием главного резервуара³.

Что же было реально сделано из того, что намечалось городскими властями?

Серьезное внимание городские власти уделяли благоустройству улиц и площадей города, особенно их замощению. Последний вопрос представлялся особенно актуальным. Так, М. Сарьян, вспоминая свою немощеную улицу,

¹ Городское общественное управление в 1888-1897 гг. Доклад Нахичеванской-на-Дону Городской Управы, Нахичевань-на-Дону, 1897, с. 8.

² Там же, с. 10.

³ Государственный архив Ростовской области (далее: ГАРО), ф. 91, оп. 1, д. 881, л. 3-4.

писал: «весной при оттепели и осенью от дождей она превращалась в непролазное болото, в котором даже застревали фаэтоны с лошадьми. Люди, еле-еле пробиравшиеся вдоль заборов, теряли галоши. По всей улице жители клали доски, создавая мостки для переходов»¹.

Поскольку дорожное строительство требовало значительных затрат, постановлением Городской Думы от 26 марта 1876 г. было принято решение о создании Комитета по устройству мостовых и возложить на него обязанности по изысканию средств к постепенному замощению улиц и ремонту существующих мостовых. В 1876 г. Комитетом было принято решение об устройстве тротуаров перед частными домами за счет их владельцев. Но постановление по вопросу о замощении улиц, как следует из источников, распространялось и на общественные организации. Так, 6 апреля 1902 г. Нахичеванское духовное правление было привлечено мировым судьей 6-го участка к ответственности «за немощение асфальтом тротуара перед пустопорожным местом на Полицейской площади, принадлежавшем Армянскому духовному правлению»².

В 1890 г. на мощение и ремонт дорог в Нахичевани-на-Дону было из городского бюджета выделено 28.000 рублей. Помимо этого, были изысканы и дополнительные средства – деньги, вырученные от продажи земли под частные домовладения и дачи³.

27 мая 1884 г. Городской Управой был утвержден закон о взимании полукопеечного сбора от отпускаемых за границу товаров. Вырученные средства предназначались для ремонта портовых сооружений и мощения улиц, по которым в порт подвозились грузы. В 1899 г. за счет средств полукопеечного сбора в городскую казну поступило 42.410 рублей, в 1890 г. – 48.313 рублей, в 1891 г. – 38.057 рублей. Эти средства должны были пойти на обустройство городского порта, каменной набережной и наплавных мостов через реку Дон и его протоки. Составление технических проектов было поручено инженеру К. О. Гринбергу.

В мае 1890 г. начались работы по замощению спусков по 1-ой, 2-ой, 13-ой, 14-ой, 19-ой, 20-ой, 29-ой, 30-ой линиям, благоустройству набережной и замощению Соборной улицы, которая имела особое значение, т.к. к ней примыкали все линии, соединяющие Хлебную площадь с набережной города. К 1901 г. практически все улицы города были замощены. Исключение составили лишь 1-ая и 2-ая Степная, а также 1-ая и 2-ая Федоровские улицы. Для мощения улиц в городе использовался «темерницкий камень»⁴.

Местная газета «Донская пчела» напрямую связывала благоустройство улиц с заметным оживлением городской жизни и деятельности. С другой стороны, создание комфортных условий в городе приводило к притоку сюда переселенцев⁵.

Важным направлением деятельности городского управления было обеспечение освещения города. Первые сведения о городском освещении относятся к

¹ Сарьян М. С., Из моей жизни. Воспоминания, М., 1985, с. 30.

² ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 27, л. 8.

³ ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 498, л. 1.

⁴ Там же, л. 10.

⁵ «Донская пчела», 14 марта 1881 г., № 34.

1872г. Согласно отчетам Нахичеванской городской управы, в 1872 г. в городе было установлено 200 керосиновых фонарей, а к 1893 г. число этих фонарей уже возросло до 281. В том же 1893 г. Нахичеванская городская управа поставила вопрос об электрическом освещении центральных улиц и площадей города. Проект и расчет этого были произведены инженером К. Зигелем. В сентябре 1893 г. работы по устройству электрического освещения города были в основном завершены. Электрические фонари были установлены в центре перекрестков таким образом, что одновременно освещали и главные улицы, и перекрестки. Электрическим освещением были охвачены главные улицы Нахичевани-на-Дону: 1-ая и 2-ая Соборные, 1-ая и 2-ая Георгиевские, 1-ая и 2-ая Софиевские, такие важнейшие городские площади, как Полицейская, Бульварная, Екатерининская, Базарная, помещение Городского театра и Коммерческого клуба, а также прилегающий к нему парк. Устройство электрического освещения обошлось городской казне в 26.000 рублей.

В 1900 г. Городская управа после торгов заказала чугунолитейному заводу М. К. Дутикова отливку 50 одиннадцатипудовых чугунных фонарных столбов по цене 20 рублей каждый, обязав изготовить их к 1 июня 1900. 11 июля заказ был принят членом управы Л. А. Аладжаловым¹.

Электрическое освещение Нахичевани-на-Дону было организовано настолько образцово, что в Городскую думу поступали запросы из таких городов, как Астрахань, Аккерман, Бердянск, Кутаиси, Таганрог, Харьков с просьбой о консультациях по данному вопросу. Примечательно, что в соседнем Ростове электрическое освещение появилось тремя годами позже.

Город Нахичевань-на-Дону, возникший как торговый центр, нуждался в надежных коммуникациях по доставке товаров, в первую очередь – в мостах. Уже в 1851 г. нахичеванское общество впервые подняло вопрос о сооружении наплавного моста через Дон. Но тогда вопрос не был решен из-за различных бюрократических проволочек. Свое обращение городской голова Г. Г. Ходжаев мотивировал тем, что через Дон проходит огромное число грузов. В 1873 г. были объявлены торги на сооружение двух наплавных мостов, примерная сумма которых по смете составила 32.275 рублей². Первый наплавной мост был сооружен в городе в 1874 г. Он состоял из отдельных частей, называемых плотами. Но временный наплавной мост, естественно, не мог удовлетворить потребность в интенсивном движении по нему различных товаров. Кроме того, ежегодно весной за счет Городской управы сооружался временный мост через реку Темерник. Этот мост являлся единственной переправой, обеспечивающей торговые контакты местного населения с жителями Кубанской и Терской областей.

В 1892 г. было принято решение о проектировании понтонного моста. В ноябре 1895 г. строительные работы были завершены, и в 1899 г. мост был сдан в аренду Городской управой. Чуть раньше, в 1894 г., была построена городская набережная.

¹ ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 1021, л. 7.

² ГАРО, ф. 91, оп.1, д. 29, л. 37.

До 1880-х годов в Нахичевани-на-Дону не было собственной телефонной связи. В этом новшестве ростовчане обошли нахичеванцев: в 1886 г. городской голова А. М. Байков заключил контракт с Главным управлением почты и телеграфа об устройстве и эксплуатации телефонного сообщения в Ростове. 18 сентября 1886 г. Ростовская управа ходатайствовала перед Нахичеванской управой о разрешении установить телефонные столбы на улицах Нахичевани. В 1886 г. Нахичеванская управа дала на это согласие¹. Многие нахичеванцы изъявили желание установить в своих домах телефонную связь. Согласно документам Городской Управы, подобное желание изъявило 70 семей нахичеванцев. Эту услугу они оплачивали сами, а за телефоны, установленные в государственных учреждениях, управа платила в казну Ростовского общественного управления.

Вопрос о снабжении жителей водой является первостепенным для любого города. Не был он исключением и для Нахичевани-на-Дону. В 1879 г. на заседании Городской думы городской голова И. Аладжалов внес предложение о строительстве водопровода. 3 марта 1883 г. Городская управа опубликовала объявление, в котором приглашала желающих «принять на себя» устройство в Нахичевани городского водопровода». Первоначальный проект, разработка которого была поручена горному инженеру А. В. Конради, ввиду несоответствия его условиям города, потребовал внесения в него серьезных изменений и дополнений. Достаточно сказать, что первоначально предполагалось снабжать город как речной водой (для технических нужд), так и родниковой (для питья), однако от этой идеи по техническим причинам пришлось отказаться².

К техническим сложностям прибавились и финансовые. И здесь свою помощь городскому управлению предложил гласный, будущий городской голова М. И. Балабанов. В своей служебной записке, поданной в Думу, он пояснил, что «подобные сооружения не осуществляются наличными средствами города, но последние в связи с важностью предприятия, дают городу возможность находить средства посредством займа». В деле получения займа в сумме от 100 до 200 тысяч под 7% годовых сроком на 10 лет он предложил свои услуги³. Предполагаемый заём, по его мнению, мог быть обеспечен определенным количеством городской земли. Городская Дума нашла эти условия вполне приемлемыми и, таким образом, необходимые средства были найдены. Строительство водопровода завершилось в 1889 г. и обошлось городской казне в 20.000 рублей. Протяженность магистральных линий составила 26 верст. Водоразборные будки устанавливались на центральных площадях и перекрестках улиц и линий. Водопровод был проведен в такие общественные учреждения, как Городская больница, городская богадельня, Гогоевское училище, Духовная семинария, а также в ряд заводов и церквей. Некоторые зажиточные нахичеванцы провели водопровод и в свои дома.

Ещё одной важной проблемой городского управления было решение транспортных проблем. В 1878 г., выступая на заседании Думы, городской голова говорил о том, что «вопрос о путях сообщения по отношению к благосостоянию и

¹ ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 873, л. 1.

² ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 280, л. 7-8.

³ ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 280, л. 105.

благоустройству городов представляет первостепенную важность» и пришел к выводу, что существующие на данный момент средства передвижения как в самом городе, так и между Нахичеванью и Ростовом уже не отвечают насущным требованиям жителей обоих городов. Он предложил соорудить конно-железную дорогу от Нахичеванского Собора до станции Ростов Владикавказской железной дороги. С этим предложением он обратился к Ростовскому городскому голове, выразив уверенность, что его инициатива будет поддержана ростовчанами¹. 8 августа 1899 г. Городская управа подписала с Бельгийским акционерным обществом контракт на строительство Конно-железной дороги, которая была сооружена менее чем за год. Её торжественное открытие состоялось 9 мая 1890 г. Но очень скоро, в 1902 г., ей на смену пришел трамвай. Городская управа контролировала работу общественного транспорта, и в случае сбоев в её работе ответственность (в том числе и финансовая) возлагалась на Бельгийское акционерное общество².

Успехи, достигнутые в благоустройстве Нахичевани-на-Дону, свидетельствуют о продуктивной деятельности городского управления, подавляющее большинство руководства которого составляли крупные купцы и предприниматели. Эффективность деятельности городского управления напрямую зависела от наполняемости городской казны. Как известно, для этой цели существуют два способа: 1) простое увеличение налогов; 2) устройство доходных предприятий города. Первый способ – самый простой и легкий для городских властей, но невыгодный для простого обывателя. Второй – более сложный и хлопотный, но более выгодный как для горожан, так и для самого города, поскольку созданные предприятия не только удовлетворяют потребности жителей, но и отчисляют налоги в городскую казну.

Интересно привести некоторые цифры, касающиеся стоимости сооружений, реализованных с 1883 по 1897 гг.: мостовые и тротуары – 300 000 рублей, водопровод – 250.000 рублей, конно-железная дорога – 100.000 рублей, театр – 50.000 рублей, здание городской больницы – 50.000 рублей, здание женской гимназии – 75.000 рублей, электрическое освещение – 30.000 рублей, памятник Императрице Екатерине II и Александровская колонна – 13.000 рублей, здание пожарного депо – 6.000 рублей, здание начальных школ – 55 тыс. рублей, крытые рынки – 6.000 рублей, санитарный обоз – 5.000 рублей, бассейн на Полицейской площади – 4.000 рублей, различные постройки на базаре – 1000 рублей. Общая сумма, затраченная на благоустройство города за отчетный период, превысила 1 млн. рублей³.

Обычно люди селятся в городах, наиболее комфортных для проживания. По некоторым данным только за 8 лет – с 1889 по 1896 г. – население Нахичевани-на-Дону увеличилось с 20 до 30 тыс. человек. Едва ли эти 10 тысяч новых жителей, среди которых подавляющее большинство составляли русские, поселились бы в непригодном для проживания армянском городе. Все это как нельзя лучше

¹ ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 180, л. 2-3.

² ГАРО, ф. 91, оп. 1, д. 359, л. 1.

³ Городское общественное управление в 1888-1897 гг. Доклад Нахичеванской-на-Дону Городской Управы, Нахичевань-на-Дону, 1897, с. 27-28.

свидетельствует об успехах городского управления Нахичевани-на-Дону в деле благоустройства родного города и создании комфортных условий проживания для его жителей. Поэтому не случайно справедливое замечание автора статьи о Нахичевани в «Донско-Азовском календаре» о том, что «городское руководство сумело поставить внутренние дела города на завидную ступень совершенства и благополучия»¹.

**Մարգիս Կազարով – Քաղաքային կառավարման մարմինների գործունեությունը
Դոնի Նախիջևանի բարեկարգման ուղղությամբ
(XIX դարի երկրորդ կես – XX դարի սկիզբ)**

Հոդվածը նվիրված է Դոնի Նախիջևանի քաղաքային դումայի 1870-1990 թթ. գործունեության հիմնական ուղղությունների ուսումնասիրությանը: Որպես այդպիսին, հեղինակը դիտարկում է քաղաքի մայթերի վերանորոգումը, ջրատարի, էլեկտրականության անցկացումը, քաղաքային տրանսպորտի կարգավորումը, հեռախոսային կապի տեղադրումը, Դոն գետի վրա կամուրջների կառուցումը: Հատուկ ընդգծվում է քաղաքային վարչության Դումայի արդյունավետ և ստեղծագործ աշխատանքը նշված ժամանակահատվածում: Նշվում է նաև քաղաքային բյուջեի հմուտ բաշխումը, որը զարմանալի չէ, քանզի քաղաքի ղեկավարները փորձառու առևտրականներ ու ձեռնարկատերեր էին, և դա կարևոր նախապայման էր քաղաքի բարելավման միջոցառումների համար: Քաղաքային Դումայի գործունեությունը այնքան օրինակելի էր, որ նրա փորձը դարձել էր ուսումնասիրության առարկա Աստրախանի, Բերդյանսկի, Քութաիսիի, Տագանրոգի, Խարկովի և մի շարք այլ քաղաքների իշխանությունների համար: Բոլոր այդ միջոցառումները կարող էին նպաստել հետամնաց քաղաքից Դոնի Նախիջևանը դարձնելու Ռուսաստանի հարավի կարևորագույն կենտրոններից մեկը: Հարմարավետ պայմանների ստեղծումը նույնպես նպաստում էր Դոնի Նախիջևանի բնակչության աճին դիտարկվող ժամանակաշրջանում:

**Sargis Kazarov – The Activities of the Municipal Government on the Improvement of
Nakhichevan-on-Don (second half of XIX – beginning of XX centuries)**

The article is devoted to the study of the main directions of the activity of Nakhichevan-on-Don Municipal Duma. As such, the author considers the repair of city sidewalks, water-pipe installation, the supply of electricity, regulation of urban transportation, telephone line installation, construction of bridges on the river Don. The effective and creative work of the Municipal board – Duma in the given period is especially highlighted. The municipal budget allocation is also mentioned, which is not surprising as the city leaders were experienced traders and entrepreneurs, and it was an important prerequisite for the improvement measures. The activity of City Duma was so exemplary that its experience had become a subject of study for the authorities of astrakhan, Berdyansk, Kutaisi, Taganrog, Kharkov and other cities. All these measures could contribute to turning the underdeveloped city of Nakhichevan-on-Don one of the most important centres of southern Russia. The creation of favourable conditions also contributed to the increase of the population of Nakhichevan-on-Don in the mentioned period.

¹ Нахичевань-на-Дону, его прошлое и настоящее // Донско-Азовский календарь на 1887 год, Ростов-на-Дону, 1886, с. 126.

**АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ 1914 ГОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»)**

Ключевые слова – первая мировая война, международные отношения, армянский вопрос, полемика, донская пресса, Турецкая Армения, аннексия, автономия

С вступлением в ноябре 1914 г. Османской империи в Первую мировую войну на страницах донской прессы стал широко обсуждаться вопрос о будущем Западной Армении. Газета «Приазовский край» сообщала о лекциях, организованных армянскими общественными деятелями, помещала на своих страницах материалы дискуссии и отдельные статьи по Армянскому вопросу, информировала читателей об организации помощи армянским беженцам, постоянно прибывающим в Ростов осенью 1914 г. В центре обсуждения был вопрос об автономии или аннексии Западной Армении. Многие армянские общественные деятели выступали за автономию армянской области в составе Турции, но под протекторатом России. В декабре 1914 г. «Приазовский край» сообщал о лекции А. К. Дживелегова, прочитанной в Ростове-на-Дону по этому вопросу. В газете за 10 декабря 1914 г. было изложено содержание лекции¹.

Лектор дал краткий обзор главных этапов рассмотрения Армянского вопроса от его возникновения во второй половине XIX века, когда он был включен в круг международной политики. Он отметил, что вопрос об автономии Армении выдвигался не впервые. Принятый Турцией проект 26 января 1914 г., хоть и негласно, все-таки обеспечивал Армении автономию.

А. К. Дживелегов выражал уверенность в том, что, поскольку после войны влияние Германии аннулируется (а в ее поражении он не сомневался), то вопрос об автономии Армении будет поставлен и всесторонне рассмотрен. По его мнению, в территорию автономной Армении будут входить восемь вилайетов и часть девятого, который включает в себя области т.н. Великой и Малой Армений. Таким образом, автономная Армения должна будет состоять из вилайетов Ванского, Битлиского, Эрзерумского, Харбердского, Диарбекирского, Сивазского, Трапезундского, Аданского и северной части Алепского вилайета с выходом к Средиземному морю через Александретту и к Черному морю – через Трапезунд. Крайние части этих областей, где не было армянского населения, должны быть отрезаны.

Если принять во внимание, что общая численность населения указанных областей составляла 5215815 человек, из которых 2 миллиона составляли армяне,

¹ «Приазовский край», 10 декабря 1914 г., № 323, с. 3.

то с исключением отрезков, на территории автономной Армении должно было остаться 4,5 миллиона человек¹. Не говоря уже о том, что в Ванском округе армяне составляли 50 процентов населения, необходимо учесть ряд факторов которые будут действовать после установления автономии, таких как эмиграция мусульман, иммиграция армян, возвращение из мусульманства в христианство насильственно обращенных армян. С учетом этих обстоятельств, по мнению А. К. Дживилегова, армяне, составляя подавляющее большинство по отношению к каждому отдельному элементу населения края, вполне смогут справиться со своей политической изолированностью.

В качестве прецедента для своих утверждений Алексей Карпович остановил внимание на заключенном в 1829 г. в Адрианополе договоре, касающемся Молдавии и Валахии. Эти княжества признавали сюзеренитет Турции, но он выражался лишь в платеже дани, во всем остальном Турция не имела права вмешиваться во внутренние дела княжеств. А. К. Дживилегов находил возможным применение этих же норм в автономной Армении. Сюзеренитет Турции должен выражаться в платеже армянами дани, а протекторат России будет гарантировать армянам невмешательство Турции в их внутренние дела. Во главе края будет стоять генерал-губернатор христианского происхождения, причем он будет предлагаться Россией и утверждаться Турцией. При генерал-губернаторе должны быть учреждены центральное правительство и законодательное собрание, избранное народом. Число депутатов-армян и мусульман должно устанавливаться согласно количественному соотношению населения по отдельным вилайетам. Местное самоуправление должно быть построено на исторических основах: из турецкой административной практики может быть сохранено все то, что не противоречит историческим традициям армянского социума.

Для культурных нужд должна существовать областная казна. Воинская же повинность будет отбываться армянами лишь в пределах автономии. В том, что армяне сумеют справиться со своей будущей культурной ролью, Алексей Карпович не сомневался: «тому служит порукой их многовековая история»².

Другой вопрос состоял в том, могут ли армяне рассчитывать на автономию? А. К. Дживилегов считал, что Англия поддержит идею автономии, т.к. Армения может стать буфером и не допустить, таким образом, соприкосновения границ территорий, входящих в сферу государственных интересов Англии, с границами Российской империи. Он был уверен, что война создала условия для радикального решения всех вопросов, которые определяют будущее Западной Армении, и то, о чем в протоколе 26 января 1914 г. приходилось говорить в замаскированной форме, будет сказано открыто. Следующий, 1915 год показал, как сильно он ошибался.

В следующем 324 номере газеты «Приазовский край» была помещена статья П. Н. Милюкова «Судьба Турецкой Армении»³. Полемизируя с А. К. Дживилеговым, Милюков писал, что выдвигая идею автономной Армении, Дживилегов исходит из двух «твердых предположений»: первое, что Турция должна будет от-

¹ Там же.

² Там же.

³ «Приазовский край», 11 декабря 1914 г., № 324, с. 2.

даться на милость победителей; второе, что по соображениям высшего дипломатического порядка, державы-победительницы признают лучшим исходом не раздел, а сохранение Османской империи в ослабленном виде, дабы в будущем Восточный вопрос «не мог мутить международных отношений»¹. Тогда на территории Турции могут быть образованы три новые автономные области: Аравия с Месопотамией, Сирия и Армения. Первая будет находиться под протекторатом Англии, вторая – Франции, третья – России. В свою очередь П. Н. Милюков полагал, что «конец международным затруднениям может положить лишь возвращение Турции в ее этнографические границы, т.е. сохранение за ней лишь той части Малой Азии, в которой турецкое население является, безусловно, преобладающим»². Предложенный А. К. Дживелеговым вариант автономии, по его мнению, делал бы положение обоюдно неустойчивым как с точки зрения Турции, так и с позиции России, что неизбежно вызвало бы дальнейшую эволюцию в ту или иную сторону: «Одно из двух: или сюзеренитет Турции над автономной Арменией будет чисто номинальный, и тогда это, в сущности, приведет к тому же разделу Турции. Или же Турция сохранит действительную власть, и тогда это будет продолжением вековых притязаний и вековой борьбы за свободу»³. Таким образом, автономия создаст двусмысленное положение, которое само по себе может стать причиной всяких смут и интриг. В интересах же прочного мира положение должно быть ясным и устойчивым. Что же касается отношения западных держав к турецкому наследству, то Милюков выражал сомнение, что они согласились бы ограничить свои права на это наследство только для того, чтобы были ограничены права России. Политически более верным решением для России он считал аннексию Армении, т.к. «если Армения будет конституироваться в своих этнографических границах, со стороны Европы не будет возражений против аннексии ее Россией»⁴. Иной вариант решения армянского вопроса Милюков считал невыгодным для России.

Милюков критиковал также позицию А. К. Дживелегова по вопросу о территории автономной Армении. В частности, Павел Николаевич выступал против идеи присоединения Киликии к Северной Армении. А. К. Дживелегов, напротив, утверждал, что «Киликия неразрывно связана с Северной Арменией. В течение всей своей истории Армения тянулась к Средиземному морю и, б.м., погибла оттого, что поздно до него дотянулась. Отделить одну от другой было бы и несправедливо по отношению к армянам, и не нужно с точки зрения интересов России»⁵. Если Англия получит после войны Багдадскую железную дорогу и, таким образом, «в руках англичан соединятся пути, смыкающие наш персидский рынок со Средиземным морем, то нам придется сказать своему персидскому рынку окончательное «прости»⁶.

Если же Киликия войдет в состав автономной Армении, то даже завладение Англией Багдадской дорогой не будет нести такой опасности русским экономи-

¹ Там же, с. 2.

² Там же, с. 2.

³ там же, с. 2.

⁴ «Приазовский край», 11 декабря 1914 г., № 324, с. 2.

⁵ «Приазовский край», 10 декабря 1914 г., № 323, с. 3.

⁶ Там же, с. 3.

ческим интересам, если господами Киликии будут армяне. Россия же будет иметь права наиболее благоприятствующей державы. А железная дорога, соединяющая Персию со Средиземным морем, проходящая через административную территорию и примыкающая к сети, ведущей внутрь России, только будет улучшать экономические перспективы России в Персии. Таким образом, Алексей Карпович полагал, что выход к Средиземному морю будет для России большим преимуществом, особенно если «проливы не окажутся в наших руках»¹.

Милюков же, напротив, считал, что такой сценарий приведет к обострению международных отношений и ухудшит экономические перспективы России, которые он связывал прежде всего с борьбой за черноморские проливы. Поэтому и в торговом, и в военном отношении выгоднее была бы аннексия Армении Россией с некоторой полосой Черного моря, как моря русского. Сама мысль о возможности ограничиться вместо проливов Александреттой казалась ему недопустимой: «Подчинение нашему протекторату Александретты во всех отношениях грозит вывести нас из установившегося равновесия. На Черном море и в проливах мы еще остаемся хозяевами своих решений в вопросах самообороны... В Александретте мы будем вынуждены считаться если не с океанскими, то со средиземноморскими масштабами, и задачи нашей самообороны станут значительно более сложными... Александретта в наших руках останется наиболее уязвимым пунктом, который может не усилить нас, а только ослабить»². Государственному риску, по мнению Милюкова, соответствует такой же риск в области торгово-промышленных отношений.

П. Н. Милюков склоняется к идее аннексии, подчеркивая, что только полное освобождение от турецкой зависимости соответствует заветному желанию армян – объединению двух частей армянского народа под одной государственной кровлей. При этом он считает, что «условия международного положения, благоприятные для такого решения, создаются редко, а повторяются еще реже. Раз эти условия имеются налицо, ими необходимо воспользоваться для решения наиболее трудной из национальных задач – национального объединения»³.

Приведенные материалы полемики П. Н. Милюкова с А. К. Дживелеговым по Армянскому вопросу на страницах газеты «Приазовский край» позволяют сделать вывод о том, что еще до катастрофы 1915 г. проблема будущего устройства Западной Армении вызывала пристальное внимание историков и политических деятелей в России. В ходе полемики П. Н. Милюкова с А. К. Дживелеговым выявились возможные варианты ее решения. Первый вариант предполагал создание автономной Армении под формальным протекторатом Турции. Второй предусматривал аннексию оккупированной Турцией части Армении Россией. А. К. Дживелегов склонялся к первому, а П. Н. Милюков – ко второму варианту. Оба историка понимали, что возможная реализация любого варианта столкнется с трудностями международного характера, ибо в этом регионе переплетались интересы многих стран, но считали эти трудности преодолимыми.

¹ Там же.

² «Приазовский край», 11 декабря 1914 г., № 324, с. 2.

³ Там же, с. 2.

**Նինա Կազարովա – Հայկական հարցը 1914 թ. մամուլում
(«Պրիազովսկի կրայ» թերթի նյութերի հիման վրա)**

Հոդվածում վերլուծության է ենթարկվում Հայկական հարցի վերաբերյալ անվանի պատմաբաններ և հասարակական գործիչներ Ա. Կ. Ջիվելեգովի և Պ. Ն. Միլյուկովի բանավեճը, որը ծավալվել է 1914 թ. աշնանը «Պրիազովսկի կրայ» թերթի էջերում: Նրանց բանավեճի նյութերը թույլ են տալիս եզրակացնել, որ դեռևս մինչև 1915 թ. արհավիրքը Արևմտյան Հայաստանի ապագա կառուցվածքը գտնվում էր ռուս պատմաբանների և քաղաքական գործիչների ուշադրության կենտրոնում: Այս մտավորականների բանավեճի ընթացքում բացահայտվել են այդ հարցի լուծման հնարավոր ուղիները: Առաջին տարբերակը նախատեսում էր ինքնավար Հայաստանի ստեղծումը թուրքական ձևական բնույթ կրող պրոտեկտորատի ներքո: Երկրորդը նախատեսում էր Արևմտյան Հայաստանի բռնակցումը Ռուսաստանի կողմից: Ջիվելեգովը հակված էր առաջին տարբերակին, իսկ Միլյուկովը՝ երկրորդին: Երկուսն էլ գիտակցում էին, որ ցանկացած տարբերակի հնարավոր լուծումը կհանգեցնի միջազգային խնդիրների, քանզի այդ տարածաշրջանում խաչվում էին տարբեր երկրների շահերը:

Nina Kazarova – *The Armenian Question in the Press of 1914 (according to the materials of the newspaper “Priazovski Krai” (“Azov Region”)*

The article analyzes the debate of renowned historians and public figures A. K. Jivelegov and P. N. Milyukov on the Armenian issue, which took place in the autumn of 1914 in pages of the newspaper “Priazovski Krai”. The materials of their debate allow us to conclude that even before the disaster of 1915, the future structure of Western Armenia was in the focus of Russian historians and politicians. During the debate of these intellectuals, the possible ways of solving this issue, were revealed. The first option anticipated the creation of autonomous Armenia under the Turkish protectorate of the formal nature. The second anticipated the annexation of Western Armenia by Russia. Jivelegov was inclined to the first version and Milyukov – to the second. They were both aware that the solution of any option would lead to international problems as the interests of different countries overlapped in that region.

ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО ДОНСКИХ АРМЯН: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Ключевые слова – этносоциальная общность, сообщество, крымские армяне, донские армяне, субобщность, периодизация, становление и трансформация общности донских армян, миграционные процессы на Юге России, армянская миграция, адаптация мигрантов, «Нахичеванская-на-Дону армянская община», этносоциальное сообщество, субобщность армян Ростовской области

За последние двадцать лет в ряде современных исторических исследований, историко-этнографических очерках, научных статьях и публикациях В. З. Акопяна, Т. Н. Абрамовой, В. Б. Бархударяна М. Г. Багдыкова, Г. М. Багдыкова, В. Г. Варганяна, С. С. Казарова, Н. В. Курасовой, А. Г. Малхасяна, М. Г. Нигохосова Б. Т. Ованесова, В. Н. Сидорова, В. В. Смирнова, С. М. Саядова, А. Е. Тер-Саркисянца, Р. Г. Тикиджьяна и других авторов были намечены новые подходы и даны оценки по дальнейшему изучению истории армян Юга России и Ростовской области¹.

Характеризуя историографию донской армянской колонии, следует также особо отметить, что специальных обобщающих научных исследований по этнокультурной истории донских армян весьма недостаточно. По-прежнему важным источником остаётся уникальная работа Е. Шахазиза «Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб-Хач Нового Нахичевана» (Тифлис, 1903; русский перевод был опубликован в 2005 г.). Гораздо больше работ и публикаций в последнее время было посвящено изучению роли и значению Армянской церкви, системе образовательных учреждений, деятельности купцов и предпринимателей, духовных и культурных лидеров армян Дона, в том числе и И. Аргутинского-Долгорукова. Историко-культурная проблематика, присутствующая в общих работах, как правило, хронологически завершается периодом до 1917 года. Практически мало изученными остались вопросы сохранения этнокультур-

¹ «Армяне», отв. ред. Л. М. Варданян, М., 2012; Бархударян В. Б., История Армянской колонии Новая Нахичивань (1779-1917 гг.), Ереван, 1996; Смирнов В. В., Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории: Время и люди, Ростов н/Д, 2010; Сидоров Н. В., Энциклопедия истории старого Ростова и Нахичевани-на-Дону, Ростов н/Д, 1993-1995; Тер-Саркисянц А. Е., Худавердян В. Ц., Армянская диаспора Юга России. Положение и перспективы, М., 1993; Багдыков М. Г., От Весёлых корней, Ростов н/Д, 2000; Казаров С. С. Армянский этнос на Дону // Донская история в вопросах и ответах, Ростов н/Д, 1997; Казаров С. С., Варганян Э. Г., История Армянской Апостольской церкви на Дону (18-20 вв.), Таганрог, 2001; Никагосов Н. Н., Предпринимательская деятельность донских армян на Юге России в к. 18 - н. 20 вв., Ростов н/Д, 2006; «Донская Армения», авт. сост. Н.В. Курасова, Н.В. Старцева, Ростов н/Д, 2006; Малхасян А. Г., Страницы истории анийских, крымских и донских армян, Ростов н/Д, 2010; Тикиджьян Р. Г., История и культура народов Донского края и казачества, Ростов н/Д, 2010, с. 304-348; Саядов С. М., Электронная энциклопедия фонда «Хайазг». Электронный ресурс: <http://ru.hayazg.info/> и др.

ной идентичности, менталитета и культуры, быта и нравов, народного фольклора донских армян, соотношения «крымского периода» этнокультурного наследия и вновь приобретённых элементов доской субкультуры. Интересны проблемы развития ассимиляционных процессов в среде армянского населения в период модернизаций и урбанизации территорий Дона и Приазовья в конце XIX-XX вв., миграционные процессы, этносоциальные трансформации в советский и постсоветский период истории.

В российской исторической науке проблема определения периодизации, характеристики основных этапов, критериев становления и эволюции уникального в своём роде, крупнейшего на Юге России армянского донского этносоциального и культурного локального сообщества, не обсуждалась до 2005 г. На последних научных конференциях, прошедших в Ростове и Армавире в 2005-2012 гг. при поддержке Северо-Кавказского научного центра высшей школы и ЮНЦ (Южного научного центра) РАН, активном участии представителей научной элиты Республики Армения, обобщена большая работа исследователей по изучению сообществ армян Юга России. После дискуссий в конференциях в 2010-2012 г., в целом, была поддержана периодизация, предложенная историками С. С. Казаровым и Р. Г. Тикиджьяном¹.

В последние годы стараниями политологов, социологов и этнологов-кавказоведов М. А. Аствацатуровой, Ю. Г. Волкова, Г. С. Денисовой, Н. В. Черноуса, А. А. Хастян активизировался научный интерес к более глубокому и комплексному изучению современной «постсоветской» политической, социальной и этнокультурной истории армян Юга России, в т.ч. донских армян, связанной с кризисом и распадом СССР, новой геополитической ситуацией на постсоветском пространстве, в Закавказье, а также с ролью России и Армении в этих процессах. Данные проблемы в последнее время стали изучаться на качественно новом уровне.

Культура и её квинтэссенция – менталитет нации, – выступает как система доминантных ценностей, образующих сознание, поведение и мотивацию личности. В национальном самосознании армян – Россия выступает как своеобразная «самообразующая ценность» их национального менталитета. Для них Россия и Дон – это духовно-культурное пространство во всех исторических проявлениях – в литературе, языке, архитектуре, в быту, обрядах.

Донские армяне в конце XVIII – первой половине XX вв. составляли более или менее однородную локальную группу, сохранявшую исторические и культурные традиции, характерные как для всего армянского этноса, так и для сложившейся за почти 400 лет проживания в татарско-турецком Крыму – особой крымской субкультуры. Донские армяне, в основе своей, как выходцы из Крыма говорили на особом нахичеванском диалекте армянского языка, который отли-

¹ Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Сб. науч. статей, Ростов н/Д, 2008; Деятельность И. Аргутинского-Долгорукого в контексте геополитики России на Кавказе. Материалы Межрегиональной конференции // Известия Ростовского областного музея краеведения, вып. 16, Ростов н/Д, 2010, с. 3-80; Армяне юга России: история, культура, общее будущее: матер. Всеросс. науч. конф. (30 мая-2 июня 2012 г.). Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов, Ростов н/Д, 2012; Тикиджьян Р. Г. Историческое регионоведение. Донская этносоциальная мозаика, под ред. В.П. Водолацкого, Ростов н/Д, 2010, с. 304–348.

чается от армянского литературного языка. Сказалась длительная оторванность от родины, а также влияние соседних народов – русских, татар, черкесов. Важной особенностью донских армян, на длительном промежутке времени до середины XX века, была их этнокорпоративная замкнутость. Они сумели сохранить свою национальную культуру и традиции в новой исторической обстановке, даже в сложнейший Советский период истории. По своему основному содержанию эта культура вышла за узкие рамки колонии и получила общеармянское и общерусское звучание. Важнейшим фактором и стимулом здесь стало развитие армяно-русского двуязычия, при устойчивом сохранении в качестве родного – армянского языка, в особой форме диалекта – его западноармянского варианта. Важными системными признаками сохранившейся самоидентификации оставались знания и соблюдение обычаев и обрядов, фольклора, семейных и общинных традиций. В то же время многонациональное русско-украинско-казачье окружение бесспорно сказалось на приобретении за более чем 200 лет новых элементов локальной этнической субкультуры, что отразилось в жилище, одежде, питании, некоторых обрядах. В едином этносоциальном сообществе армян Дона уже на рубеже XX века, в связи с активным процессом интеграции городов Ростова и Нахичевани, чётко проявляется наличие двух субкультурных социальных групп: горожан-нахичеванцев (умеренных цивилистов) и сельских жителей армянской округи (консервативных традиционалистов), при этом их духовно объединяла группа армянской интеллигенции. Эта тенденция будет действовать на протяжении всего XX века. Так, слияние Ростова и Нахичевани в 1928 г. и образование компактного армянского национального Мясниковского района в итоге всё же послужили этнокультурной консолидации армян Дона, сохранению их самоидентификации вплоть до настоящего времени.

На всем протяжении существования Нахичевани проблемы образования и просвещения всегда стояли очень остро, несмотря на то, что всегда находились в центре внимания руководства и духовных лидеров колонии. Уже в 1790 г. армяне создали и запустили первую в Приазовье типографию. Значительную роль в повышении духовного и культурного уровня нахичеванцев играла и Армянская церковь, и прогрессивная образовательная система, и собственная периодическая печать, в частности, такие периодические издания, как «Нор кянк», «Мер дзайн», «Луйс», «Грич», «Гахут» и др. Газеты освещали внутреннюю жизнь колонии, откликались на все важнейшие события в самой Армении и в мире. Даже в советский период армяне добились издания газет со специальным вкладышем на армянском языке («Коммунар» в 1930-е годы, «Заря коммунизма» в 1960-1970-е годы), где обсуждались и проблемы культуры. В ходе начавшейся с конца 1980-х годов перестройки и модернизации, а также в период кризиса и последующего распада СССР начался активный прирост армянского населения за счёт нескольких новых волн миграций. «Новоармянская диаспора» Юга России и Ростовской области имеет свои особенности: в основном это мигранты из Грузии и Азербайджана, лишь отчасти из Армении и других областей, и к ним особое отношение в среде донских армян и жителей Ростовской области.

Анализ современной научной и научно-популярной литературы даёт возможность определить основные периоды становления, развития и трансформаций этносоциального сообщества (субобщности) «донских армян» за последние 230 лет.

Историки определили, что отдельным и весьма длительным самостоятельным этапом развития сообщества бывших «анийских армян» была их жизнь в Поволжье, в Ак Сарае, а затем переселение в Крым в XIV веке. Крымская колония (более 25 городов и сёл) имела свои особые этнокультурные традиции, сложившиеся более чем за 400 лет существования. Они впоследствии отчётливо и долго ещё отражались на жизни первых поколений переселенцев армян донской Ново-Нахичеванской колонии.

Все же, на наш взгляд, начальным этапом формирования особого «донского армянского этносоциального сообщества» в Приазовье и на Нижнем Дону, нужно считать непосредственный процесс выселения их из Крыма и переселение в Приазовье, осуществленное при Екатерине II в период русско-турецких войн и после их завершения в 1778-1780 гг.

Историками установлено, что под непосредственным командованием генерала А. В. Суворова спецподразделениями донских казаков подготовлено и проведено переселение 12.695 человек, ранее проживавших в 15-16 городах и сёлах Крыма. Переход оказался сложным, земли в Екатеринославской губернии не устроили колонистов, «смертоносная зимовка», болезни и очередное переселение в Приазовье унесли по разным подсчётам около 3 тысяч жизней (в том числе стариков, женщин и детей).

В 15-20 верстах от Ростовской крепости, на равнине, расположенной между притоками Дона, в течении 1779-1781 гг. основывается город Новый Нахичеван и 5 армянских селений: Чалтырь, Топты (Крым), Мец-Сала (Большие Салы), Покр-Сала (Малые Салы) и Несвитай. Чуть позднее, в 1785 г. возникло и шестое поселение – Екатериновка, вблизи речки Самбек. На их основе позднее сложилась отдельная земледельческая «армянская округа», по образу «армянской горки», имевшая свою особую специфику развития.

Анализ различных источников и имеющаяся историография по данной теме позволяет, на наш взгляд, определить наличие четырёх основных периодов становления армянской колонии в Приазовье, в ходе которых идут процессы адаптации и трансформации крымских армян в обновлённое сообщество «донских армян» с конца XVIII до начала XXI вв.

Первый период охватывает время с 1779 по 1865 гг. – переселение, основание и развитие колонии города Нахичевань и армянской сельской округи из 5 поселений. С 1780 по 1811 гг. в городе была воссоздана национальная модель самоуправления – Магистрат с судом и полицией. Избирается Городской голова сроком на 3 года. Позднее, в 1795 г., в соответствии с российским законодательством был разработан и национальный Устав по выборам «городского парламента» – Нахичеванской Думы (из 24 попечителей избравшихся на 3 года). Опираясь на национальное самоуправление и религиозные, культурные традиции, используя дарованные права и привилегии, связи с армянами зарубежья, город Нахичевань в 1820-1850-е гг. развивался весьма успешно как экономически, так и культурно и превратился в полноценный процветающий и весьма колоритный город Юга России. В это время он по всем показателям развития явно опережает портовые города Таганрог, Мариуполь, Одессу, не говоря уже о Ростове, который только в 1836-1840 гг., потеряв статус крепости, начинает своё гражданское и экономическое обновление.

Второй период хронологически достаточно чётко определяется с начала 1860 г. по 1917-1920 гг. Это этап весьма активной иммиграции иногороднего неармянского, российского населения в Ростов и Нахичевань, в том числе и на земли донской армянской колонии. Первый этап – с 1861-1865 по 1874-1888 гг. – определялся непосредственным проведением государственных либеральных реформ, практической ликвидацией армянской автономии, ограничением и фактической отменой привилегий армянской и других донских колоний, усилением капиталистической конкуренции, началом экономической и культурной интеграции и унификации Ростова и Нахичевани-на-Дону. Этот период стал критической точкой для перспектив последующего сохранения самобытности этнического и социокультурного статуса армянской общности (в отличие от донских казаков). Так, с 1864 по 1875 гг., жизнь и деятельность колонии донских армян была унифицирована по общероссийской схеме реформ: проведена отмена большей части налоговых льгот, особенностей суда и местного самоуправления, полиция переведена в Ростов, отменено освобождение от воинской службы и др. На уровне высшей госбюрократии неоднократно обсуждался и вопрос о возможности слияния в один город Ростова и Нахичевани, периодически инициировавшийся ростовской торгово-промышленной элитой и городским головой А. Байковым. Второй этап, с 1885 по 1914 гг., связан с активным железнодорожным строительством (в обход Нахичевани) и последствиями важной административно-территориальной реформы, предусматривающей присоединение уездов и городов Приазовья, в том числе и Нахичевани с ее округой, к казачьей Области Войска Донского. Завершается этот период получением Ростовом-на-Дону значимого статуса Градоначальства, в которое в 1904 г были включены и Нахичевань с сельской округой. В новых условиях непросто выстраивались отношения с донским войсковым Наказным атаманом и казачьим правительством Новочеркасска в составе созданного Ростовского округа. Постепенно завершался объективно обозначившийся в период интенсивной капиталистической модернизации процесс слияния, экономической и отчасти культурной интеграции Нахичевани и Ростова-на-Дону. Однако нахичеванцам пока удавалось сохранять определённую самостоятельность и самобытность, особенно в быту, семейно-брачных отношениях. Резко изменился культурный уровень населения, из города, где люди ходили в традиционных восточных одеждах, он превратился в европеизированный южнороссийский город, в котором пока ещё сохранялся и этнический колорит Юго-Востока, и неповторимая национальная самобытность. При этом светские нахичеванские салоны и магазины уже мало чем отличались от таковых в Петербурге, Москве или Ростове-на-Дону. Всё менее заметными становились отличия этих городов друг от друга и в одежде людей, их населяющих, и в архитектуре. Однако в сельском армянском округе эти процессы шли гораздо медленнее, сохраняя основы этнической и культурной архетипичной самобытности населения «армянской горки».

Весьма значимым и переломным для судеб армянского донского сообщества, по мнению исследователей, является третий этап – с 1914 по 1921 гг. Он связан с активной деятельностью вновь созданного Ростовского градоначальства, участием России в Первой мировой войне и геноцидом армян в Западной Армении, роли армянского населения в революции и гражданской войне на Дону и их последствиями. Начавшийся накануне и продолженный уже

в условиях Первой мировой войны геноцид, осуществляемый официальными турецкими властями, привел к массовому исходу армянского населения с родных земель Западной Армении. В этом контексте Имперским правительством, а затем и Временным правительством России рассматривалась идея и план создания Ефратского казачьего войска (из состава казаков Юга России) для защиты приграничных с Турцией территорий, в т.ч. и армянского населения. Одним из направлений исхода беженцев стал Юг России и населенный армянами Нахичевань-на-Дону с прилегающими к нему армянскими селами. Так, 25 января 1915 г. в Нахичевани было зарегистрировано уже 137 семей армян-беженцев (всего 495 человек), а в дальнейшем поток беженцев все более нарастал. Спасаясь, беженцы бросали все нажитое ими в течение всей своей жизни имущество и прибывали в Россию, на Дон практически ни с чем. В этих условиях перед Магистратом и местной армянской общиной встала сложная задача приема, размещения, трудоустройства, обеспечения продовольствием и одеждой прибывающих беженцев. В октябре 1914 г. создается «Нахичевано-Ростовский-на-Дону Армянский Комитет» - благотворительная организация, главным направлением деятельности которого стал сбор средств и оказание материальной помощи беженцам, снаряжение добровольцев на войну и др. Под эгидой этого Комитета работал и местный «Комитет о беженцах-армянах», которому только с октября 1914 по сентябрь 1915 г. Армянским Комитетом было передано 3000 рублей. Таким образом, прибывшие на Дон беженцы-армяне находили у своих соотечественников самый теплый прием, значительно пополнив и без того одно из самых крупных армянских этнических образований на российской и донской земле.

События развернувшейся революции и гражданской войны 1917-1920 гг. определяются общими тенденциями кризиса и раскола как в российском, так и в донском и армянском сообществе, колебания между двумя лагерями революции и контрреволюции, частичного исхода торгово-предпринимательской элиты в эмиграцию, сокращения армянского населения Дона (по подсчётам, почти на 1/3).

Третий период определяется хронологическими рамками истории Советского государства и общества, с 1920 г. по 1991 гг. Именно в этот период уже постепенно, но неуклонно реализуется тенденция к интеграции и унификации Ростова и Нахичевани, гораздо быстрее идёт «размывание» этносоциальной общности донских армян. Эти процессы нарастали в рамках общей стратегии Советского государства-партии, в контексте коммунизации межнациональных отношений и новых моделей территориального администрирования в регионе Дона и Северо-Кавказского края в целом, унификации и формирования в 1970-1980 гг. единой общности «советских людей». Объединение Ростова и Нахичевани в 1928 г., создание Пролетарского района Ростова, конечно активизировало стирание граней и ассимиляцию в среде городского армянского населения. Однако в 1926-1928 гг. всё же было принято важное решение восстановить «Армянский национальный сельский округ», т.н. Мясниковский район с центром в с. Чалтырь. Это давало возможность сохранить основу этнической идентичности армянского населения. Ещё одним важным достижением стало создание и организация работы в 1972 г. «Музея Русско-армянской дружбы» в спасённом и отреставрированном монастыре Сурб-Хач (в новом Северном районе Ростова),

позднее – этнографических музеев в с. Чалтырь и Б. Салы, что позволяло сохранять основы уникальной этнической культуры донских армян не только на семейном уровне.

В период перестройки М. С. Горбачёва, распада СССР и формирования структур нового Российского государства вновь были существенно задействованы как внешние, так и внутренние факторы, повлиявшие на трансформацию армянских общин и населения Юга России и Ростовской области. Демократизация и гласность способствовали подъёму национального и этнического самосознания, всколыхнули этносоциальные сообщества и их субэлиты. Возникло движение за возрождение российского и донского казачества, практически одновременно заявили о своём национальном и культурном возрождении донские армяне, немцы, евреи, татары. Начался процесс этнической консолидации и создания обновлённых, полноценных общественных и культурных организаций, в том числе «Ново-Нахичеванской-на Дону армянской общины» в 1988-1989 гг. Буквально за несколько лет интенсивной работы с властями области и армянским населением община смогла поставить и разрешить множество важных вопросов, в том числе и возвращение к обязательному преподаванию армянского языка в школах, открытие на базе школы № 14 традиционной армянской гимназии (спецклассы) и др.

Поднявшаяся одновременно мутная волна национализма в республиках СССР в период кризиса перестройки привела к Сумгаитской трагедии 1988 г., к страшным бакинским погромам и сложнейшему конфликту вокруг Нагорного Карабаха, а в новой Российской Федерации – к Чеченскому конфликту на Кавказе, тесно связанному в т.ч. и с проблемами Закавказья. Эта ситуация, по мнению политологов и социологов, объективно привела к целому ряду очередных волн миграции и переселения армян на Юг России и Дон.

Современный четвёртый период хронологически определяется с 1991 г. по настоящее время и связан с процессами политической модернизации Российского и Армянского государства и общества. Благодаря новейшим исследованиям историков, политологов и этносоциологов возможно выделить здесь ряд этапов:

В первый этап (с 1989-1991 по 2000 гг.) можно включить кризис и распад СССР, новые «волны» процесса миграции и активное пополнение армянских общин Юга России до создания федеральных округов и Южного федерального округа. Укрепление стратегического сотрудничества с Арменией непосредственно через «народную дипломатию» и на региональном уровне субъектов федерации (Ростовской области и Республики Армения с 1996), «Северо-Кавказской Ассоциации социально-экономического сотрудничества», ВКО «Всевеликое войско донское» и других.

Второй этап обозначился с приходом к власти Президента РФ В. В. Путина, с обозначения новых подходов к политике на Северном Кавказе и в Закавказье и формирования структур Южного федерального и Северо-Кавказского округов, т.е. с 2000г. по настоящее время. Уже с середины 1990-х годов в Ростове-на-Дону было открыто официальное представительство, а позднее и Генеральное консульство Республики Армения в Ростовской области и в Южном Федеральном округе во главе с А. Гомцяном. За это время налажены теснейшие экономические, культурные связи и контакты между руководством Армении, Ростовской

области и ЮФО (Южного Федерального округа), идёт постоянный обмен делегациями на всех уровнях. Совместная подготовка и проведение крупных мероприятий, праздников, выставок и научных форумов и конференций с участием первых лиц России, Армении и Ростовской области стала доброй традицией и её следует всячески поддерживать и продолжать.

В этот исторически сложный переходный период Россия, в особенности Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края, вновь стали для беженцев и переселенцев-армян фактически вторым родным домом. Многие из них прибывали сюда вместе с семьями, другие, оставив семьи дома, приезжали только на сезонные работы, готовя почву для окончательного переселения. Спустя уже почти 20 лет подавляющее большинство из них считают Дон и Ростовскую область своей «второй Родиной» и возвращаться в Армению не собираются. В самом начале XXI века этносоциологи М. А. Аствацатурова, Г. С. Денисова, Ю. Г. Волков, Н. В. Черноус, А. А. Хастян параллельно и весьма активно начали изучение данных проблем¹. Актуализация этнического самосознания армянского населения Юга России в последнее десятилетие во многом была вызвана большим потоком армянских беженцев и переселенцев из стран ближнего зарубежья (Грузии, Азербайджана и Нагорного Карабаха, Армении). Одним из привлекательных районов для нового места жительства для армянского населения стал Юг России, в т.ч. Ростовская область. Этот выбор был обусловлен целым рядом причин:

- здесь исторически уже сложились компактные поселения армян;
- незначительная культурная дистанция, обусловленная существованием культурных универсалий, сформировавшихся за годы существования СССР;
- экономическая привлекательность региона, связанная с наличием инфраструктуры, позволяющей найти свою экономическую нишу в сфере услуг;
- привычные природные и климатические условия и др.

Имеются и серьёзные заделы по анализу качественного и количественного состава обновлённой диаспоры. Интересен здесь сравнительный анализ последних переписей населения. По Общероссийской переписи населения 2002 г., армяне составляли в России – 1 млн 130 тысяч человек, по Ростовской области – более 180 тыс. По переписи 2010 г. – 1 млн.183 тысяч в России, и около 300 тысяч в Ростовской области, таким образом, по сравнению с данными переписи советского периода 1989 г. (532,4 тысяч) произошло значительное увеличение их численности. По территориям Ростовской области в Мясниковском районе – 58,3 % армян; в Егорлыкском районе – 4,9 %; в Целинском районе – 3,5 % и в Красно-Сулинском районе – 2,9 %. Весьма высокий показатель сохранялся по городам Ростов-на-Дону, Таганрог, Азов и Новочеркасск.

Согласно материалам многочисленных исследований, наибольшие потоки мигрантов в ЮФО России следуют из Армении. Значительное число армян

¹ Аствацатурова М. А., Савельев В. Ю., Армянская диаспора: пополнение и повышение активности // Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах, Ростов-на-Дону-Пятигорск, 2000, с. 74-89; Денисова Г. С., Армянская миграция на Юге России в зеркале общественного мнения // Миграция в России: социальные и правовые аспекты проблемы. Сборник научных статей, Ростов н/Д, 2004, с. 120-125; Хастян А. А., Армянские субобщности на Северном Кавказе: факторы социокультурной адаптации, Ростов н/Д, 2001.

переселялось именно на Юг России, этому способствуют и сложившаяся в регионе армянская диаспора, и многовековой опыт совместного проживания армян и русских.

Известный исследователь проблем армянской диаспоры на Юге России М. А. Аствацатурова характеризует армянскую миграцию 1990-х годов как «эвакуационную и стрессовую». Важным фактором успешной адаптации на новом месте являлись этнокультурные характеристики армян: их конкурентоспособность, умение встраиваться в структуру новых социально-экономических, правовых, культурных и «приватно-личностных связей», способность к модернизации, к адекватным действиям в меняющихся условиях. Миграционные потоки и, в частности, армянский, были вызваны процессом распада единого государства – СССР, сопровождавшимся политической нестабильностью, межэтнической конфликтностью, резким экономическим спадом. Значительная экономическая активность вновь прибывших армян в города Юга России, усилившая экономическую конкуренцию, привела к заметному потеснению представителей коренного населения (независимо от национальности) в престижных сферах занятости, создала напряженность на рынке жилья, вызвала заметную межэтническую напряженность в регионе и негативную установку коренного населения по отношению к армянам в целом. Этим и объясняется формирование конфликтного потенциала в регионе в период 1990-х годов. Следовательно, большой интерес вызывает изучение общественного мнения местного населения по проблемам миграции, что необходимо для корректировки принятия правильных управленческих решений и, одновременно, для разработки пакета мер, воздействующих на местное сообщество в целях оптимизации межэтнических отношений. Особую роль в связи с этим стали играть социологические опросы и исследования в последние 15 лет.

Особенно значимым стал опыт Ростова-на-Дону и Ростовской области, где за 20 лет крупных конфликтов и проблем с армянской диаспорой практически не возникало. Новоприбывшие армяне мигранты постепенно составили наравне с «донскими армянами-старожилами» единое обновлённое этносоциальное сообщество армян Ростовской области. Этому активно способствовала деятельность общины и поддержка администрации области, нормальные дружественные отношения с казачеством и общинами других титульных и новых диаспор «Тихого Дона».

Исходя из этого позитивного опыта, в 2002-2010 гг были проведены опросы населения в городах Юга России. В Ростове-на-Дону, методом стандартизированного интервью был проведен опрос на выявление спектра мнений по проблемам миграции, которые включали в себя как оценку миграционной ситуации, так и ожидания населения в области предпочтительных направлений действий органов власти в сфере регулирования миграционных процессов. Результаты их учитывались областными и муниципальными органами власти и управления при

разработке и реализации социально-экономической политики и корректировке межэтнических процессов¹.

Огромную роль в возрождении экономических, духовных и культурных традиций донских армян, их отношений с властями, с вновь прибывшими представителями армянской диаспоры, возрождающимся казачеством и другими народами Дона и Юга России играет многоплановая деятельность созданной в 1988-1989 гг. «Нахичеванской-на-Дону армянской общины». В разное время ее признанными лидерами были К. Хурдаян, Дж. Вартамян, М. Багдыков, В. Восканян, братья В. и Р. Самургашевы, С. Саядов, Р. Захарова. Последние годы её бессменно возглавляет нынешний авторитетный руководитель – А. Сурмалян, известный предприниматель и меценат, депутат Законодательного собрания Ростовской области последних двух созывов. В расширенный Совет общины сегодня входят более 50 человек, в числе которых есть известные предприниматели, учёные и деятели культуры, спортсмены, депутаты Законодательного собрания Ростовской области и муниципальных образований городов и районов. Община уже на протяжении более чем 25 лет выражает интересы представителей всего этносоциального сообщества армян, активно взаимодействуя с органами власти Ростовской области, всеми основными этносами и казаками. Занимая по численности населения весьма значимое 3-е место (около 20%), община и её актив бережно сохраняют и приумножают уникальные культурные (в т.ч. язык-диалект, литературу, музыку, фольклор) традиции этнического сообщества донских армян, сложившиеся за эти столетия, и с честью готовятся к празднованию своего 230-летнего юбилея².

Ռուսլան Տիկիջյան, Վալերի Մելքոնյան – Դոնի հայերի էթնո-սոցիալական ընկերությունը. զարգացման հիմնական փուլերն ու ներկա վիճակը

Հեղինակները ներկայացնում են իրենց տեսլականը Դոնի Ռոստովի հայերի էթնո-հասարակական համայնքի պատմական հիմնական փուլերի ձևավորման և վերափոխման պարբերացման վերաբերյալ XVIII դարի վերջերից մինչև մեր օրերը: Բացահայտվում են համայնքի յուրահատկություններն ու էթնո-սոցիալական զարգացման առանձնահատկությունները վերջին քսանամյակում՝ Ռուսաստանի հարավի և ԽՍՀՄ նախկին երկրների բարեփոխումներից հետո, ինչպես նաև միգրացիայի խնդիրներն ու նորաբնակ հայերի ներառումը Ռուսաստանի հարավի և Ռոստովի մարզի տարածքային էթնիկական և սոցիալ-քաղաքային համալիրներում:

¹ **Асвацатурова М. А.**, Диаспоры в Российской федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион), Ростов-на-дону-Пятигорск, с. 138-148; Армяне Юга России: опыт социологического исследования, под ред. проф. Ю.Г. Волкова, М., 2011, с. 20-48, 146-189.

² «Нахичеванская-на-Дону армянская община». Электронный ресурс: <http://nnao.ru/>; Электронная энциклопедия фонда «Хайазг». Электронный ресурс: <http://ru.hayazg.info/>

**Ruslan Tikijyan, Valery Melkonyan – *Ethno-Social Community of the Armenians of Don:
Main Stages of Development and the Current State***

The authors present their vision on the main historical stages of formation and transformation periodization of the ethnosocial community of Rostov-on-Don Armenians since XVIII century to the present day. The peculiarities of the community of the last twenty years – after the reforms in the south of Russia and former Soviet countries, as well as the problems of migration and the inclusion of newly settled Armenians into ethnic and socio-urban territorial complexes of the south of Russia and Rostov region are identified.

**ИСТОРИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И АРХИТЕКТУРЫ АРМЯН
НИЖНЕГО ДОНА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И
ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ТЕМАТИКИ**

Ключевые слова – архитектура армян Нижнего Дона, градостроительство армян Нижнего Дона, историография, Нахичевань-на-Дону

Возникновение феномена архитектуры донских армян относится к последней четверти XVIII в., когда в результате политики российского правительства, направленной на переселение единоверцев с территорий, подконтрольных Османской империи, была основана армянская колония на правом берегу Дона. Екатерина II в ноябре 1779 г. указала: «Обществу Крымских Христиан Армянского закона всякого звания... для удобнейшего поселения... отвести в Азовской губернии особенную от прочих селений округу крепости Святого Дмитрия Ростовского» и закрепила за переселенцами «три тысячи десятин, да для рыбных ловель... четвертую часть реки Дона, из того, сколько оной реки в даче той округи состоит, в верх от устья реки Темерника, а в случае недостатка для селений ваших там земли, и в округе крепости Азовской... вечно в пользу и выгоду всего общества без всяких в казну Нашу податей»¹, а для города – двенадцать тысяч десятин государственной земли к северо-востоку от крепости св. Дмитрия Ростовского. На выделенных землях армяне основали город Нахичеван (Нор-Нахичеван, Нахичевань-на-Дону) и пять окрестных сел. В последующие годы территория, выделенная переселенцам, была увеличена и составила двадцать тысяч десятин².

Сразу же после Указа императрицы началось составление градостроительных планов для армянского города и сел, российскими зодчими составлялись также образцовые проекты культовых и жилых построек. Таким образом, традиционные архитектурные формы и архитектурно-пространственные ценности, перенесенные из Армении в Крым, на Дону трансформировались под влиянием новой социально-экономической ситуации, климатических условий и соединились с российскими на почве распространявшихся общеевропейских архитектурных стилей и направлений. Итогом данных процессов стало формирование уникальной архитектуры армян Дона, привлекавшей внимание исследователей уже с XIX в.

Накопленная за два столетия научная литература нуждается в изучении, и уже назрела необходимость выявления, анализа и систематизации существую-

¹ Высочайшая грамота императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 года об основании г. Нахичевани-на-Дону, и о наделении армян землею // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы, Ростов-на-Дону, 1914, т. 2.

² Халпахчян О. Х., Архитектура Нахичевани-на-Дону, Ереван, 1988, с. 10.

щих научных исследований по истории градостроительства и архитектуры донских армян. Кроме того, очевидна также потребность в разграничении проблем уже решенных и только ждущих своих исследователей.

Процесс накопления научных историко-архитектурных знаний не был однородным, на него влияли различные факторы, таких, например, как уровень развития историко-архитектурной науки, господствующей научной парадигмы и методологии. Всю совокупность научных исследований нашей проблемы можно разделить по историко-хронологическому принципу, в соответствии со временем их появления. Подобный способ периодизации не только отражает процесс развития методологии, но и позволяет проследить изменение представлений об исследовании архитектуры армян Нижнего Дона, увидеть, как менялись интересы исследователей а следовательно - и проблематика исследований.

В истории изучения истории архитектуры и градостроительства армян Нижнего Дона можно выделить следующие периоды: 1) XIX в. - начало XX в., 2) 1920-е – 1990-е гг., 3) конец XX в. – начало XXI в.

Весь существующий комплекс научных исследований каждого периода, в свою очередь, можно подразделить на две большие группы: первая представлена общими работами по истории армян Нижнего Дона, в которых так или иначе затрагиваются вопросы расселения, строительства и архитектуры; вторая группа включает работы, непосредственно посвященные истории градостроительства и архитектуры донских армян.

Немногочисленные труды, вышедшие в свет в XIX в. – начале XX в., относятся к первой и второй группам, т.е. представлены работами, как общего характера, так и специальными историко-архитектурными исследованиями. Особенность работ первой группы данного периода – наличие изданий, которые могут быть скорее отнесены к историческим источникам, а поскольку обзор собственно исторических источников в задачи данного исследования не входит, то отметим лишь, что первостепенную ценность для исследователя архитектуры представляют записки путешественников¹, проезжавших через Нахичевань в конце XVIII в.-XIX в. Хотя они не описывали подробно градостроительное устройство и архитектурные особенности, но даже несколько строк, написанных очевидцами, имеют сегодня огромную научную ценность. Так, например, благодаря заметкам академика Паласа, мы знаем, что в конце XVIII в. переселенцы строили жилые дома «по тому же образцу, как строят в Крыму», а «большая часть жителей Нахичевана живут теперь в хорошеньких каменных домиках, крытых черепицею»². Французский путешественник Гомер де Гелль, посетивший Нахичевань в середине XIX в., оставил исследователям беглые наблюдения о том, что город сохранял «восточный облик» и «своеобразную архитектуру домов»³. Эти и другие сочинения современников можно рассматривать как первые попытки

¹ См. напр.: Путешествие графа И. А. Безбородко на Кавказ в 1812 г.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. Собраны и изданы И. И. Щукиным, М., 1908; **Краснянский М. Б.** Заметки академика Паласа 1793 г. о Ростове-на-Дону и его окрестностях // Записки Ростовского общества истории, древностей и природы, Ростов-на-Дону, 1914, т. 2, с. 58-87.

² Заметки академика Паласа 1793 г. // **Малхасян А. Г.** Страницы истории анийских, крымских и донских армян, Ростов-на-Дону, 2010, с. 44.

³ Там же, с. 65.

анализа архитектуры поселенцев и свидетельства, порой единственные, об организации пространства и художественно-архитектурного облика селений и построек. Выдержки из сочинений путешественников с информацией о Ростове и Нахичевани впервые были опубликованы до революции¹, а в более полном варианте собраны в книге А. Г. Малхасяна².

Знаменательным событием первого периода развития историографии стало появление работ «нахичеванского летописца» Е. Шахазиза. В книге «Новый Нахичеван и новонахичеванцы»³ он описывает историю переселения армян на Дон, традиции и обряды, праздники и современный быт. По своему характеру его работы занимают промежуточное положение между этнографическими описаниями и историческими трудами. Для нашего исследования особенно интересен труд Е. Шахазиза «Церкви Нахичевана». Хотя автор и не ставил задачи подробно описать архитектурные детали и художественные особенности культовых сооружений города, он уделил этой теме несколько строк, а также привел подробные сведения о датах строительства церквей, о проведении капитальных ремонтных работ и перестроек.

На рубеже XIX-XX вв. в Ростове-на-Дону – городе, расположенном в непосредственной близости к Нахичевани-на-Дону, – краеведы, историки и общественные деятели организовали «Общество истории, древностей и природы». Члены Общества издавали монографические исследования⁴ и «Записки», статьи которых посвящались истории Ростова и Нахичевани⁵. Одно из таких исследований положило начало работам по изучению истории градостроительства и архитектуры⁶. Краевед М. Б. Краснянский, проделав трудоемкую работу по сбору, систематизации и восстановлению утраченных планов крепости св. Дмитрия Ростовского, городов Ростова и Нахичевани, сделал попытку воссоздать историю их градостроительного развития. Значение труда велико, хотя и не все приводимые им планы можно считать достоверными⁷.

Советский период развития историографии представлен многочисленными работами первой группы. Активное изучение истории армянской колонии Нижнего Дона началось в послевоенные годы. В работах российских и армянских историков и краеведов исследованы события, связанные с переселением армян на Дон, экономическая и социальная история армянского города и окружающих его

¹ Краснянский М. Б. Заметки академика Паласа 1793 г. о Ростове-на-Дону и его окрестностях // Записки Ростовского общества истории, древностей и природы, Ростов-на-Дону, 1914, т. 2, с. 58-87.

² Малхасян А. Г., Страницы истории анийских, крымских и донских армян, Ростов-на-Дону, 2010.

³ Шахазиз Е., Новый Нахичеван и новонахичеванцы / Пер. с арм. Ш. М. Шагиняна, Ростов-на-Дону, 1999.

⁴ Краснянский М. Б., Исторический очерк городов Ростова и Нахичевани по данным городского музея в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, 1911.

⁵ Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы, Ростов-на-Дону, 1912, т. 1; Записки Ростовского общества истории, древностей и природы, Ростов-на-Дону, 1914, т. 2.

⁶ Краснянский М. Б., Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы, Ростов-на-Дону, 1912, т. 1.

⁷ См. например замечания О.Х. Халпахчьяна в кн.: Халпахчьян О. Х., указ. соч., с. 26.

сел и др. значимые проблемы¹. Невозможность выделить историографию России или Армении – отличительная черта данного периода. В издательства Еревана отдавали свои русскоязычные исследования ученые армянского происхождения, работавшие в столице СССР, на армянском языке писали в Ростове-на-Дону местные краеведы.

В советский период появилось большое количество и собственно историко-архитектурных исследований. За это время был накоплен огромный фактографический материал и создана фундаментальная научная база, на которую и сегодня опираются исследователи региональной архитектуры. Наибольший вклад в изучение истории градостроительства и архитектуры армян Нижнего Дона внес академик О. Х. Халпахчян. В 1980-е гг. вышел ряд его статей в журнале «Архитектурное наследие»², материал которых затем вошел в монографическое издание «Архитектура Нахичевани-на-Дону»³. Его многолетние исследования и глубокие познания в области архитектурного наследия армянских колоний на территории Восточной Европы стали основанием для анализа архитектурных сооружений Нахичевани. Ученый зафиксировал памятники архитектуры в виде обмеров, фотографий и чертежей, систематизировал и исследовал их. Кроме того, он ввел в научный оборот большое количество архивных материалов, обнаруженных им как в областных, так и столичных фондах. В работах представлен анализ планировки города и селений, показаны архитектурно-художественные особенности разнообразных по назначению зданий и сооружений, их благоустройство и строительные приемы. Автор указал на такие особенности формирования архитектурно-градостроительного облика Нахичевани, как строительство по единому плану в рамках сложившейся на Юге России градостроительной системы и уже применявшейся в соседних городах. Этим он объясняет неизбежную «русификацию» форм и подчеркивает, что сооружения в стиле господствовавших в Российской империи архитектурных стилей и направлений находили быстрый отклик в Нахичевани. Труды О. Х. Халпахчяна стали хранилищем многочисленных данных о памятниках армянской архитектуры Нижнего Дона. Благодаря его работам современная наука получила возможность идти дальше и решать проблемы, не разработанные в его исследованиях.

Последний, современный этап развития историографии составили фундаментальные научные исследования как первой, так и второй группы. Работы, входящие в первую группу, представлены исследованиями, выполненными в

¹ **Богданян А. М.**, Из прошлого: о переселении армян из Крыма на Дон: краткий исторический очерк, Ростов-на-Дону, 1947; **Нерсесян М. Г.**, Суворов и русско-армянские отношения в 1770-1780-х годах, Ереван, 1981; **Айрапетян В. П.**, Из истории поселений армян на Северном Кавказе их торгово-промышленная деятельность // Вестник архивов Армении, 1976, № 1 (32), с. 167-176.

² **Халпахчян О. Х.**, Культурные сооружения новонахичеванских армян // Архитектурное наследие, вып. 33, М., 1985, с. 107-121; *его же*: Жилые дома армян на Дону // Там же, с. 122-139; *его же*: Планировка и благоустройство Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследие, вып. 34, М., 1985, с. 122-139; *его же*: Общественные сооружения новонахичеванских армян // Архитектурное наследие, вып. 35, М., 1988 и др.

³ **Халпахчян О. Х.**, Архитектура Нахичевани-на-Дону.

форме статей¹, монографий², диссертаций³, в которых совершен переход от исследований общеисторических вопросов к изучению проблем более узкой тематики.

Иные подходы наметились в сфере историко-архитектурных исследований. Накопленные в предыдущий период знания позволили провести ряд исследований, в которых история градостроительства и архитектуры Нахичевани-на-Дону рассматривались как часть архитектурно-градостроительной системы Дона или Юга России. Такой подход оказался весьма плодотворным, так как он позволил выявить как особенности архитектурно-градостроительного развития южных городов России в целом, так и отличительные особенности Нахичевани-на-Дону. Тенденции развития архитектурно-планировочных структур городов Нижнего Дона показаны в диссертации И. В. Поцешковской⁴. Она выявила ряд зданий в городах региона, построенных по образцовым проектам, и показала специфику их внедрения в городскую среду, а также примеры и особенности интерпретации армянами образцов, основанных на традиционных предпочтениях.

А. М. Иванова-Ильичева⁵ показала, что рационалистические тенденции проникают в архитектуру городов Нижнего Дона и Приазовья во второй половине XIX в. – начале XX в., и архитектура Нахичевани-на-Дону в этом не отличалась от архитектуры соседних городов. Автор замечает, что становление эстетики архитектуры рационализма в городах Нижнего Дона и Приазовья происходит в рамках единого процесса распространения рационалистических тенденций в европейской архитектуре 1830-х-1910-х гг. Особенности формирования архитектурной типологии построек зависели от функциональной специализации городов, и торговая направленность Нахичевани ставит ее в один ряд с Ростовом-на-Дону и Таганрогом. Вместе с тем исследователь отмечает, что в архитектуре городов сохранялись некоторые национальные особенности, не противоречащие распространению общеевропейских тенденций.

Особо необходимо отметить фундаментальные работы обобщающего характера⁶, ставшие своеобразным подведением итогов изучения истории градо-

¹ Армяне на Дону и Северном Кавказе: тезисы научной конференции, Ростов-на-Дону, 1993 и др.

² **Бархударян В. Б.**, История колонии Новая Нахичевань (1779-1917), Ереван, 1996; **Багдыков Н. Г.**, Нахичеванские находки, Ростов-на-Дону, 1999; **Варгянян В. Г.**, **Казаров С. С.**, Армянская Апостольская Церковь на Дону, Ростов-на-Дону, 2001.

³ **Геворкян Г. А.**, История экономического и социально-культурного становления армянской диаспоры Донской области и Степного Предкавказья (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.). Дис. ... канд. истор. наук, Ростов-на-Дону, 2007; **Согомонян М. Н.**, Этнокультурные предпосылки устойчивости диаспоры: традиции и институты: на примере культурной жизни донских армян. Дис. ... канд. филос. наук, Ростов-на-Дону, 2003 и др.

⁴ **Поцешковская И. В.**, Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XVIII – первой половине XIX веков. Дис. ... канд. архит., М., 2005.

⁵ **Иванова-Ильичева А. М.**, Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX – начала XX веков: на примере Таганрога, Ростова-на-Дону и Нахичевани-на-Дону, Новочеркаска. Дис. ... канд. архит., М., 2000.

⁶ **Есаулов Г. В.**, Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: его формирование и культурный потенциал. Дис. ... докт. архит., М., 2004; **Лазарев А. Г.**, Культурное пространство и механизмы формообразования региональной культуры. Дис. ... докт. философ. наук, Ростов-на-Дону, 2005.

строительства и архитектуры Дона и Юга России. Их авторы проследили историческую динамику архитектурных форм. Подход, при котором армянская и другие национальные архитектуры рассматриваются как часть региональной истории архитектуры, оказался весьма плодотворным. Исследователи показали, что взаимовлияние культур в регионе стало основой складывания региональной системы расселения, а истоки своеобразия региональной архитектуры уходят корнями в особенности ландшафтно-климатических и природных условий, этнопсихологии населения и его мировоззрения.

Данные исследования стали научной базой для изучения сложных узконаправленных проблем истории градостроительства и архитектуры как города Нахичевань, так и сельских поселений донских армян. Первые такие исследования стали появляться уже в первые годы третьего периода, однако они еще имели черты обобщающих работ. Вышли в свет публикации, посвященные истории архитектуры города¹, его отдельных улиц и площадей². Их авторы сделали достоянием широкого круга читателей некоторые редкие фотографии, проектные чертежи и другие архивные материалы. Интерес исследователей привлекли персоналии талантливых архитекторов армянского происхождения, появился ряд статей об их жизни и творчестве³.

Первым опытом постановки узконаправленной проблемы может считаться статья А. Ю. Казаряна⁴, в которой он анализирует архитектуру и историю строительства новонахичеванской церкви Сурб Карапет. Автор разделял мнение О. Х. Халпахчьяна о том, что архитектором церкви является В. Газырбеков. Заслуга А. Ю. Казаряна заключается в том, что ему удалось обнаружить прототип новонахичеванской церкви, которым явилась средневековая закавказская церковь. При этом он показывает соединение в одном здании мотивов и стилистики разных периодов Средневековья, принадлежащих как армянской национальной традиции, так и грузинской. Рассматривая строительство церкви в контексте истории русского искусства второй половины XIX в., А. Ю. Казарян считает строительство Сурб Карапета адекватным и своевременным ответом «российского архитектора-армянина строителям русских храмов в византийском и «русском» стилях. На пространствах Российской империи до Кавказского хребта это была первая попытка строительства церкви в «армянском» или «кавказском» стиле⁵.

В последующих работах авторы также пошли по пути системного решения отдельных проблем истории армянской архитектуры на Дону. Анализ градостроительных принципов, положенных в основу планировки Нахичевани-на-

¹ В 1928 г. Нахичевань-на-Дону был включен в состав Ростова-на-Дону и история последнего до 1920-х гг. рассматривают как историю двух соседних городов. См. например: **Есаулов Г. В., Черницына В. А.**, Архитектурная летопись Ростова-на-Дону, Ростов-на-Дону, 2002, **Волошинова Л. Ф.**, Бульварная площадь, Ростов-на-Дону, 2001 и др.

² **Волошинова Л. Ф.**, указ, соч. и др.

³ **Багаева Е.**, Николай Никитич Дурбах – городской архитектор Нахичевани-на-Дону // Донской временник [электронный ресурс]: <http://www.donvrem.dspl.ru> и др.

⁴ **Казарян А. Ю.**, Альбом Д. И. Гримма (1864, 1866 гг.) и архитектурный проект церкви Сурб Карапет в Нахичевани-на-Дону // Архитектурное наследство: Памяти О. Х. Халпахчьяна, М., 2011, с. 165-191.

⁵ **Казарян А. Ю.**, указ. соч... с. 185-186.

Дону, позволил выявить особенность планировки города, выразившуюся в нетрадиционной для региона ориентации по оси «восток-запад» на крепость св. Дмитрия Ростовского (будущий Ростов-на-Дону). Исследователь предположил, что крепость служила идеологической доминантой, призванной «закрепить» положение переселенцев в градостроительной системе Юга России. Такой подход заложил основы дальнейшего включения колонистов в орбиту общероссийского культурного поля и регионального культурного ареала¹. В коллективной статье, посвященной влиянию формирующейся культуры города на архитектурно-градостроительное развитие, вскрыта взаимосвязь культуры с архитектурно-градостроительным развитием Нахичевани-на-Дону. Авторы приходят к выводу о том, что изначально продуманные градостроительные решения позволили городу избежать перенаселения в эпоху промышленного развития².

Эти и некоторые другие публикации³ обозначили смену исследовательских приоритетов и положили начало процессу изучения архитектурно-градостроительной истории армянской колонии как своеобразного феномена, сформировавшегося под влиянием армянских и российских традиций на пространстве южно-российского культурного ареала.

В заключение отметим, что историография данной проблемы включает публикации, образующие ряд тесно связанных групп, выделенных на основе таких критериев как методология, положенная в основу исследования, изучение архитектуры армян Нижнего Дона в качестве самостоятельного объекта или включение ее в общее поле истории донских армян. Такая систематизация научной литературы помогла упорядочить знания, полученные исследователями в ходе изучения истории градостроительства и архитектуры донских армян. Наиболее изученными могут считаться вопросы, связанные с историей градостроительства и жилой архитектуры армян Нижнего Дона, хотя некоторые из них и сегодня остались на уровне сбора и описания материала, и поныне нуждающегося в обстоятельном анализе. Причины наименьшей исследованности культового зодчества и сельской архитектуры донских армян кроются в ограниченности источников. Из всех культовых сооружений Нахичевани-на-Дону сохранились только две церкви, остальные бесследно утрачены, как и их проектные чертежи. Сельские жилые постройки конца XVIII – XIX вв. тоже не сохранились за редким исключением.

Сегодня очевидна необходимость изучения вопроса о месте архитектуры армян Нижнего Дона в контексте русской архитектуры, начиная с творчества мастеров классицизма и до явлений эпохи модерна. Важно проследить связи архитектуры новопахичеванцев с мастерами и постройками Санкт-Петербурга и

¹ **Баева О. В.**, Планировка Нахичевани-на-Дону: идеи регулярного градостроительства последней четверти XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2014, № 10, часть 1, с. 21- 24.

² **Иванова-Ильчева А. М., Стушняя И. А., Баева О. В.**, Архитектурно-градостроительное развитие Нахичевани-на-Дону в контексте формирования городской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2014, № 10, часть 2, с. 81- 83.

³ **Баева О. В.**, Этапы формирования ландшафтно-рекреационной среды г. Нахичевани-на-Дону (конец XVIII в. – начало XX в.) // Научная мысль Кавказа: научный и общественно-теоретический журнал, 2014, № 4, с. 74-80 и др.

Москвы. Проблема становления архитектуры армян Нижнего Дона – доминантная составляющая истории их духовной жизни, актуальная в связи с несомненным вкладом донских армян в культуру Армении XX века.

Օլգա Բաևա – Ներքին Դոնի հայերի քաղաքաշինության և ճարտարապետության պատմությունը ռուսական պատմագիտության մեջ և թեմատիկայի զարգացման հեռանկարները

Հոդվածը լուսաբանում է Ներքին Դոնի հայերի քաղաքաշինության և ճարտարապետության պատմության հարցերը՝ առկա գիտական ուսումնասիրությունների բացահայտման վերլուծության և համակարգման նպատակով: Դոնի հայերին նվիրված բոլոր գիտական ուսումնասիրությունների համակարգը կարելի է բաժանել երկու խմբի. առաջինում ներկայացված են Ներքին Դոնի հայերի պատմությանը վերաբերող ընդհանուր աշխատությունները, որոնցում այս կամ այն կերպ ներկայացված են վերաբնակեցման, շինարարության և ճարտարապետության շուրջ հարցերը: Երկրորդ խումբը ներառում է այն խնդիրները, որոնք անմիջականորեն նվիրված են Դոնի հայերի քաղաքաշինության և ճարտարապետության պատմությանը: Տվյալ թեմայի պատմագրության զարգացման մեջ կարելի է առանձնացնել հետևյալ փուլերը՝ XIX դարի վերջ - XX դարի սկիզբ, խորհրդային շրջան՝ 1920-1990-ական թթ., XX դարի վերջ - XXI դարի սկիզբ: Պատմագրության զարգացման առաջին փուլը բնութագրվում է ոչ այնքան հետազոտական աշխատանքների առկայությամբ, որքան գրավոր աղբյուրների կուտակմամբ:

Պատմական-ճարտարապետական խնդիրների առավել արդյունավետ լուծումներ են ի հայտ եկել նորագույն շրջանում, սակայն խորհրդային տարիներին ստեղծվել է գիտական հիմք, որը տվյալների մեծ բազա է: Հենց XX դարի կեսերին գիտական շրջանառության մեջ էին դրվել այժմ հայտնի աղբյուրների մեծ մասը: Եզրափակելով հեղինակը եզրակացնում է, որ առավել լավ են ուսումնասիրված Ներքին Դոնի հայերի քաղաքաշինության և բնակելի ճարտարապետության պատմության հետ կապված հարցերը, սակայն միայն նյութի նկարագրման մակարդակով, որը մանրակրկիտ վերլուծության կարիք ունի: Այսօր կա անհրաժեշտություն ավելի մանրամասն դիտարկելու Ներքին Դոնի հայերի դերը ռուսական ճարտարապետության մեջ՝ սկսած կլասիցիզմի վարպետների աշխատանքներից մինչև մոդեռնիզմի դարաշրջանը, վերլուծել նախիջևանցիների ճարտարապետության զարգացման կապը Մանկոտ Պետերբուրգի և Մոսկվայի հայկական շինարարության հետ: Կարևոր է նաև նորագույն շրջանի հայ ճարտարապետության կազմավորման խնդրի կապը Ռուսաստանի հայերի՝ XX դարի Հայաստանի մշակույթի ներդրման մեջ:

Olga Bayeva – *The History of Town Building and Architecture of the Lower Don Armenians in Russian Historiography and the Prospect of Subject Area*

The article elucidates the issues of the history of town building and architecture of the Lower Don Armenians for the purpose of revealing, analyzing and coordinating the available scientific studies. The scientific research system devoted to Don Armenians can be divided into two groups: the first represents the general studies dealing with the history of Lower Don

Armenians, where relocation, construction and architecture issues are represented one way or another. The second group includes those issues which are directly devoted to the history of town building and architecture of Don Armenians. In the development of the historiography of the given subject the following phases can be separated: the end of XIX and the beginning of XX centuries, the Soviet period – 1920-1990s, the end of XX and the beginning of XXI centuries. The first phase of the development of historiography is characterized not so much by the existence of research works as the accumulation of written sources.

More productive solutions to the historical-architectural problems have emerged in the modern period, but the scientific basis established in Soviet times is a large database. Most sources known today were put into scientific circulation still in the mid-XX century. Summing up, the author concludes that the issues related to the history of town building and residential architecture of Don Armenians are better studied, however only on the level of the description of the material which needs a thorough analysis. Today, there is a need to consider the role of Don Armenians in Russian architecture in more detail – from classicism to modern era masters, to analyze the connection of the development of Nakhijevan architecture with the Armenian construction of Saint Petersburg and Moscow. The connection of the formation of modern period Armenian architecture to the Armenians of Russia in the introduction of the culture of XX century Armenia is also important.

О ВКЛАДЕ ДОНСКИХ АРМЯН В АРМЯНСКУЮ, РОССИЙСКУЮ И РЕГИОНАЛЬНУЮ ДОНСКУЮ СУБКУЛЬТУРУ

Ключевые слова – донские армяне, армянская культура, русская культура, донская региональная субкультура, взаимодействие армянской и русской культур, донское краеведение, город Нахичевань-на-Дону, РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»

Эта тема так или иначе находилась в поле зрения всех авторов, которые обращались к истории переселения анийских армян на Донскую землю, в Нор-Нахичевань-на-Дону¹, которые посвящали свои работы изучению армянской культуры², истории культуры и общественной жизни Донского края³, персоналиям донских армян⁴.

Вместе с тем проблематика, обозначенная в заголовке данной статьи, еще не стала предметом специального изучения. В процессе осмысления данной темы автор опирался на замечательные по богатству фактического материала труды⁵.

¹ Бархударян В. Б., История армянской колонии Новая Нахичевань (1779-1917) / пер. с арм. Н. Григорова, Ереван, 1996; Патканиан Г., История Новой Нахичевани, Нахичевань-на-Дону, 1917 (на армянском языке); Шах-Азиз Е., Нор-Нахичеван и норнахичеванцы, Тифлис, 1903 (на армянском языке); Казаров С. С., Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века), Ростов н/Д, 2012; Багдыков Г.М., Краткая история Нахичевани-на-Дону, Ростов н/Д, 2012 и др.

² Акопян В. З., Казаров С. С., Армяне // Энциклопедия культур народов Юга России в 9 томах, т. 1, Народы Юга России, Ростов н/Д, 2005; Тер-Саркисянц А. Е., Армяне в России // Армяне, М., 2012; Овсепян Ю. Л., Тер-Саркисянц А. Е., Развитие профессиональной культуры в XIX – начала XXI века // Там же; Тер-Саркисянц А. Е., Худавердян В. Ц., Армянская диаспора Юга России. Положение и перспективы, М., 1993; Шагинян М. С., Путешествие по Советской Армении // Собрание соч. в 9 томах, т. 3, М., 1972; Жданов Ю. А., Размышления о проблемах диаспоры // Жданов Ю.А. Избранное в 3-х томах, т. 2, Ростов н/Д, 2009; Армяне Юга России: история, культура, общее будущее // Материалы всероссийской научной конференции (30 мая- 2 июня 2012 г.), Ростов н/Д, 2012 и др.

³ Водолацкий В. П., Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г., Казачий Дон: очерки истории и культуры, Ростов н/Д, 2005; Тикиджьян Р. Г., История и культура народов Донского края и казачества, Ростов н/Д, 2010; Кислицын С.А., Кислицына И.Г., История Ростовской области (от Земли Войска Донского до наших дней), Ростов н/Д, 2007; Редьков Н.Н., Беленький Г. Л., Лисицына Л. П., Культура Южной столицы. История и современность, Ростов н/Д, 2008; Суцкий С. Я., Культурный комплекс Ростовской области, Ростов н/Д, 2005 и др.

⁴ Даронян С., Микаэл Налбандян, Ереван, 1979 (на армянском языке); Багдыков М. Г., Нахичеванские портреты: экскурсии, зарисовки, Ростов н/Д, 1991; Багдыков М. Г., Багдыков Г. М., Багдыков Т. М., Арутюн Халибян, Ростов н/Д, 2013; Авдулов Н. С., Мирзабекова Н. В., М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве, Ростов н/Д, 2013; Егоров Н. М., Далекий и теплый свет, Ростов н/Д, 2013; Митропольский А. А., Рафаэль Самургашев, Ростов н/Д, 2013; Багдыков Г. М., Кавказские корни, Ростов н/Д, 2014 и др.

⁵ «Армяне», отв. ред. Л. М. Варданян, Г. Г. Саркисян, А. Е. Тер-Саркисянц, М., 2012; «Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону», т. 1-5, Ростов н/Д, 1994-1999, Сидорова В. С., Летопись Нахичевани-на-Дону: в историческом, бытописательном, статистическом и иллюстративном интересах с приложениями, включающими важные, полезные и интересные сведения,

Переселение анийских армян из Крыма на Донскую землю объяснялось духовной близостью русского и армянского народов, связанных общими христианскими ценностями, столетиями борьбы с общими врагами. Прагматичная российская императрица Екатерина II, подписывая указ от 9 марта 1779 г. о переселении армян на Юг России, исходила не только из общности этих духовных устремлений, но и из геополитических интересов страны, установки экономически ослабить Крымское ханство, этого вассала Османской империи. Вместе с тем ставилась цель разрешить насущную проблему хозяйственного освоения Юга России, опираясь на трудолюбие армян, их предприимчивость, талантливость в торговой и строительной сферах, исторически выработанную способность адаптироваться к самым сложным социальным условиям.

Этими устремлениями российского руководства объяснялись значительные льготы и привилегии, предоставленные переселившимся армянам на Донской земле сверх тех, которыми пользовались подданные империи: освобождение от налогов, воинской повинности; им были отведены значительные земельные участки для обустройства и освоения, часть реки Дон для рыбной ловли, разрешено учредить органы самоуправления, собственный суд и полицию на основе сложившихся этнических традиций; предоставлены возможности предпринимательства по собственным законам и обычаям (и все это – в крепостнической России!)¹.

Используя данные им привилегии и права, опираясь на поддержку центральной власти и властей Области войска Донского, армянские переселенцы стали активной силой в развитии предпринимательства, ремесел, торговли не только на Дону, но и на всем Юге России. Фактически за период жизни всего двух поколений к середине XIX в. Нор-Нахичеван превратился в процветающий город, главный торговый центр Юга России, опережавший по всем показателям соседние города Ростов, Таганрог, Мариуполь. И только начиная с 80-х –90-х гг. XIX в. он уступил эту роль Ростову-на-Дону².

Несмотря на то что донские армяне, проживавшие в городе Нор-Нахичеван и пяти армянских селах – Чалтыр, Топти (Крым), Султан Сала, Мен Сала, Несвитай, - составляли сравнительно немногочисленную группу в составе населения Области войска Донского (по Всероссийской переписи 1897 г. в г. Нахичевань насчитывалось 13.748 армян)³, они внесли значительный вклад во все сферы социальной жизнедеятельности этого края.

Известно, что на путях взаимодействия национальных культур возникают наиболее значительные духовные ценности. Анийские армяне, переселившиеся на Дон, наследники трехтысячелетней национальной культуры активно включились во взаимодействие с русской культурой, культурой этого края. И это

Ростов н/Д, 2014, **Смирнова В. В.**, Донская Армения, Ростов н/Д, 2007; «От первого приюта до наших дней. Из истории изобразительного искусства Нахичевани-на-Дону», Ростов н/Д, 2011, и др.

¹ См. указ. соч. В. Б. Бархударяна, Г. Патканяна, Е. Шах-Азиза и др.

² **Тикиджьян Р. Г.**, Основные этапы формирования и трансформации этносоциального сообщества донских армян в конце XVIII – начале XXI в., Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: Материалы всероссийской научной конференции; **Казаров С. С.**, указ. соч.

³ **Смирнов В. В.**, указ. соч., с. 134.

взаимодействие оказалось исключительно плодотворным как для армянской и российской культур, так и для регионального культурного пространства Донского края. Естественно, попытки градации вклада донских армян в армянскую и российскую культуры, в донскую региональную культуру неизбежно имеют условный, нестрогий характер, поскольку между этими культурными феноменами нет и не может быть четких граней. Тем не менее, с учетом этих оговорок решимся представить свою версию разрешения этой сложной проблемы, которая, как представляется, имеет свой смысл.

Определяя вклад донских армян в развитие *армянской культуры*, в общественную жизнь Армении следует назвать всемирно известного художника Мартироса Сергеевича Сарьяна; католикоса всех армян Геворга VI Чорекчиянца; классика армянской литературы, поэта, прозаика, просветителя Рафаэла Габриэловича Патканяна; премьер-министра Республики Армения в 1920 г. Симона Назаровича Врацьяна; знаменитого армянского и итальянского художника Григора Ованесовича Шилтяна; главного архитектора Еревана в 1937-1951 гг. Марка Владимировича Григоряна; министра здравоохранения Армянской ССР (1931-1938, 1944-1949 г.) Георгия Артемовича Гевондяна; известного армянского скрипача, народного артиста Армянской ССР, лауреата Государственной премии СССР Дмитрия Давидовича Габриэльяна; одного из основоположников современной хирургии в Армении, основателя Медицинского общества советской Армении Амбарцума Серафимовича Кечека; известного армянского генетика, действительного члена АН СССР и АН Армянской ССР Михаила Христофоровича Чайлахяна и других видных деятелей армянской культуры.

Среди родившихся в Донском крае армян, которые внесли большой вклад в развитие *российской культуры*, стали видными деятелями общественной жизни России и Советского Союза следует выделить Микаэла Лазаревича Налбандяна, выдающегося публициста, литературного критика, писателя, философа, видного деятельного общественного движения в России; Моисея Сергеевича Аджемова, видного государственного и общественного деятеля, члена Государственной думы 2, 3 и 4-го созывов, члена Юридического совещания при Временном правительстве и члена Совета Российской Республики (1917 г.); Нину Николаевну Берберову, известного поэта, прозаика, переводчика, литературного критика; Алексея Карповича Дживелегова, видного историка, члена-корреспондента АН СССР; Григория Нерсесовича Бояджиева, известного советского музыкального критика, театроведа, доктора искусствоведения; Юрия Цолаковича Оганесяна, физика-ядерщика, члена-корреспондента АН СССР, действительного члена РАН, почетного члена ряда иностранных академий наук и почетного доктора нескольких зарубежных университетов; Бориса Георгиевича Реизова, видного литературоведа, доктора филологических наук, профессора Ленинградского государственного университета; Мариэтту Сергеевну Шагинян, выдающегося советского писателя, публициста, драматурга, доктора филологических наук, которая, хотя и не родилась в Донском крае, но прожила здесь ряд лет (1915-1920 гг.); Александра Федоровича Мясникова, видного советского партийного и государственного деятеля, возглавлявшего первое советское правительство в Армении; Михаила Николаевича Саямова, известного деятеля российской музыкальной культуры, музыканта-исполнителя и педагога, президента Ассоциации творческих вузов России.

Ряд армян, уроженцев Донского края, стали известными советскими и российскими спортсменами: Гурген Георгиевич Шатворян, чемпион мира по греко-римской борьбе (1953 г.), неоднократный чемпион СССР; Вартерес Рафаэлович Самургашев, чемпион XXVII Олимпийских игр по греко-римской борьбе, заслуженный мастер спорта; Сурен Саркисович Казаров, неоднократный чемпион СССР по вольной борьбе, заслуженный тренер СССР; Рафаэль Вартересович Самургашев, мастер спорта международного класса, вице-президент федерации спортивной борьбы Ростовской области, и др.¹

Донские армяне внесли выдающийся вклад в культуру Донского края. Прежде всего следует назвать многих из перечисленных выше известных деятелей культуры, литературы, науки, спорта, которые, как правило, начинали свою деятельность, а иногда и работали всю жизнь на Дону, но масштабы и значение их деятельности обрели всероссийскую и всесоюзную известность.

Выделяя представителей донской армянской общины, которые внесли весомый вклад в развитие общественной жизни, региональной культуры Донского края, следует назвать Минаса Ильича Балабанова, многолетнего городского главу Нахичевани (1888-1899, 1900-1905, 1909-1913 гг.), энергия, талант, общественное служение которого сыграли большую роль в превращении Нахичевани в благоустроенный, процветающий город. Другой легендарной личностью в Нахичевани был купец-благотворитель Мкртыч (Никита) Гогоян (Гогоев), который завещал все свое имущество и денежные средства на основание женской школы-пансиона для девочек из бедных семей, ставшей впоследствии Гогоевской гимназией (ныне в этом здании находится гимназия № 14).

Высокий авторитет Армянской Апостольской церкви на Дону базировался прежде всего на авторитете ее представителей. Среди тех, кто заслужил благодарную память нахичеванцев, выделялись архиепископ Иосиф Аргутинский (Овсеп Аргутян), протоиерей Хачатур Зарифьян, архимандрит Геворг Чорекчянц, который прослужил 19 лет в городе Нор-Нахичеван, архимандриты Ваган Тер-Григорян, Муше Данагезьян, протоиерей Мартирос Ганцапетьян, архимандрит Усик Зограбян и др. Это были образованные люди, обладавшие высокими нравственными качествами: благородством, добротой, отзывчивостью, милосердием, которые своим служением заслужили большое уважение прихожан².

Большой вклад в создание архитектурного ансамбля городов Нахичевани и Ростова-на-Дону внес выдающийся архитектор Николай Никитович Дурбах (Никогос Мкртычевич Дурбахьян), который 25 лет (с 1888 г.) служил городским архитектором города Нахичевани. По его проектам были возведены такие замечательные здания, как Нахичеванский городской драматический театр (ныне – Ростовский академический молодежный театр), здания Екатерининской и мужской гимназий, Александровская колонна, множество жилых домов, некоторые из которых являются архитектурными памятниками. Другим талантливым архитектором был Арутюн Христофорович Закиев, по проектам которого были

¹ Кулжинский И. П., Красиловец Э. Н., Спорт на Дону. Очерки, Ростов н/Д, 1977.

² См. Варганян В. Г., Казаров С. С., Армянская Апостольская церковь на Дону, 2-е изд., перераб. и доп., Таганрог, 2008.

возведены Клуб приказчиков (ныне – Дом офицеров), отель Палас (ныне – штаб Южного военного округа), доходный дом С. Кистова, где ныне располагается административный корпус Южного Федерального университета (ЮФУ).

Славные традиции архитектурного творчества предшественников были продолжены и развиты в советский период талантливыми архитекторами Хачатуром Христофоровичем Чалхушьяном и Норальдом Николаевичем Нерсесянцем, который стал одним из разработчиков генерального плана развития и реконструкции Ростова-на-Дону, проекта строительства Северного жилого массива, одним из авторов проекта памятника-мемориала жертвам фашизма в Змиевской балке¹.

Среди армян, внесших значительный вклад в развитие живописи многонационального Донского края, следует назвать талантливого художника Амаяка Абрамовича Арцатбанияна, одним из учителей которого был великий русский художник В. А. Серов. М. С. Сарьян высоко ценил талант этого мастера. Художник был в числе организаторов Ростово-Нахичеванского-на-Дону общества изящных искусств. Талантливейшим живописцем был уроженец Нахичевани Аким Карпович Ованесов, творчество которого впитало в себя лучшие традиции как армянского, так и русского классического искусства. Благодаря большому авторитету А. К. Ованесова в среде художников Дона, он стал одним из организаторов и руководителей Ростовского отделения Союза художников в 1939 г. Выдающимся донским живописцем был Сейран Ованесович Хатламаджиян, который внес большой вклад в художественную жизнь Донского края и Армении, чьи картины находятся в музеях многих стран мира. Одним из интереснейших и популярнейших художников Дона является Ованес Мелконович Лусегенов, в творчестве которого талантливо воплощены как мотивы армянской истории и культуры, так и донской истории².

В литературную жизнь Донского края значительный вклад внесли армянские литераторы: автор многих поэтических книг Ашот Георгиевич Гарнакерьян, популярный поэт, писатель, переводчик Николай Матвеевич Егоров (Никогос Мартиросович Геворкян), известный поэт и переводчик Леонид Григорьевич Григорьян, поэт и журналист Аршак Арсенович Тер-Маркарьян и другие³.

Донские армяне внесли значительный вклад в научную жизнь Донского края, в развитие высшего образования, в подготовку высококвалифицированных кадров. Среди ученых, известных далеко за пределами нашего края, следует выделить таких талантливых исследователей в области медицины, создателей научных школ, как терапевт-невропатолог, доктор медицинских наук, профессор Эммануил Мартынович Кастанаян; доктор медицинских наук, профессор, многолетний заведующий кафедрой общей хирургии Ростовского государственного медицинского института Партех Макарович Шорлуян; доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой госпитальной хирургии Ростовского

¹ См. Халпахчян О. Х. Архитектура Нахичевани–на-Дону, Ереван, 1988.

² См. Рязанов В. В., указ. соч.

³ См. Донские писатели. Биобиблиографический указатель, изд. 2-е, испр. и доп., Ростов н/Д, 1986.

государственного медицинского института Захар Иванович Карташов; видный ученый-патологоанатом, доктор медицинских наук, профессор Сергей Мартынович Дерижанов; крупный специалист в области судебной экспертизы и судебно-медицинской травматологии, доктор медицинских наук, профессор Овагим Христофорович Поркшеян; известный ученый оториноларинголог, доктор медицинских наук, профессор Ростовского государственного медицинского института Александр Рубенович Ханамиров; видный специалист в области рентгенологии, доктор медицинских наук, профессор Михаил Вартанович Бабаев и др.¹

Необходимо также выделить вклад донских армян в развитие естественных и технических наук в Донском крае: доктора химических наук, профессора, заведующего кафедрой аналитической химии Ростовского государственного университета Константина Николаевича Багдасарова; доктора биологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Ованеса Григорьевича Чораяна; доктора технических наук, профессора, проректора Ростовского института инженеров сельхозмашиностроения Владимира Карповича Тепинкичиева; создателя получившей международное признание научной школы по проблемам совершенствования расчета и планирования легких преднапряженных конструкций, доктора технических наук, профессора Рафаэля Леоновича Маиляна и других.

Значительный вклад в развитие гуманитарных и социально-экономических наук, подготовку высококвалифицированных кадров внесли такие донские армяне, как известный философ, создатель научной школы исследования проблем диалектической логики и теории познания, доктор философских наук, профессор Артавазд Михайлович Минасян; известный ученый-языковед, доктор филологических наук, профессор Томаз Григорьевич Хазагерев; видный ученый-педагог, доктор педагогических наук, профессор Оган Степанович Чубарьян и другие.

Особенно следует выделить вклад донских армян в развитие донской музыкальной культуры. Одним из основоположников и создателей эстрадно-джазового образования в России, первым в стране профессором эстрадной и джазовой музыки, воспитавшим лауреатов международных конкурсов и фестивалей, первым заведующим отделением эстрадной и джазовой музыки в Ростовском училище искусств, а затем Ростовской государственной консерватории имени С. В. Рахманинова был талантливый музыкант Ким Аведикович Назаретов. Его именем назван музыкальный Центр в Ростове-на-Дону, где регулярно проводятся международные конкурсы джазовой музыки, в которых участвуют известные отечественные и зарубежные музыканты. Много лет руководил Ростовским симфоническим оркестром профессор Ростовского музыкально-педагогического института, заслуженный артист Армянской ССР Роман Григорьевич Каспаров. Блестящим пианистом, талантливым пропагандистом классической музыки, педагогом, воспитавшим победителей международных и отечественных музыкальных конкурсов была профессор Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова Сусанна Борисовна Арабкерцева. Композитором, сочинив-

¹ См. Багдыков М. Г., Багдыков Т. М., Багдыков Г. М. И дай место врачу. Из истории нахичеванской донской медицины, Ростов н/Д, 2006.

шим немало популярных песен был почетный гражданин Ростова-на-Дону Георгий Михайлович Балаев. Уникальным феноменом, олицетворяющим органическое взаимопроникновение русской и армянской музыкальных культур, является наш современник, создатель и художественный руководитель Ростовского профессионального оркестра русских народных инструментов, профессор Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова, заслуженный деятель искусств РФ, основатель и первый руководитель Нахичеванской-на-Дону армянской общины, талантливый музыкант и общественный деятель Крикор Дзеронович Хурдоян¹.

Особо следует выделить значительный вклад донских армян в развитие краеведения на Дону. Еще в 1892 г. в Ростове-на-Дону вышла книга фольклориста Геворга Тиграняна «Пословицы, поговорки и изречения армян Нового Нахичевана», а в начале XX в. краевед, лингвист, историк Геворг Симонович Джалашьян опубликовал книгу «Толковый словарь Нор-Нахичеванского диалекта». В начале XX в. талантливый историк, литературовед и этнограф Ерванд Овагемович Шах-Азиз сочинил замечательные краеведческие книги «Нор-Нахичеван и норнахичеванцы», «История учебного дела в городе Нор-Нахичевани» и другие, которые и сегодня служат источником изучения истории армянской общины на Дону. Традицию литературного краеведения в нашем крае основал журналист Аркадий Александрович Айрумян, который опубликовал в центральных и донских журналах и газетах десятки очерков и статей о жизни и творчестве М. А. Шолохова, А. С. Серафимовича, М. Л. Налбандяна, Р. Г. Патканяна и др.

Эта краеведческая эстафета была подхвачена современными исследователями, среди которых прежде всего следует выделить книги Минаса Георгиевича Багдыкова, известного врача, талантливого краеведа, который в своих работах «Нахичеванские находки» (1999), «Возвращаясь к истокам. Из бесед с пастырем» (2010), «...И дай место врачу. Из истории нахичеванской донской медицины» (в соавторстве, 2007) воссоздал портреты многих известных нахичеванцев. Следует также отметить исследовательские работы донского историка Руслана Геннадьевича Тикиджьяна, посвященные истории и культуре народов Дона. Выделяются и исследовательские работы доктора исторических наук, профессора ЮФУ Саркиса Суменовича Казарова, основанные на архивных материалах, посвященные истории Армянской Апостольской церкви на Дону, роли нахичеванского купечества в развитии экономической жизни на Юге России. Значительный вклад в развитие краеведения на Дону вносит кандидат исторических наук Сергей Михайлович Саядов, автор-составитель ряда краеведческих книг, посвященных истории переселения армян на Дон. Его заслугой является организация самой большой в мире армянской электронной энциклопедии «Хайазг». Он выполняет обязанности исполнительного директора Ростовской региональной общественной организации «Нахичеванская-на-Дону армянская община». Следует также отметить плодотворную исследовательскую и пропагандистскую краеведческую работу врача, члена Союза писателей России Георгия Минасовича Багдыкова, который, следуя семейной традиции, опублико-

¹ См. Культура Дона в лицах, Ростов н/Д, 1997; Багдыков Г. М., Кавказские корни, Ростов н/Д, 2014.

вал книги «Из истории донских армян» (2006), «Краткая история Нахичевани-на-Дону» (2013), «Кавказские корни» (2014), многочисленные статьи в ростовских газетах, посвященные истории г. Ростова-на-Дону и Нахичевани.

Следует отметить большой вклад в развитие донского краеведения, в изучение истории армянской общины на Дону русских историков и журналистов – Владимира Сергеевича Сидорова и Владислава Вячеславовича Смирнова. В. С. Сидоров подготовил и опубликовал «Энциклопедию старого Ростова и Нахичевани-на-Дону» (вышли 5 томов этого уникального труда). Талантливый филолог и журналист, доктор филологических наук, профессор ЮФУ В. В. Смирнов подготовил десятки книг, статей, посвященных донской истории, истории армянской общины. В 2014 г. он опубликовал замечательную по богатству фактического материала «Летопись Нахичевани-на-Дону».

Автор данной статьи отдает отчет в том, что в ней предпринята попытка осветить только часть того большого вклада, который внесли представители армянской общины на Дону в развитие армянской, российской и региональной донской культуры. Сам предмет этой статьи ограничен задачей охарактеризовать вклад донских армян в развитие культуры. В ней говорится о деятельности наиболее талантливых их представителей, родившихся в основном в Донском крае. На Дону добросовестно, плодотворно трудились и трудятся тысячи учителей, врачей, библиотекарей, работников культуры, журналистов, издателей, артистов, художников армянской национальности, которые повседневно вносят свою лепту в развитие донской региональной культуры.

Не менее весомый вклад внесли местные армяне в хозяйственное освоение донской земли, Юга России, в развитие предпринимательства¹, промышленности, сельского хозяйства, в победу советского народа в Великой Отечественной войне. Среди современных донских армян немало руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий, строительных организаций, учреждений культуры и бытового обслуживания, библиотек, школ, депутатов Ростовского областного законодательного собрания, Ростовской городской думы, руководителей администраций городов и районов нашей области, бизнесменов, генералов и офицеров российской армии.

Все достижения донских армян (и это неоднократно подчеркивали и подчеркивают представители армянской общины) стали возможны в атмосфере дружбы и братства, которая окружала и окружает армянских переселенцев от их первого приюта на Донской земле до наших дней со стороны русского населения, представителей других народов этого края, благодаря всесторонней поддержке администрации Ростовской области, городов, руководителей районных администраций. Армяне на Дону обрели вторую родину, благодарно вносят свой вклад в атмосферу созидания, дружбы и братства многонационального Донского края.

¹ См. **Казаров С. С.**, Нахичеванское купечество (конец XVIII-начало XX века), Ростов н/Д, 2012.

Գերման Մատվեն – Դոնի հայերի ներդրման մասին հայկական, ռուսական և Դոնի տարածաշրջանային ենթամշակույթի մեջ

Հոդվածում ներկայացվում է Եկատերինա II-ի հրավերով 1778 թ. Ղրիմից Դոն եկած Անիի հայերի արդյունավետ փոխգործակցությունը ռուսական մշակույթի և այդ տարածաշրջանի մշակույթի հետ: Բազմաթիվ գիտական և գրական աղբյուրների վրա հիմնվելով՝ հեղինակը բնութագրում է Դոնի հայերի բազմակողմանի ներդրումը հայկական և ռուսական մշակույթի մեջ: Հոդվածում լուսաբանվում է Դոնի հայերի նշանակալի դերը Դոնի մարզի մշակույթի, ճարտարապետության, երաժշտության, գրականության, արվեստի, գիտության և գավառագիտության մեջ:

German Matveev – *On the Contribution of Don Armenians in Armenian, Russian and Regional Don Subculture*

The article presents the effective interaction of Ani Armenians having come from Crimea to Don in 1778 at the invitation of Katherin II with Russian culture and the culture of that region. Guided by numerous scientific and literary sources, the author describes the varied contribution of Don Armenians to Russian and Armenian culture. The article elucidates the significant role of Don Armenians in the culture, architecture, music, literature, art, science and study of the local lore of Don region.

Based on numerous scientific and literary sources, the author describes the varied contributions of Don and Russian culture. The article covered a significant role in the Rostov-on-Don region, culture, architecture, music, literature, art, science and invited into.

РЕЦЕНЗИИ

С. М. Степаняц (Кертюх), История казачества в Армении. Материалы национального архива Армении и Военно-исторического архива РФ, Сборник, Ереван, Вэлас Принт, 2013, 228 с.

Ս. Ս. Ստեփանյանց (Քերթոյ), Կազակութեան պատմությունը Հայաստանում: Հայաստանի ազգային արխիվի և ՌԴ Ռազմա-պատմական արխիվի նյութեր, ժողովածու, Երևան, Վելաս Փրինտ, 2013, 228 էջ

Рецензируемая книга, представляющая собой собрание архивных документов и материалов, составлена известным армянским историком и журналистом С. М. Степанянцем интересна и своевременна. Актуальность проблем истории российского казачества в Армении и Закавказье весьма высока и в последнее время вызывает все возрастающий интерес не только исследователей, но и всех так или иначе связанных с этой темой читателей, представителей армянских и российских казачьих организаций, в том числе молодёжи. Книга С.М. Степанянца несомненно обратит на себя внимание не только для специалистов-историков, этносоциологов, но и широкого круга читателей. Автор уже много лет работает над этой проблематикой, опубликовал несколько заметных статей и очерков¹.

Предлагаемая читателю новая исследовательская работа автора носит серьёзный источниковедческий и историографический характер, с археографическим подходом к обнаруженному в архивах, отобранному и глубоко проанализированному материалу.

В основу сборника легли 150 документов и материалов, обнаруженных автором в 8-и фондах Национального архива Армении и в 2-х фондах Центрального государственного военно-исторического архива РФ.

Не менее значимым является обширное предисловие (с. 5-18), представляющее собой весьма качественный историографический очерк, посвящённый истории казачества в Армении, с оценкой его деятельности в разные периоды.

Данный очерк даёт возможность начинающему исследователю и рядовому читателю вникнуть в общую историческую канву становления армяно-российских и армяно-казачьих отношений и их поэтапного развития. Кроме того, очерк помогает читателю изучить предложенные в сборнике материалы, которые в большинстве своём впервые вводятся автором в научный оборот, что и составляет их особую ценность.

Специалистам-исследователям истории донского, кубанского, терского, сибирского, уссурийского казачьих войск будет особенно важно выявить и проанализировать вклад отдельных казачьих военных формирований в войнах

¹ См., например: **Степаняц С. М.**, Казаки в Армении, «Военно-исторический журнал», 2007, № 6.

Российской империи на Кавказе в XIX веке, в ситуации кануна Первой мировой войны на театре боевых действий Кавказского фронта в 1912-1918 гг., а также начала репрессий и расказачивания в Армении в 1918-1920 гг. (документы № 1-117, с. 19-138). Весьма интересны и документы церковных православных приходов и церквей, метрические книги, которые позволяют выявить и обобщить примерное количество семей казаков, их территориальное расселения, бытовые вопросы и др. (документы № 118-150, с. 139-209). Представляют интерес и фотодокументы (8 фотографий казаков в Армении в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг.).

Для издания научно-источниковедческого характера весьма значимы подробные указатели, подготовленные автором: именной (с. 214-221) и географический (с. 222-227).

На наш взгляд, книга С. М. Степанянца заслуживает высокой научной и общественной оценки. Знакомство с очерком и материалами сборника бесспорно будет содействовать укреплению интереса к данной тематике и продолжению серьезных исследований в этом направлении со стороны армянских и российских исследователей, послужит укреплению дружбы и возрождения традиций казачества на армянской земле.

РУСЛАН ТИКИДЖЬЯН

С. М. Саядов, У истоков русского арменоведения: историографический обзор, Ереван, Издательство ЕГУ, 2015, 336 с.

Մ. Մ. Մաշտոցի, Ռուսական հայագիտության ակունքներում. Գիտնաբանական ակնարկ, Երևան, ԵՊՀ հրատարակչություն, 2015, 336 էջ

Предметом нашего краткого обзора является обобщающий труд известного общественного деятеля, историка С. М. Саядова, в котором представлены результаты его многолетних исследований проблемы зарождения русской школы арменоведения¹. В рецензируемой книге речь идет об исследовании опыта сотрудничества русского писателя С. Н. Глинки и представителей армянского дворянского рода Лазаревых в 30-х годах XIX века по подготовке и изданию публикаций, касающихся истории армянского народа².

Сегодня, когда историческая наука на постсоветском пространстве переживает не лучшие времена, появление работы, посвящённой историографии русско-армянских отношений, само по себе примечательное явление.

Актуальность темы исследования определяется как объективными факторами, в частности, наличием давних исторических и духовных связей русского и армянского народов, геополитическими интересами России на Кавказе, ролью армянской диаспоры в России, так и потребностями исторической науки. Изучение истории и культуры Армении в России восходит к XVIII веку, когда начался систематический сбор материалов, касающихся армянского населения, проживающего на территории империи. С начала XIX века, в связи с политико-экономическим освоением Закавказья, интерес к истории армянского народа усилился. Сочинения С. Н. Глинки, посвящённые Армении, изданные в

¹ См.: Саядов С. М., «Тифлиские ведомости» об Армении и армянах, ИФЖ, 1983, № 2-3, с. 212-223; *его же*: Лазаревы и история армянского народа, Вторые Лазаревские чтения, М., 2003; *его же*: Сергей Глинка и история армянского народа, Глинка С. Н., Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времён Армении, Ростов н/Д, 2003, с. LX-LXXII; *его же*: Глинка С. Н.: от русской истории к истории армянского народа, Ереван, 2006; *его же*: Работы С. Н. Глинки по истории Армении в азербайджанской историографии (обзор интернет-изданий), Вестник общественных наук Национальной АН Республики Армения, 2006, № 2 (616); *его же*: Углубление русско-армянских культурных связей в первой трети XIX в., Гуманитарий. История и общественные науки. Сб. научных трудов, М., 2007, вып. 4., с. 125-134; *его же*: Русско-армянские культурные связи в истории России первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 2008; *его же*: Арменоведение в России: историографический очерк, Материалы II международного арменоведческого конгресса «Арменоведение и вызовы современности», 17-19 октября 2013 г., Ереван, 2013.

² Имеется в виду издание в Москве в Лазаревском институте восточных языков комплекса работ С. Н. Глинки: «Две повести в стихах, почерпнутые из древних армянских летописей» (1831), «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времён Армении» (1831), «Обозрение истории армянского народа от начала бытия его до возрождения области Армянской в Российской империи» (1832), а также коллективного трёхтомного труда: «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (1933-1838).

Лазаревском институте восточных языков до сих пор ещё не стали предметом специального изучения, хотя различные аспекты творчества писателя всегда были в поле зрения исследователей¹.

В последнее время появились работы, в которых рассматривается мировоззрение С. Н. Глинки как одного из видных представителей консервативного направления общественной мысли. Так, в работах А. Ю. Минакова, Н. Н. Лупарёвой² уделяется преимущественное внимание его сочинениям по отечественной истории. Его труды армянской тематики, если и упоминаются, то в самом общем плане, с точки зрения его внешнеполитических взглядов. Между тем именно эти работы, а также разнообразные записки³ сохраняют своё значение и активно используются исследователями истории литературы и общественной мысли. Среди своих многочисленных произведений С. Н. Глинка особо выделял работы по армянской истории. В письме к Х. Е. Лазареву он писал 23 декабря 1832 г.: «Я отжил на поприще чернильном. Но армянская моя история будет жить под небосклоном европейским <...> я почитаю её вещим произведением пера моего»⁴.

Арменоведческие работы С. Н. Глинки исследовались историками и литературоведами⁵, однако в этих исследованиях не в достаточной мере объясняются обстоятельства, обусловившие его обращение к арменистике, не рассматривается его вклад в русскую историографию армянского народа. Работы С. Н. Глинки как единый комплексный труд и, прежде всего, как результат сотрудничества русского писателя с Х. Е. и И. Е. Лазаревыми, до сих пор не были предметом специального исследования.

В литературе по истории ориенталистики в России, в частности, в исследованиях, посвященных Лазаревскому институту восточных языков (ЛИВЯ)⁶,

¹ **Божерянов И. Н.**, Сергей Николаевич Глинка, «Русский вестник», 1895, т. 237, № 3; **Замотин И. И.**, «Русский вестник» Глинки, Отечественная война и русское общество 1812-1912, М., 1912, т. V, с. 130-138; **Киселёва Л. Н.**, Система взглядов С.Н. Глинки (1807-1812 гг.), Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение. Учёные записки Тартуского государственного университета, Тарту, 1981, вып. 513, с. 52-72; **Володина Т. А.**, Сергей Николаевич Глинка, Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия, Воронеж, 2005, с. 142-170 и др.

² См.: **Минаков А. Ю.**, Русский консерватизм в первой четверти XIX века, Воронеж. 2011; **Лупарева Н. Н.**, «Отечестволубец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки, Воронеж, 2012.

³ См.: «Записки о 1812 годе», СПб., 1836; «Записки о Москве», СПб., 1837; «Записки Сергея Николаевича Глинки», СПб., 1895.

⁴ Цит. по: **Арешян С.Г.**, Армянская печать и царская цензура, Ереван, 1957, с. 397.

⁵ См.: **Арешян С.Г.**, Из предыстории арменоведения в России, Известия АН АрмССР. Общественные науки, 1955, № 1, с. 3-12 (на армянском языке); **Мкртчян Л.**, Армянская поэзия и русские поэты XIX-XX вв, Ереван, 1968, с. 12; **Григорьян К.Н.**, Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X-начало XX в.), Ереван, 1974, с. 175-176; **Хачатрян Р.Г.**, Русская историческая мысль и Армения (XVII-нач. XIX вв.), Ереван, 1987, с. 329, 335, 340, 350; **Акопян Э.А.**, Арменоведение в России, Ереван, 1988, с. 71-81.

⁶ См.: **Зиновьева А.В.**, Очерк Лазаревского Института с биографией учредителей института, М., 1863; 75-летие Лазаревского института восточных языков (Исторический очерк с приложениями), М., 1891; **Дилоян В.А.**, Хозяйственная, политическая и культурная деятельность Лазаревых в

отсутствуют сведения о руководстве Х. Е. и И. Е. Лазаревыми подготовкой к изданию истории армянского народа.

Итак, опираясь на многочисленные исследования о С. Н. Глинке как видном представителе консервативного лагеря, о Лазаревых и их вкладе в укрепление русско-армянских отношений, о ЛИВЯ как крупнейшем центре армянского просвещения в России, С. М. Саядов в своей монографии впервые показал, где и каким образом пересекается творчество русского писателя с деятельностью Лазаревых, исследовал их совместную работу над трудами по армянской истории на базе ЛИВЯ, который превратился в центр изучения Армении в России. С. М. Саядов опирался в своих исследованиях не только на анализ историографии первой трети XIX века, труды арменоведов последующих поколений, но и на выявленные им в архивах новые документальные свидетельства об издании «Обозрения истории армянского народа» в 30-е годы XIX века в ЛИВЯ, которые он впервые ввёл в научный оборот.

Последовательно выстраивая свою исследовательскую программу, С. М. Саядов в 2003 г. задумал ряд публикаций, объединённых серией «История Армении в России» («ИАР»)¹. Открытие серии способствовало постановке и решению задач не только научного, но и просветительского плана, вносило посильный вклад в дело укрепления взаимопонимания русского и армянского народов. С. М. Саядов не только исследовал сотрудничество русских и армянских историков в 30-е годы XIX века, их совместную работу над многотомной историей армянского народа, но и возродил это сотрудничество в современных условиях главным образом на основе собственной научной и общественной деятельности².

Первой публикацией в серии «ИАР» было репринтное переиздание книги С. Н. Глинки «Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России, с кратким предварительным изложением исторических времен Армении»³. В книге речь шла о начале работы С. Н. Глинки над армянской историей, связи этой истории с современными для того времени процессами переселения армян, присоединением Восточной Армении к России. Во второй книге, изданной при поддержке Института истории НАН РА, рассказывалось о жизни и творчестве С. Н. Глинки, его совместной с Лазаревыми работе над историей армянского народа⁴.

В новой монографии С. М. Саядова, которая продолжает серию «ИАР», впервые в историографии всесторонне рассмотрен вопрос об истоках русской арменистики. В период присоединения Восточной Армении к России видные об-

России во второй половине XVIII века, Ереван, 1966 (на армянском языке); История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года, М., 1997 и др.

¹ Серия «ИАР» предположительно включает литературу, посвящённую теме изучения истории Армении в России, истории армянских поселений в России: «российской» части «диаспорной» истории Армении и – шире – истории армяно-русских отношений.

² С.М. Саядов участвует в налаживании творческих связей арменоведов Армении и России, организации научных конференций, публикации книг по истории донских армян, готовит к изданию впервые на русском языке журнал «Вопросы арменоведения», разрабатывает самую крупную русскоязычную Интернет-энциклопедию об армянах.

³ Глинка С.Н., Описание переселения армян, Ростов н/Д, 2003.

⁴ См.: Саядов С.М., Глинка С.Н. От русской истории к истории армянского народа, Ереван, 2006.

щественные деятели Лазаревы выступили авторами проекта создания произведений по истории армянского народа. Речь шла о поиске историко-культурных и общественно-политических предпосылок укрепления взаимопонимания двух народов. Этот проект являлся составной частью их культурно-просветительской деятельности, направленной на возрождение Армении при поддержке России, восстановление её традиционной государственности, независимости, культуры. Произведения по истории армянского народа были призваны способствовать решению следующих задач: обобщить имеющийся к тому времени фактический материал по истории Армении; показать истоки русско-армянских связей; познакомить читателей с историей и культурой армянского народа; переосмыслить эту историю с точки зрения современных событий, связанных с русско-иранской войной 1826-1828 гг., переселением армян, вхождением части Армении в состав Российской империи; обосновать необходимость предоставления широкой автономии Армянской области; рассказать об исторической роли семьи Лазаревых в укреплении русско-армянских отношений. О том, как был реализован этот проект рассказывается в данной книге.

Основная цель и особенность монографии С. М. Саядова связана с её историографическим форматом, в рамках которого автор стремился определить место исторических сочинений С. Н. Глинки в системе представлений об истории Армении, сложившихся в России в первой трети XIX века. В результате своего исследования он пришёл к выводу о том, что Х. Е. и И. Е. Лазаревы и С. Н. Глинка стояли у истоков становления русской историографии истории Армении. С появлением работ С. Н. Глинки, по мнению автора, завершился этап разрозненных исследований по истории Армении в России, эти работы были в определённом смысле рубежом в развитии исторических знаний, положив начало новому этапу научного исследования истории Армении в России.

Предлагаемая вниманию читателя книга состоит из введения, трёх глав и приложения. Во введении дан обзор современного состояния арменоведения в условиях острого идеологического противостояния в формирующемся многополярном мире. Говоря о задачах арменоведения в России, автор обращает внимание на необходимость углубления и расширения сотрудничества учёных российской диаспоры и Армении.

В первой главе раскрываются объективные и субъективные предпосылки формирования русской арменистики. В ней речь идёт о том, что вслед за продвижением Российской империи на Кавказ возникали потребности в хозяйственном освоении новых земель, расширялся интерес к этому региону, его народам, их истории и культуре. Появляются научные труды, периодические издания, мемуарная литература. Весь этот корпус источников первой трети XIX века проанализирован автором во второй главе монографии, которая посвящена историографическому исследованию темы «Армения в русской исторической литературе 1-й трети XIX века». С. М. Саядов убедительно показал, что на рубеже XVIII-XIX веков в России наметился заметный рост публикаций об Армении и армянах. Основная тематика этих сведений позже найдёт отражение и в трудах С. Н. Глинки.

Третья глава монографии характеризует особый этап русской историографии истории Армении, связанный с именами С. Н. Глинки и братьев Лазаревых, в ней рассматривается вклад работ С. Н. Глинки в изучение истории Армении в

России. Автор, опираясь на архивные документы, предпринял попытку реконструкции исследовательской лаборатории Глинки и Лазаревых в процессе работы над «Обозрением истории» и «Собранием актов».

В приложении книги представлена более полная по сравнению с предыдущей публикацией¹ подборка архивных документов о совместной работе С. Н. Глинки с Х. Е., И. Е. Лазаревыми над историей Армении. В процессе творческого сотрудничества, как показали документы, они не только обеспечивали С. Н. Глинку материалами и источниками для написания книги, но и руководили всей работой в целом: от постановки целей и задач, нахождения и привлечения редакторов, координации и организации всего процесса работы до обеспечения цензурного рассмотрения и издания книг. Приложение содержит списки тематической библиографии, биохронику С. Н. Глинки, фрагменты генеалогии родов Глинок и Лазаревых, изложение основных идей «Обозрения истории» об исторической судьбе армянского народа и его вкладе в историю человеческой цивилизации.

Приложение также содержит документы об оценке современниками книг по истории армянского народа. С. М. Саядов на конкретных примерах показал, как используются сочинения С. Н. Глинки в современной идеологической борьбе в контексте критики фальсификаций истории Закавказья.

Итак, книга С. М. Саядова, на наш взгляд, не останется без внимания не только специалистов-гуманитариев, но и широкого читателя. Она займёт своё достойное место в ряду современных исследований истории русско-армянских отношений.

В заключении позволим себе сказать ещё два слова об авторе монографии. Отличительной особенностью С. М. Саядова как исследователя является постоянный интерес к историческому источнику, бережное отношение к каждому письменному свидетельству прошлого. Завершив работу над монографией, он не смог оставить без внимания трёхтомное «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа» (1833-1838). Эти документы представляют большой интерес для историков, специалистов по международным отношениям и др., а также для всех, кто считает своим долгом знать историю Армении в связи с историей соседних народов. «Собрание актов» давно стало библиографической редкостью. В настоящее время С. М. Саядовым подготовлено репринтное издание этого трёхтомника², дополненного четвёртым томом, содержащим комментарии и научно-справочный аппарат. Издание этих книг продолжит серию «История Армении в России».

ВЛАДИМИР ГАБДУЛИН

¹ Там же, с. 180-220.

² Пока опубликована первая часть данного издания. См.: Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа, часть I, Ереван, 2014.

А. К. Мацанов, Чёрные журавли, Ростов н/Д, Ковчег, 2010, 354 с.

Ա. Կ. Մաճանով, Մի կրակնկիւնք, Դոնի Ռոստով, Կոչպեգ, 2010, 354 էջ

Приступая к написанию своего романа-притчи «Черные журавли» Аркадий Мацанов поначалу намеривался рассказать о судьбе великого армянского композитора, священника Комитаса (Согомон Согомонян). О человеке, чьим даром собирателя и интерпретатора не только армянского, но и курдского, турецкого, персидского песенного фольклора и старинных духовный песнопений восхищались европейские коллеги. Гуманист, творец, мыслитель, выбрав стезю духовного пастыря народа, которому принадлежал от рождения, он вместе со своим народом прошел и через все испытания, выпавшие на его долю – унижение, гонения, наконец, резню, унесшую жизни по очень скромным подсчетам около двух миллионов жизней. Ту резню, что в общечеловеческой исторической памяти имеет страшное, но и точное название Геноцид армянского народа 1915 г. Разум Комитаса, устремленный в сторону добра и созидания, наполненный состраданием к ближнему («богатые и бедные, белые и смуглые, все одинаковы в том, что все очень несчастные») не принял происшедшего. Отказался принимать. Мировое сообщество, объединившись, добилось того, чтобы вывезти музыканта из залитой армянской кровью, обезумевшей Османской империи во Францию. Но, увы, было слишком поздно. Остаток своих дней Комитас провел под Парижем в лечебнице для душевнобольных.

Врач-онколог по своей начальной профессии, а потом уже писатель, Аркадий Мацанов, распознав очаг болезни, которым была охвачена Турция в начале XX века, назвав диагноз – национализм в самой страшной и омерзительной форме, – не мог не заглянуть дальше, попытаться понять, где ее истоки, куда она, в конечном итоге, может завести человечество. И завела... Метастазы распространились по всему телу планеты. Известна фраза Гитлера, который, вдохновляя в 1930-е годы своих последователей на преследование и убийство евреев, заметил: «Кто сегодня помнит об истреблении армян...». Не однажды на протяжении последующих десятилетий люди вспомнят эту фразу, запоздало каясь в том, что не дали в свое время должной и твердой оценки геноциду армян. Кто знает, может тогда не было бы и Холокоста, других конфликтов, в основе которых лежала межнациональная нетерпимость.

Примечательно, что Аркадий Мацанов по национальности не армянин. Хотя и похож на армянина внешне. Хотя и воспитывался в Армении в годы Великой Отечественной войны, куда его, семилетнего одесского мальчика вместе с мамой и старшим братом, занесла судьба беженца. Он – еврей. И никогда, ни при каких обстоятельствах, не отрекался от своего еврейства. Но при этом он и человек мира. У него болит сердце не только за народ, к которому принадлежит по праву рождения, не только за армян, среди которых провел детские годы,

которых знает, чувствует и любит как свой народ. Он, называя себя русским евреем, горячо любит Россию, страну в которой живет сам, где живут его дети, внуки и уже правнуки (повесть «Шелковица», «Покаяние»...). Тревожно ему и за сегодняшнюю Украину, его народ (повесть «Время назад»). Ведь это страна, где он рос, учился, получил профессию. Болела у него душа и за чеченцев (рассказы «Две правды», «Волчонок», повесть «Высший суд»), когда там в 1990-е годы шла война. Обо всех этих своих терзаниях, мучительных размышлениях над природой человека, вставшего на тропу животной межвидовой неприязни, озверения общества в целом, он и пишет. Но, вскрывая писательским пером, точно скальпелем хирурга, болевые точки, он не глумится над «больным», не тычет пальцем, осуждая и унижая, а лечит, объясняет, увещевает, наконец, утешает.

Вот и в романе-притче «Черные журавли», казалось бы, что может быть трагичнее, чем судьба Комитаса? Но он находит писательские ходы, благодаря которым, проведя героев через тревоги и ужасы двадцатого столетия, не только дает им возможность выжить, спастись физически, но и выстоять, сохранить в себе Человека. Больше того, роман приводит читателя к некоему радостно-знаменательному событию, который вдохновляет, окрыляет, дает силы жить дальше. Своей писательской волей он, точнее его герои, спасли не только Комитаса, но и... Дневник композитора. Правнучка друга композитора Антуанетт привезла их из Франции в Ереван уже в начале XXI века, преподнесла в дар армянскому народу.

Разумеется, это вымысел. Но как в него хочется верить! Тем более, что «отрывки» из Дневника так правдиво, так достоверно описывают и то что происходило во время резни, и что об всем этом думал, должно быть, сам Комитас.

Одновременно хочется обратить внимание и на тот небольшой литературный подвиг, что совершил Аркадий Мацанов (к сожалению, не замеченный читателями и принятый ими как данность): он придал строй и рифму подстрочникам нескольких стихов Комитаса, вплетя их в русло повествования.

День-деньской
Держи фонарь зажженным,
О жизни пой!..
Как мысли светоч –
Та песнь необходима!
Держи фонарь неугасимым,
Как сердца струны,
Пусть они звучат!
О, мой народ!
Ты как Христос, распят!..

У каждого героя повествования «Черные журавли» был свой крестный путь. У армянки Ануш, дочери турецкого издателя Крикора Адамяна, и ее мужа немецкого инженера Генриха Рунге... У их сына Мишеля и его жены еврейки Софии, с которой он познакомился во французском Сопротивлении... У их дочери Катрин, специального корреспондента французской газеты «Юманите» и ее мужа, сербского публициста Владко Дожица, убитого за свои правдивые материалы, призывающие народы бывшей Югославии опомниться, прекратить предъявлять друг другу бредовые претензии... Потом уже у их дочери Антуанетт, зани-

мающейся исследованием истоков межнациональных конфликтов и ее мужа, французского кардиолога Поля... Проживая вместе с ними их судьбы, читатель, по сути, проживает и весь XX век. Страшный, постыдный, кровавый. За этот век современные турки, в отличие от немцев, попросивших прощения у евреев и прощенных ими, так и не нашли в себе мужества признать совершенный их предками геноцид, осознать и покаяться в содеянном, а потому армянам не у кого пока принять покаяние. Простить.

Когда Антуанетт и Поль уезжали из Еревана, где в Национальной библиотеке оставили принадлежащие армянскому народу по праву Дневник Комитаса, проводить их в аэропорт пришел их друг, армянский философ, которого все называли Отшельником.

«Его пытались оттеснить, но он стоял как скала. Сказал что-то на прощанье и добавил:

– Перечитываю дневники вашей прабабушки. Я вам их переводил с турецкого на французский, а теперь надо перевести и на армянский.

Антуанетта ответила:

– У меня не выходит из головы сцена, как турки рубили саблями женщин и детей и сами при этом были перепачканы. Их одежда была в крови.

– Они до сих пор в ней ходят.

Он горько усмехнулся, успев пожать руку Полю и Антуанетт, отошёл, уступая место другим, пришедшим попрощаться».

Казалось, залитый кровью невинных людей XX век должен был озлобить героев романа. Ведь на долю каждого поколения семьи, бежавшей в 1915 г. от геноцида, пришлось своя война. Эти люди меняли страны, языки, национальности. Но одно оставалось неизменным – ужас межнациональной розни, безумие, которому они отчаянно, честно и смело сопротивлялись. Пережив все, они выстояли. И они продолжились уже в новорожденной дочери Антуанетт и Поля – Софии. На этом – рождении новой жизни – заканчивается роман. Так хотелось бы, чтобы на долю девочки не пришлось её война. Так хочется верить, что когда-нибудь «народы, распри позабыв, в единую семью сольются». К сожалению, сегодняшняя жизнь не дает нам повода быть уверенными в том, что подобное не может повториться, что все осталось позади в том, страшном двадцатом столетии. Черные журавли еще летят...

НОННА МИРЗАБЕКОВА

В. З. Акопян, Артвин. Оставленная родина на берегу Чороха, М., Международный литературно-исторический фонд им. М. Лермонтова, 2013, 448 с.

Վ. Ջ. Հակոբյան, Արդվին: Ճորճիւի արհին լրված հայրենիքը, Մոսկվա, Մ. Լերմոնտովի անվան միջազգային, գրական-պատմական ֆոնդ, 2013, 448 էջ

В 2013 г. в Москве в издательстве «Международного литературно-исторического фонда им. М. Ю. Лермонтова» вышел в свет труд известного историка, кандидата исторических наук, доцента Пятигорского государственного лингвистического университета Виктора Завеновича Акопяна «Артвин. Оставленная родина на берегу Чороха».

Неискушенному читателю само название небольшого городка на севере Турции мало кому известно и ни о чем не говорит. А вот подзаголовком автор сразу же вводит читателя в проблематику, хорошо знакомую каждому армянину. Книга посвящена Артвину и тогдашним жителям этого города – артвинским армянам, которые ровно 100 лет назад вынуждены были покинуть свой отчий дом и обрести новую родину – по большей части, в России, а также в других странах.

Удивительна трепетная любовь сегодняшних артвинцев к земле предков. Они не видели ее, они не знали ее, но они выросли в атмосфере ностальгических воспоминаний своих бабушек и дедушек, которые так страстно любили свою маленькую родину, свой язык (диалект), свою культуру, свои обычаи. Этот устойчивый патриотизм и безграничная любовь к Артвину передались последующим поколениям на генетическом уровне.

Автор проделал огромную работу по сбору фактического материала, разыскивал информантов, обобщал и систематизировал порой обрывочные воспоминания и высказывания в ходе личных встреч и бесед с артвинцами, разбирал старые записи, находил старинные фотографии. Ему удалось воссоздать реалистичные картины жизни прошлого Артвина и его обитателей, проследить за судьбами сегодняшних потомков, оценить вклад представителей этого небольшого городка в науку, историю, философию, живопись, спорт и другие сферы жизни как в России, так и в других странах мира. Судьбы отдельных людей и фамилий гармонично вплетаются автором в исторические события того времени. Великолепна портретная галерея артвинцев, представленная в книге на 200 страницах!

Не будучи артвинцем, историк В. З. Акопян сумел воссоздать и объективно представить стройную летопись жизни и быта артвинцев, историческое прошлое города и хронологию событий с момента его заселения нашими предками. Погружаясь в материал, изучая детали, восстанавливая семейные портреты, автор незаметно как бы сам становится очевидцем и участником событий далеких лет. Именно поэтому он так искусно передал субъективное, порой наивно-

восторженное отношение информантов к событиям прошлого, сохранил практически без изменений их не всегда «литературную» речь, донеся до нас неповторимый колорит места, времени, людей и событий.

Книга, бесспорно, интересна историкам, краоведам, многочисленным потомкам коренных артовинцев, рассеянных по всему миру, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей армянского народа, Кавказа и России.

ТАТЬЯНА ЯНУКЯН

В. В. Смирнов, Летопись Нахичевани-на-Дону: в историческом, бытописательном, статистическом и иллюстративном интерьере с приложениями, включающими важные, полезные и интересные сведения, Ростов н/Д, ЗАО «Книга», 2014, 320 с.

Վ. Վ. Սմիրնով, Դոնի Նախիջևանի տարեգրություն. Կենցաղագրական, վիճակագրական և նկարագրողական հարդարումներով կարևոր, օգտակար և հետաքրքիր տեղեկություններ պարունակող հավելվածներով, Դոնի Ռուսումով, ՋՄԿ «Գիրք», 2014, 320 էջ

Писатель, журналист, краевед Владислав Вячеславович Смирнов (1939-2014) издал 11 книг по истории Ростова-на-Дону. Широкую известность получили его книги «Крепость Димитрия Ростовского», «Покровская площадь», «Кировский сквер», «Ростов под тенью свастики», «Мир Сергея Королькова. Время. Судьба. Творчество». В.В. Смирнов был почётным членом Нахичеванской-на-Дону армянской общины. Его книга «Нахичевань-на-Дону»¹ включена в армянскую электронную энциклопедию «Хайазг».

Летом 2014 г. вышла в свет рецензируемая монография В. В. Смирнова, которая является логическим продолжением другой его книги «Летопись Ростова-на-Дону»². В.В. Смирнова можно назвать современным летописцем Ростова и Нахичевани. По сути, он создал уникальный труд, хронологическую энциклопедию, в которой обобщены все факты по истории Нахичевани. По словам автора, сама идея книги была ему подсказана Сергеем Саядовым и Арутюном Сурмаляном, директором и председателем правления Нахичеванской-на-Дону армянской общины.

Повествование в книге начинается с 1712-1713 гг., когда появились первые поселения на берегу Дона на месте будущей Нахичевани и доводится до 2013 г. Автор рассказывает о том, как появился, рос и развивался город через судьбы людей, жизнь которых была так или иначе связана с городом.

Структура книги проста и в чём-то поэтична: Вступление – *Великая поступь времени: перо и почерк истории*. Основная часть летописной хроники – *На незримых волнах времени*. Заключение – *Голос прошлого в звучании будущего*. Заключительная часть книги содержит краткий очерк истории Нахичеванской-на-Дону армянской общины и приложения, включающие именной, географический, библиографический указатели, статистические сведения и фотодокументы. О фотоматериалах книги следует сказать особо, поскольку они являются уместным и важным дополнением всего текста книги. Фотодокументы прошлого и настоящего времени дают «объёмное» представление о жизни Нахиче-

¹ Смирнов В. В., Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории. Время и люди, Ростов н/Д, 2010.

² Смирнов В. В., Летопись Ростова-на-Дону. Хронологическая энциклопедия города: События и люди, цифры и картины, Ростов н/Д, 2012.

вани и её людях, или, как говорил сам автор, «я постарался показать жизнь нахичеванцев панорамно». Редкие фото из семейных архивов не просто органично вписываются в содержание, но и сами по себе несут ценную информацию, которая достойна самостоятельного исследования.

Читателя книги не покидает ощущение того, что он находится в личном диалоге с прошлым, соприкасается с живой историей, это выражается не только в том, что в книге собраны и хронологически выстроены яркие факты о людях и событиях городской жизни, но и в том, что книга содержит редкие фотодокументы прошлых лет. Фотоматериалы самые разные по тематике, настроению, подборке, но все они повествуют о городе и о его людях, и все они живые, наглядные, запоминающиеся. Вот как об этой особенности книги говорит автор: «Посмотрите на лица людей той эпохи – они лучше всего рассказывают об их внутреннем мире»¹.

Кажется, что автор адресовал свой труд самой широкой аудитории. Книга будет интересна и молодёжи, и людям преклонного возраста, независимо от рода их занятий, она найдёт отклик и у тех, кто читает систематически, и у тех, кто предпочитает «сидеть в Интернете». Книга будет интересна и местному жителю, который почувствует свой «культурный код», свой «язык» и вместе с тем найдёт много нового о своём городе и его людях. Эта книга может быть интересна и школьнику и учёному – любому ростовчанину, не равнодушному к истории своего города.

Дизайн обложки и самой книги хорошо продуман и не банален. Ещё с детских лет, когда я ещё не умел читать, я помню, что если книгой можно заинтересоваться после пролистывания, не вникая в текст, то книга эта хорошая и скорее всего её следует прочитать. В полной мере это относится и к «Летописи Нахичевани-на-Дону». Книга притягивает, её приятно не просто взять в руки, но и хочется вначале полистать. Она будет интересна и современному спешащему молодому человеку и уже утомлённому жизнью ростовскому домоседу. Эту книгу, как и другие справочные издания, можно читать с любого места, и это будет любопытно, поскольку на каждой странице, так же как во всей книге, материал построен в мозаично-хронологическом стиле, так что каждый обязательно найдёт для себя какую-то полезную фактологию, статистику, фотоматериал и т.д.

Учёный и писатель, В. В. Смирнов любит то, о чём пишет, он любит Нахичевань и нахичеванцев, он давно изучает историю, мифологию, обычаи и культуру армянского народа, историю переселения крымских армян на Дон.

Летопись Нахичевани-на-Дону – это родословная города, вышедшая из-под пера профессионального литератора. Книга написана, если можно так выразиться, в жанре научно-популярной литературы самого высокого просветительского толка. На мой взгляд, она может быть отнесена к кругу душеполезных книг для семейного чтения, которые были широко распространены в старой дореволюционной России. Уже по своему заглавию, если его привести полностью, книга В. В. Смирнова как бы возвращает нас в прошлое: именно в таком стиле

¹ **Смысленко О.**, Халва, апельсины и русский квас..., «Ростов официальный», 30.07.2014, № 31 (1026).

назывались труды историков и писателей XVIII-XIX веков.

Летопись Нахичевани-на-Дону – это и серьёзный научный труд. В то время, когда гуманитарное знание в постсоветский период переживает глубокий ценностный кризис, на периферии появляется солидное исследование по краеведению. Книга, увидевшая свет в столице донского края, в Ростове-на-Дону, является примером современного гуманитарного исследования. В книге «Летопись Нахичевани-на-Дону» автор исследует историческое время, прошлое и настоящее своего города.

Это не только история города, это и история его архитектурного облика, история его улиц и домов, это и его научная, литературная история, история быта и нравов его жителей, это и справочник о выдающихся ростовчанах, художниках, писателях, поэтах, учёных, живших и творивших в нём, это и справочник по истории управления городским хозяйством и т.д.

Книга В. В. Смирнова «Летопись Нахичевани-на-Дону» не просто учёный труд, в котором по сути заявлен новый жанр системного исследования такого сложного социокультурного объекта как город, это образец того, как можно простым и ясным русским языком писать о самых сложных событиях и явлениях человеческой жизни. Учёный-филолог предложил нам модель описания города с точки зрения исторической, социокультурной, бытописательной. В своей книге ему удалось не только показать историко-хронологическую составляющую этого объекта, но и представить город как сообщество людей, оставивших заметный след в его истории, в истории, оживающей под пером писателя...

Книга В. В. Смирнова может вполне рассматриваться как исследование по микроистории и этнографии Нахичевани-на-Дону. Представляя свою книгу, он подчёркивал, что сознательно делал акцент на рассказе о том, как жили нахичеванцы, как они питались, одевались, отдыхали и т.д. В одном из интервью он говорил, что вся бытовая жизнь как бы уходит на второй план: «Вы ее на телевидении не найдете. А ведь она повлияла на литературу. Вот возьмите Обломова великого автора Гончарова. Там читаешь про помещичий быт, как жили. Это все, как говорят журналисты, очень «вкусно». А сейчас этого нет. Вот в этой книге я постарался максимально этот пласт ввести. По разным источникам, дневникам, записям. Это воссоздает время. Прошлое нужно любить, уважать. Не судить, как по телевидению некоторые пытаются судить. Как можно судить то, что тебе не подвластно, и ты не можешь изменить? Ну судите время, что оно быстро течет. Абсурд самый настоящий. Я считаю, что быт – одна из удач этой книги»¹.

Итак, без всякого сомнения книга В. В. Смирнова будет пользоваться большим успехом у историков, краеведов, журналистов, которые интересуются прошлой и настоящей жизнью донских армян. «Летопись Нахичевани-на-Дону» была издана к 25-летию создания Нахичеванской-на-Дону армянской общины.

Эта и другие книги Владислава Вячеславовича Смирнова внесли большой вклад в популяризацию истории и культуры донских армян.

ГЕОРГИЙ БАГДЫКОВ

¹ Вихтар Е., Летописец Ростова и Нахичевани-на-Дону. 17.07.2014. URL: <https://clck.ru/9WLE4>

ЦЕНТР АРМеноВЕДЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Центр арменоведения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (ННГУ) был создан приказом ректора вуза, профессора Е. В. Чупрунова в 2012 г. Однако история центра началась в 2000 г., когда на историческом факультете по инициативе тогдашнего декана О. А. Колобова и зав. кафедрой регионоведения А. А. Корнилова возникла Программа армянских исследований. Именно тогда начала складываться особая модель отношений «университет – община». В основе данной модели находится взаимодействие академической науки и общественно-политической (диаспоральной) практики. Армянская община Нижегородской области довольно быстро нашла взаимопонимание с академической средой и стала оказывать всемерную поддержку Программе арменоведения.

Названная программа прошла несколько важных этапов в своем развитии. Первым событием стал научный семинар в апреле 2000 г., посвященный общечеловеческой трагедии – Геноциду армян. Посол Республики Армения в Москве откликнулся на этот семинар приветственной телеграммой. Тогда в ННГУ был только один аспирант и один студент, изучавший вопросы внешней политики Республики Армения.

В следующем, 2001 г. нижегородское научное сообщество, ННГУ с коллегами из других вузов вместе с армянской общиной торжественно отметило 1700-летнюю годовщину принятия христианства Арменией. Конференция проходила в Нижегородском кремле с участием представителей Русской Православной Церкви, Духовного управления мусульман Нижегородской области, Нижегородской религиозной общины евреев, руководителей национально-культурных организаций города и области. В конференции участвовал первый вице-президент Союза Армян России С. Е. Костянян.

В том же году в ННГУ состоялась защита кандидатской диссертации аспиранта кафедры международных отношений А. Г. Симоняна на тему «Российско-армянские отношения в 90-е годы XX века». Следующая кандидатская диссертация Ю. С. Асатрянна по внешней политике Армении была защищена только в 2009 г. на тему «Геополитическая роль Армении в контексте интересов Российской Федерации на Кавказе». Однако между этими двумя событиями лежит насыщенный активной деятельностью период времени.

В 2001 г. вышла в свет книга «Российско-армянские отношения: историче-

ский опыт, стратегические вызовы и перспективы развития»¹. Тираж книги был небольшой, всего 500 экземпляров, но она моментально разошлась среди местной армянской общины, студентов ННГУ, ученых других вузов России и Армении. Авторы монографии дали характеристику современным взаимоотношениям России и Армении с учетом исторического опыта, выявили различные противоречия внутреннего и внешнего свойства, которые отягощают двусторонние отношения. Работа была выполнена на солидном фонде оригинальных источников – документах правительственных учреждений России, Армении, Турции на русском, армянском и английском языках. В заключении книги, где намечались перспективы развития российско-армянских связей, в частности, указывалось: «Взаимоотношения между Россией и Арменией существуют несколько столетий. Они всегда были дружественными и основывались на культурной, духовной и религиозной близости двух народов»². Авторы монографии подчеркнули, что «военно-политическое партнерство не представляется возможным без развития социально-экономического сотрудничества. Только стабильное развитие экономик может обеспечить безопасность и стратегические интересы государств»³.

Новацией прозвучала следующая рекомендация нижегородских ученых: «Необходимо учреждение официальных представительств Республики Армения в регионах России и представительств федеральных округов России в Армении. Опыт такой работы уже имеется в нескольких российских областях, но его необходимо развивать и в других регионах. Говоря об обеспечении безопасности и защите своих интересов, мы подразумеваем не только защиту своих территорий и границ и развитие экономики, но и сохранение своих культурных и национальных ценностей»⁴. Вместе с идеей создания представительств Армении в крупнейших российских регионах предлагалось активнее приглашать ученых РФ к выработке оптимальных механизмов взаимодействия двух стран и народов на неправительственном уровне.

Следующий этап наступил в 2003 г., когда на факультете международных отношений (ФМО) ННГУ началось преподавание армянского языка (преподаватель – профессиональный филолог, выпускница Ереванского государственного университета Регина Арутюновна Сафарян). Статус дисциплины был определен как факультативный, с 2011 г. – как второй по выбору для международных и зарубежных регионоведов. На первом курсе обучения студенты занимаются армянским языком 8 часов в неделю, на втором курсе – 6 часов, на третьем курсе – 4 часа в неделю. Армянский язык изучают студенты, обучающиеся по направлениям «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение» и факультативно – студенты-политологи и студенты других факультетов вуза. Программа армянского языка ННГУ составлена на основе учебника А. С. Маркосян «Крунк Айастан». Наряду с этим учебником используется дополнительная учебная литература, включающая самоучители армянского языка, учебники краткого курса

¹ Колобов О. А., Корнилов А. А., Симонян А. Г., Российско-армянские отношения: исторический опыт, стратегические вызовы и перспективы развития, Н. Новгород-Ереван, 2001.

² Там же. С. 83.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 85.

армянского языка, различные словари. Для руководства факультета (с 2013 г. – Институт международных отношений и мировой истории – ИМОМИ) важно, что на языковых занятиях международники, регионоведы и политологи не только овладевают разговорным и письменным армянским языком, но и отрабатывают профессиональные термины, устойчивые речевые обороты, идиомы применительно к своей специальности.

Кроме собственно языковых занятий, Р. А. Сафарян вместе с помощниками-аспирантами проводит занятия, посвященные армянской культуре, литературе и искусству. Студенты ННГУ выезжают на практику (ознакомительную, производственную и исследовательскую) в Республику Армения, где закрепляют знания изучаемого языка и находятся непосредственно в политической среде Армении, что необычайно важно для их карьерного и профессионального роста. В рамках курсовых и выпускных проектов студенты изучают проблемы внутренней и внешней политики Республики Армения, развития Спюрка (организованных армянских общин) в странах Северной Америки, Европы и Ближнего Востока. Они рассматривают сложные вопросы генезиса, эволюции и урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта, развития российско-армянских отношений в различных сферах, внимательно исследуют прошлую и настоящую культуру армянского народа. В период с 2003 г. по 2012 г. в рамках Программы арменоведения обучалось более 50 студентов ННГУ им. Н. И. Лобачевского.

С 2004 г. в Нижнем Новгороде выходит в свет журнал «НАИРИ» (ответственный редактор – профессор А. А. Корнилов). По своему жанру это альманах, по содержанию – это сборник материалов об Армении и армянской диаспоре. Альманах представляет собой комбинацию усилий ученых и студентов ННГУ, вузов Армении и активистов Нижегородской областной армянской общины. Задачи «НАИРИ» ориентированы в будущее и непосредственным образом служат укреплению российско-армянского сотрудничества. Задачи «НАИРИ» – привлечь внимание студентов, профессорско-преподавательского состава, общественности Нижнего Новгорода к актуальным вопросам истории армянского народа, его современной жизни; побудить армянскую молодежь, проживающую в Нижнем Новгороде, обратиться к истокам собственной национальной культуры и религии; обсуждать в научном формате проблемы внутренней и внешней политики, культуры Республики Армения.

Благодаря альманаху «НАИРИ» нижегородские армяне могут осознавать себя частью великого армянского народа. Но они осознают себя и частью России, и частью разбросанного по всем частям света многострадального спюрка. За 2004-2014 гг. вышло 6 выпусков альманаха. Достаточно посмотреть на тематику статей и иных материалов «НАИРИ», чтобы понять, какой большой интерес вызывает у преподавателей и студентов (а значит, у российской и армянской интеллигенции) арменоведческая проблематика. Геноцид армян, национальная миссия Армянской Апостольской Церкви, история и современное состояние Нижегородской армянской общины, специфика современной армянской дипломатии, характеристика двусторонних отношений Республики Армения с другими странами, особенности жизнедеятельности армянских общин в США, Франции, Бельгии, Грузии, арабских странах, вопрос о Нагорном Карабахе (Арцахе) – все эти и другие сюжеты отражают необычайную актуальность историко-политических проблем Армении.

Наряду с этим альманах обращается к животрепещущим граням культуры народа Армении. Устойчивый интерес армянского и российского читателя вызывают темы: «Армения Брюсова», «Матенадаран и его роль в культуре Армении», «Подвиг святого Григория Великого, просветителя Армении», «Деятельность Месропа Маштоца по созданию армянского алфавита», «Род Лазаревых и его вклад в развитие России». В журнале публикуются интервью с видными деятелями Республики Армения и диаспоры. Отзывы на статьи «НАИРИ» свидетельствуют о положительной роли, которую играет альманах в развитии армянского национального самосознания, укреплении дружественных отношений между двумя великими народами.

В 2005 г. вновь была проведена научная конференция, посвященная Геноциду армян – трагедии общечеловеческого масштаба. Конференция называлась «Геноцид армян: проблемы осмысления». Инициаторами проведения конференции выступили областная общественная организация «Нижегородская армянская община», кафедра регионоведения ФМО ННГУ, центр исследований проблем диаспоры (Институт стратегических исследований ННГУ). На конференции обсуждались вопросы исторических и политических предпосылок геноцида, политической практики геноцида армян и его последствий, особенности этнополитических и конфессиональных процессов в этническом пространстве армян, теоретические проблемы исследования политики Турции в отношении армян. Конференция 2005 г., привлекая внимание Посольства Армении, запомнилась тем, что в ней принял участие историк из Турции, кандидат исторических наук. Он выступил с идеей рассмотреть вопрос о геноциде на основе оригинальных исторических документов, хранящихся как в Армении, так и в Турции.

В декабре 2008 г. ННГУ и Нижегородская армянская община организовали и провели международную научную конференцию по актуальным проблемам внешней политики Республики Армения и деятельности спюрка. Впервые в конференции в Н. Новгороде принял участие и выступил с докладом президент Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией, член Союза писателей Армении, кандидат философских наук В. В. Кривопусков. В ходе пленарного заседания выступил и благословил конференцию священник Армянской Апостольской Церкви в Ново-Нахичеванской и Российской епархии о. Геворг Варданян. Посольство Республики Армения в лице посланника господина Манукяна направило приветствие конференции. В ходе конференции обсуждались такие темы, как: проблема признания НКР в контексте общеевропейской интеграции, роль конфессионального фактора в формировании и воспроизводстве идентичности армянского этноса и другие. С докладами и сообщениями выступили преподаватели, студенты и аспиранты факультета международных отношений ННГУ. По итогам конференции опубликован сборник пленарных докладов и статей не только преподавателей, но и студентов ННГУ¹.

26 октября 2009 г. в ННГУ состоялся «круглый стол» на тему «Проблемы и перспективы армяно-турецких отношений». В семинаре вместе с учеными и студентами ННГУ приняли участие представители Посольства Республики Арме-

¹ Проблемы и перспективы внешней политики Республики Армения и Спюрка. Материалы международной научной конференции, Н. Новгород, 2009.

ния в РФ советник М. А. Бабаян и советник Г. Г. Меликсетян. Главный вопрос встречи с армянскими дипломатами – подписанные в Цюрихе протоколы об установлении армяно-турецких отношений и о развитии двусторонних отношений.

Советник Посольства Республики Армения М. А. Бабаян отметила, что в 1993 г. Турция в одностороннем порядке разорвала дипломатические отношения с Арменией из-за войны в Нагорном Карабахе. Армения неоднократно после этого призывала Турцию восстановить отношения и открыть границу. По мнению М. А. Бабаян, ратификация протоколов, подписанных в Цюрихе – это риск и для Армении, и для Турции. Однако открытие границ крайне необходимо, оно будет способствовать стабильности в регионе, новым экономическим возможностям. В то же время, сказала М. А. Бабаян, признание Геноцида армян Турцией по-прежнему остается важной внешнеполитической задачей Еревана.

Советник М. А. Бабаян ответила на многочисленные вопросы присутствующих, обратив внимание на большой потенциал Спюрка: «У нас есть армянская диаспора. Это наше богатство. У нас нет нефти и газа, но у нас есть большая диаспора». Состоялась дискуссия о перспективах внешней политики Республики Армения с учетом фактора России и других великих держав. Следует особо поблагодарить преподавателя армянского языка Р. А. Сафарян за организационные усилия по проведению этого беспрецедентного для Н. Новгорода «круглого стола». Особую признательность факультет выразил руководству Нижегородской областной армянской общины за помощь в проведении встречи с дипломатами Армении.

2010-й год стал периодом обобщения результатов, достигнутых факультетом международных отношений ННГУ в сфере арменоведения. Прежде всего, вышли в свет две монографии по ключевым проблемам развития Республики Армения и армянской диаспоры. Ю. С. Асатрян, О. А. Колобов и А. А. Корнилов выпустили в свет монографию по геополитическим аспектам внешней политики Армении¹. В этой монографии изучаются исторические основы и трансформация геополитики Армении в древности, средневековье, новое и новейшее время. В научный оборот были введены оригинальные документы внешней политики Республики Армения. Авторы скрупулезно проанализировали особенности взаимоотношений Армении с Азербайджаном, Ираном, Грузией и Турцией. Нижегородские ученые уделили пристальное внимание реализации внешнеполитических интересов Российской Федерации на Кавказе, исследовали основные направления развития армяно-российского партнерства.

А. О. Егизарян и А. А. Корнилов опубликовали монографию, посвященную армянским общинам в регионе Ближнего Востока². В этой книге на солидной источниковой базе рассматриваются этапы и особенности становления и развития армянских общин в государствах Ближнего Востока: Иране, Турции и арабских странах. Авторы подробно анализируют деятельность Спюрка по сохранению национальной идентичности ближневосточных армян, исследуют ос-

¹ Асатрян Ю. С., Колобов О. А., Корнилов А. А., Геополитика Армении на Кавказе: генезис, историческая эволюция, перспективы, Н. Новгород - Саров, 2010.

² Егизарян А. О., Корнилов А. А., Армянские общины в странах Ближнего Востока: история, идентичность, институты, Н. Новгород-Саров, 2010.

новные принципы политики Республики Армения в отношении ближневосточных общин.

В том же году состоялась международная научная конференция «Армянская Апостольская Церковь и ее роль в сохранении идентичности армянского народа». С докладами выступили молодые ученые из Еревана – студенты Российско-Армянского университета и армянский священник из Санкт-Петербурга о. Ншан.

В 2010 г. вышел в свет пятый выпуск альманаха «НАИРИ», который открывался обращением господина Армена Смбадяна, который в 2002-2009 гг. был Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Армения в Российской Федерации. Пятый выпуск включает документальные, аналитические и литературно-художественные материалы, посвященные Геноциду армян, потому что в 2010 г. отмечались 95 лет трагедии. Второй раздел содержит статьи, имеющие отношение к внешней политике Республики Армения. Богато представлен раздел «Проблемы армянской диаспоры». Так, большое внимание уделяется программе «Ари Тун», спонсируемой Министерством РА по делам спюрка. В разделе «Культура Армении» впервые публикуются стихи русского поэта Федора Сухова из цикла «Тебе, Армения!». Рубрика «Армянская Апостольская Церковь» предлагает среди прочих материалов статью С. Г. Петикян «Правовой статус человека в Шаапиванских канонах 444 года».

Еще одна особенность пятого выпуска – расширение рубрики «Выдающиеся армяне – деятели науки и культуры». Историю делают люди, армянскую историю творили одаренные, творческие личности. «НАИРИ» рассказывает о гениальном ученом, профессоре Самвеле Кочарянце и актере с трагической судьбой Фрунзике Мкртчяне.

К 65-летию Великой Победы альманах предлагает статьи об участии армян в Великой Отечественной войне. Эта рубрика была полностью подготовлена студентами ФМО ННГУ. А. Мхитарян пишет статью «Кавказец» – стереотип, порождающий ксенофобию в современном российском обществе» для полемической рубрики «Политическая публицистика». Для студенческой молодежи представляет интерес раздел «Студенты ННГУ в Армении», который сообщает о результатах стажировки студентов ФМО ННГУ летом 2009 г. в государственных учреждениях Республики Армения. Пятый выпуск завершает раздел «Жизнь Нижегородской армянской общины».

2010 год был отмечен также официальным визитом делегации ФМО ННГУ в Республику Армения по приглашению Министерства диаспоры. Ученые ННГУ провели полезные переговоры в Ереванском государственном университете, Российско-Армянском (Славянском) университете, МИД и Министерстве диаспоры Армении. Состоялась встреча в Россотрудничестве при Посольстве РФ в Ереване и его руководителем В. В. Кривоусковым. Были налажены личные контакты в области академического сотрудничества.

Следующий год также внес вклад в развитие арменоведения. В апреле 2011 г. состоялась международная научная конференция «Армения в диалоге цивилизаций». Для участия в Н. Новгород приехали ученые, эксперты, дипломаты, журналисты России, Армении, Нагорно-Карабахской Республики, ФРГ. Это был

первый визит посла РА на нижегородскую землю. По итогам конференции был издан в прекрасном типографском исполнении сборник материалов¹. Благодаря конференции нижегородские арменоведы установили такие рабочие отношения с армянскими коллегами, которые дают ощутимый результат сегодня и имеют перспективу на много лет вперед.

В конференции также принял участие Чрезвычайный и Полномочный Посол Армении в РФ Олег Есаян. Посол был впечатлен увиденными результатами развития арменоведения и прямо на конференции объявил о своем решении: каждый год Посольство РА будет присуждать две денежные премии студентам ННГУ: одна студенту-армянину за научные достижения в области арменоведения, другая – студенту неармянского происхождения за успехи в изучении армянского языка. Следует также отметить неоценимый финансовый, организационный и просто человеческий вклад, который внесла областная общественная организация «Нижегородская армянская община» (председатель – Агаси Алекаян) в проведение столь значимой конференции.

Осенью 2011 г. нижегородские арменоведы установили научные связи с Институтом истории Национальной академии наук Армении и с аналитическим журналом «Регион и мир». Профессор А. А. Корнилов участвовал в международной научной конференции НАН Армении «Цивилизационный вклад Армении в историю Шелкового Пути»².

В 2012 г. по линии Россотрудничества в ННГУ стали поступать первые аспиранты из Армении. Они постепенно включаются в реализацию задач арменоведения ННГУ, готовят к защите кандидатские диссертации по историческим и политическим наукам.

Диалектический закон о переходе количественных изменений в качественные в полной мере проявился в случае с нижегородским арменоведением. Ректорат ННГУ, увидев значительные успехи в исследованиях, принял решение о создании центра арменоведения. Приказом ректора директором центра назначена Р. А. Сафарян, научным руководителем – А. А. Корнилов. Центр был открыт в торжественной обстановке 4 декабря 2013 г. с участием представителей армянской общины. Приехали гости из армянских общин Москвы (САР) и Казани. С 2014 г. центр действует в структуре вышеназванного ИМОМИ.

Таким образом, в период 2000-2013 гг. Программа арменоведения развивалась в следующих формах деятельности: 1) преподавание армянского языка, 2) научные конференции, 3) защита диссертаций, 4) научные публикации (монографии, статьи в различных изданиях, сборники статей и материалы конференций), 5) профильный журнал арменоведения – альманах «НАИРИ», 6) стажировки и практика студентов в Армении, 7) грант Посольства Армении в РФ, 8) ежегодные конференции по истории и культуре Армении, 9) десятки курсовых, дипломных и магистерских работ.

¹ Армения в диалоге цивилизаций. Материалы международной научной конференции, 28 апреля 2011 г. - Нижний Новгород, 2011, - 208 с.

² **Корнилов А. А.**, Геополитика современных российско-армянских отношений и ее влияние на проект «новый Великий Шелковый Путь», Цивилизационный вклад Армении в историю Шелкового Пути. Материалы международной научной конференции, 21-23.11.2011, Ереван, 2012, с. 254-269.

В течение всех этих лет в университете успешно работает Кабинет арменоведения, где преподается армянский язык, размещены библиотечные и ресурсы и лингафонное оборудование (грант Нижегородской армянской общины), проводится множество мероприятий и планируется деятельность центра, встречаются преподаватели и студенты по научным и учебным вопросам арменоведения.

Какие новые формы деятельности, кроме уже названных, внес центр арменоведения?

Лекторий. Лекции читают специалисты разных вузов и учреждений. Тематика лекций охватывает такие вопросы, как: «Мец Егерн», «Архитектура Еревана», «Великая Армения в период Тиграна II», «Специфика внешней политики Армении», «Царские династии Армении» и другие.

Презентации книг. В 2013-2014 гг. состоялись презентации книг Лидии Григорян и Виктора Коноплева¹.

Выставки. К великому (архиерейскому) освящению храма Сурб Аменапркич в Н. Новгороде 25 мая 2014г. была организована выставка картин из коллекций Нижегородского государственного художественного музея и документов Нижегородского областного архива, посвященных истории нижегородских армян.

Публикация учебно-методической литературы. Опубликован практикум «Процесс формирования внешней политики Республики Армения»².

Участие в создании Общества (Ассоциации) арменоведов России. Центр принимает участие в этой работе и оказывает содействие в объединении усилий арменоведов. Мы полагаем, что имеем право и обязаны делать это, поскольку центр завоевал академическое признание в Армении. Научно-образовательный фонд «Нораванк» указал центр арменоведения ИМОМИ ННГУ среди ведущих аналитических структур мира, занимающихся изучением РА, историей и культурой армянского народа на родине и в диаспоре³.

Перспективы и проблемы деятельности центра. Опыт предшествующих лет и стремительные изменения в международно-политических процессах 2014-2015 гг. делают настоятельным изучение следующих проблем:

- Преодоление последствий Геноцида армян: исторические, правовые, международно-политические, экономические аспекты.
- Меняющаяся роль Республики Армения в международных отношениях после вступления в Таможенный союз и Евразийский союз⁴.
- Приоритеты развития армянской диаспоры в России.
- Расширение гуманитарного сотрудничества с Республикой Армения.

¹ Григорян Л., Армянский Иерусалим. Повествование паломников, Нижний Новгород, 2013.; Коноплев В., Армения как состояние любви, Ереван, 2013.

² Корнилов А. А., Коротышев А. П., Сорокин А. С., Процесс формирования внешней политики Республики Армения. Практикум, Н. Новгород, 2014/ Фонд образовательных ресурсов ННГУ. Рег. номер 701.14.18 // Режим доступа: <http://www.unn.ru/books/resources.html>

³ Овян В., Актуальные проблемы зарубежных арменоведческих центров. 07.04.2014 / Аналитический журнал «Глобус». 2014 г. - № 3 // Режим доступа: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=12653

⁴ Серьезным импульсом к таким исследованиям служат сборники статей, публикуемые Ереванским государственным университетом. См. например: Внешняя политика Республики Армения. Проблемы и вызовы. Научно-практическая конференция, посвященная 22-летию независимости РА (17октября 2013 г.), Ереван, 2014.

- История деятельности армян в Нижегородском регионе. Издание объемного справочника «Выдающиеся армяне Нижнего Новгорода и Нижегородской земли» на основе неопубликованных документов нижегородских архивных учреждений.

Учитывая специфику научно-образовательного процесса ННГУ, процесса подготовки кадров для внешнеполитического комплекса РФ, считаем актуальным регулярную публикацию сборников оригинальных документов внешней политики Республики Армения.

Несмотря на успешную деятельность, в работе центра сохраняются некоторые проблемы. Они связаны, прежде всего, с потребностью более тесного взаимодействия и координации деятельности различных центров арменоведения, будь то в России, Армении или за их пределами. Обмен информацией, проведение совместных мероприятий, полагаем, значительно обогатят работу центра арменоведения ННГУ.

Всё вышесказанное говорит о динамичном развитии арменоведения в Нижегородском государственном университете. Развитие арменоведения, позволяет, на наш взгляд, решать следующие задачи. Во-первых, обучается новое поколение российских специалистов в области международных отношений и зарубежного регионоведения, знающих армянский язык, историю и культуру Армении. Они пополняют ряды специалистов, способных готовить и принимать ответственные государственные решения в пользу российско-армянского сотрудничества. Эти студенты уже сегодня становятся теми «послами Армении», о которых столь вдохновенно говорит Президент РА С. А. Саргсян. Однако «послами» не только Армении, но и России. Во-вторых, благодаря арменоведению меняется общественная атмосфера в студенческой среде. В реализации программы принимают активное участие как преподаватели и студенты русского (российского) происхождения, так и армяне. Представители разных народов лучше узнают друг друга и передают положительные этнические оценки друг другу. В-третьих, в ходе выполнения задач программы происходит сопряжение усилий науки (ННГУ) и общественной организации (Нижегородской областной армянской общины). Соединение научной мысли и общественно-политической практики выводит результаты деятельности центра арменоведения на уровень практической пользы для укрепления российско-армянского стратегического сотрудничества. В-четвертых, комбинированная программа арменоведения выступает самым убедительным аргументом в пользу того, чтобы назвать российско-армянское сотрудничество действительно международными отношениями. Именно в российских регионах оказывается возможным наладить и развивать добрые отношения между народами России и Армении.

АЛЕКСАНДР КОРНИЛОВ

ШАГИНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ

Во все времена, в годы самых серьезных испытаний источником духовности служила и служит литература. Литература утешала, вдохновляла, придавала уверенность, укрепляла волю, умножала энергию. В лице героев художественных произведений люди находили образцы мужества, бесстрашия, бескорыстия, трудолюбия и жизнестойкости. Обращаясь к литературному наследию великих писателей, человек приобретает нравственные ориентиры поведения в самых сложных жизненных обстоятельствах. Не случайно 2015 год – год новых угроз и рисков – объявлен годом литературы в России, и тем самым как бы подтверждается высокая, благотворная миссия художественного слова в жизни каждого человека. Можно ожидать, что в этот год, при прямой поддержке органов власти и инициативы гражданского общества, будут дополнительно созданы условия для развития художественного творчества писателей, поэтов, драматургов, для повышения интереса к чтению, к освоению великого наследия отечественных и зарубежных литераторов. Год литературы, можно надеяться, будет наполнен изданием как новых произведений современных писателей, так и переизданием шедевров прошлого, состоятся поэтические вечера, литературные чтения, читательские конференции. Потребность в этом не только сохраняется, но и возрастает.

Подтверждением этому может служить обращение к богатому литературному наследию Мариэтты Сергеевны Шагинян. Так, в 2014 г. по инициативе Нахичеванской-на-Дону армянской общины и ученых Южного федерального университета совместно с Донской государственной публичной библиотекой на базе Музея русско-армянской дружбы были проведены Первые Шагиняновские чтения.

При подготовке к чтениям была открыта выставка произведений М.С. Шагинян, которая пользовалась большим успехом у молодых читателей. Была разработана схема памятных мест в Нахичевани-на-Дону, где жила она, ее родители и родственники. Участники чтений прошлись по местам, связанным с именем писательницы. Они посетили Армянское кладбище, где нашли покой родители Мариэтты Сергеевны, побывали в нынешнем лицее № 13 – там (в то время в Екатерининской гимназии) училась Мариэтта Шагинян (см. рис. 1).

Рис. 1 Участники Шагиняновских чтений у здания бывшей Екатерининской женской нахичеванской гимназии (ныне - лицей № 13)

К Шагиняновским чтениям были подготовлены две книги. Одна о жизни и творчестве М.С. Шагинян, а другая включала автографы многих писателей, адресованных ей. В чтениях приняли участие 50 человек, из них 17 выступили с докладами и сообщениями. В конце силами преподавателей и студентов Ростовской консерватории им. С.В. Рахманинова был дан концерт из тех произведений, которые часто слушала М.С. Шагинян.

По итогам чтений был издан сборник материалов. Участники чтений отмечали многогранный талант писательницы. Все ее творчество было насыщено глубоким размышлениями о смысле жизни, о коренных проблемах человеческого бытия, о движущих мотивах поведения людей. Ее романы, повести, рассказы, пьесы, стихи, очерки и статьи отличаются высоким художественным вкусом, поисками оснований становления и развития человеческой личности, утверждением подлинных человеческих ценностей. Она в своем творчестве сочетала пылкость, основательность настоящего ученого и художника, владеющего в совершенстве многими приемами словесного выражения самых тонких человеческих чувств. Девизом своего творчества она избрала слова Гете: смысл, которых состоит в том, чтобы в жизни больше давать, чем брать.

Ее жизнь и творчество были в полном смысле слова самоотдачей. Непростым был ее путь и в жизни, и в творчестве. Об этом писала она сама: «Поиски мирозерцания, дающего положительное чувство мира, жажда ощущать мир, как «да», ныне сказали бы – «апологетическое» свойство, рожденное как раз от

остро переживаемого неблагополучия мира, от остро чувствуемой собственной обездоленности, и социальной и биологической, – заставляли меня постоянно хотеть разрешать на бумаге противоречия, неразрешимые для меня в жизни. Отсюда эта «объектность», к которой я постоянно стремилась в искусстве, воспитывавшая во мне все сильнее и сильнее способность понимать, но в то же время и грозившая все большей и большей абстрактностью, – я скудела как художник, вырастая как мыслитель и аналитик. Позднее, когда собственные минусы и плюсы стали мне ясны, огромные усилия делались мною, чтоб чувственно обогатить свою палитру, чтоб усилить эмоциональную сторону своего творчества, и эта борьба велась и ведется до сих пор с очень большим напряжением». Так она писала в 1934 году, когда ей исполнилось 46 лет.

Творческий вклад М. С. Шагинян в отечественную литературу высоко ценили ее современники. Она была удостоена многих правительственных наград. За произведение «Путешествие по Советской Армении» ей была присуждена Государственная премия.

«Она настоящий энциклопедист, – писал поэт Н. С. Тихонов – Мариэтта Сергеевна Шагинян представляет счастливое сочетание писателя, работающего на самом современном материале и обладающего одновременно всей богатейшей европейской культурой прошлого». Другой поэт, Алексей Сурков, подчеркивал гражданственность ее художественных творений. «Обозревая то, что создано Мариэттой Шагинян, диву даешься, поражаешься широте ее гражданских интересов, широте и разнообразию ее литературных поисков, дерзости и разнообразию ее жанровых, стилистических экспериментов».

3-4 апреля 2015 г. намечено провести Вторые Шагиняновские чтения по теме «Литературное наследие М. С. Шагинян и современность», которые помогут новому прочтению произведений писательницы, а также духовному обогащению каждого, кто прикоснется к животворному источнику мудрых мыслей и добрых чувств.

НИКОЛАЙ АВДУЛОВ

ՏԵՂԵԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

- Ավդուլով Նիկոլայ** Հարավային դաշնային համալսարանի Հյուսիսկովկասյան գիտական կենտրոնի առաջատար գիտաշխատող, պատմական գիտությունների թեկնածու, պրոֆեսոր
(avdulov@sfedu.ru)
- Հակոբյան Վիկտոր** Պյատիգորսկի պետական լեզվաբանական համալսարանի դոցենտ, պատմական գիտությունների թեկնածու (zaven2005@yandex.ru)
- Բազդիկով Գեորգի** Էկոլոգիայի և կենսագործունեության անվտանգության միջազգային ակադեմիայի իսկական անդամ, Ռուսաստանի լրագրողների միության անդամ, Դոնի գրողների միության անդամ (gmb1971@mail.ru)
- Բանա Օլգա** Հարավային դաշնային համալսարանի Ճարտարապետության ակադեմիայի ճարտարապետության, արվեստի և ճարտարապետական վերականգնման պատմության ամբիոնի դոցենտ (olabaeva@mail.ru)
- Գարդուլին Վլադիմիր** պատմաբան, «Հայազգ» հիմնադրամի առցանց հանրագիտարանի խմբագիր (histarmvrus@mail.ru)
- Գրիգորյան Սերգեյ** Ռոստովի մարզի Բնակչության զբաղվածության պետական ծառայության վարչության պետ (sznro@donland.ru)
- Դավթյան Դավիթ** Ուկրաինայի հայերի միության պատմամշակութային ժառանգության հարցերով հանձնաժողովի նախագահ, Ի. Ի. Մեչնիկովի անվան Օդեսայի ազգային համալսարանի ասպիրանտ (david.expert@sau.net.ua)
- Զուլումյան Բուրաստան** Ռուսաստանի գիտությունների ակադեմիայի Ա. Մ. Գորկու անվան համաշխարհային գրականության ինստիտուտի ՌԴ և ԱՊՀ ժողովուրդների գրականությունների բաժնի ավագ գիտաշխատող, Մ. Վ. Լոմո-

նոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարանի Ասիայի և Աֆրիկայի երկրների ինստիտուտի ավագ դասախոս, բանասիրական գիտությունների թեկնածու (lalazulum@mail.ru)

Կազանովիչ Բորիս Ռուսաստանի գիտությունների ակադեմիայի Սանկտ Պետերբուրգի պատմության ինստիտուտի առաջատար գիտաշխատող, պատմական գիտությունների դոկտոր (amabor@mail.ru)

Կազարով Սարգիս Հարավային դաշնային համալսարանի հնագիտության և հին աշխարհի պատմության ամբիոնի պրոֆեսոր, պատմական գիտությունների դոկտոր (serkazarov@yandex.ru)

Կազարովա Նինա Հարավային դաշնային համալսարանի Ռուսաստանի պատմության ամբիոնի վարիչ, պատմական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր (nin-k@yandex.ru)

Կարապետյան Լև Կրասնոդարի մշակույթի և արվեստի պետական համալսարանի պետության և իրավունքի պատմության և տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր, պատմական գիտությունների դոկտոր (leva.karapetyan.53@mail.ru)

Կորնիլով Ալեքսանդր Ն. Ի. Լոբաչևսկու անվան Նիժնի Նովգորոդի միջազգային հարաբերությունների և համաշխարհային պատմության ինստիտուտի հայագիտական կենտրոնի գիտական ղեկավար, արտասահմանյան երկրագիտության և տեղական պատմության ամբիոնի վարիչ, պատմական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր (armconf@mail.ru)

Կրասնոժոն Անդրեյ Կ. Դ. Ուշինսկու անվան Հարավային Ուկրաինայի ազգային մանկավարժական համալսարանի Ուկրաինայի պատմության ամբիոնի դոցենտ, պատմական գիտությունների թեկնածու (ahmar@mail.ru)

Ղազարյան Արմեն ՌԴ մշակույթի նախարարության արվեստագիտության պետական ինստիտուտի գիտական գծով փոխտնօրեն, արվեստագիտության դոկտոր, Հայաստանի

Հանրապետության ԳԱԱ արտասահմանյան անդամ
(armenkazaryan@yahoo.com)

Մատվեն Գերման Հարավային դաշնային համալսարանի սոցիոլոգիայի և գավառագիտության ինստիտուտի պրոֆեսոր, պատմական գիտությունների թեկնածու
(geram37@yandex.ru)

Մելքոնյան Վալերի Դոնի պետական տեխնիկական համալսարանի իրավունքի, սպասարկման և տուրիզմի ֆակուլտետի 4-րդ կուրսի ուսանող (flasdik@yandex.ru)

Միրզաբեկովա Նոնա «Կովչեգ Կավկազ» ամսագրի գլխավոր խմբագիր, Ինգուշեթիայի Հանրապետության մշակույթի վաստակավոր գործիչ (NND@aaanet.ru)

Պիվովարսկայա Կարինա Վ. Գ. Կորոլենկու անվան Պոլտավայի ազգային մանկավարժական համալսարանի իրավագիտության ամբիոնի վարիչ, պատմական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ (karinapivovarskaya@rambler.ru)

Սադրմ Կարինե Կուբանի պետական բժշկական համալսարանի փիլիսոփայության, հոգեբանության և մանկավարժության ամբիոնի դոցենտ, պատմական գիտությունների թեկնածու (karinakor@mail.ru)

Սայադով Սերգեյ Դոնի Ռոստովի ՌՏՀԿ «Նոր Նախիջևան» հայկական համայնքի գործադիր տնօրեն, Էկոլոգիայի և կենսագործունեության անվտանգության միջազգային ակադեմիայի իսկական անդամ, պատմական գիտությունների թեկնածու (ssayadov@hayazg.info)

Տիկիջյան Ռուսլան Դոնի պետական տեխնիկական համալսարանի պատմության և մշակութաբանության ամբիոնի վարիչ, պատմական գիտությունների թեկնածու
(ruslan.kazak61@gmaile.com)

Յանուկյան Տատյանա Պյատիգորսկի պետական լեզվաբանական համալսարանի գերմանագիտության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների թեկնածու (tgyan@mail.ru)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авдулов Николай** Ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского научного центра высшей школы Южного Федерального университета, кандидат исторических наук, профессор (avdulov@sfedu.ru)
- Акопян Виктор** Доцент Пятигорского государственного лингвистического университета, кандидат исторических наук (zaven2005@yandex.ru)
- Багдыков Георгий** Действительный член Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, член Союза журналистов России, Союза писателей Дона (gmb1971@mail.ru)
- Баева Ольга** Доцент кафедры истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета, кандидат исторических наук (olabaeva@mail.ru)
- Габдулин Владимир** историк, редактор Интернет энциклопедии фонда «Хайазг» (histarmvrus@mail.ru)
- Григорян Сергей** Начальник управления государственной службы занятости населения Ростовской области (sznro@donland.ru)
- Давтян Давид** Глава комитета по вопросам историко-культурного наследия Союза армян Украины, аспирант Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (david.expert@sau.net.ua)
- Зулумян Бурастан** Старший научный сотрудник Отдела литератур народов Российской Федерации и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, старший преподаватель Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук (lalazulum@mail.ru)
- Каганович Борис** Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук, доктор исторических наук (amabor@mail.ru)

- Казаров Саркис** Профессор кафедры Археологии и истории Древнего мира Южного Федерального университета, доктор исторических наук (ser-kazarov@yandex.ru)
- Казарова Нина** Заведующая кафедрой истории России Южного Федерального университета, доктор исторических наук, профессор (nin-k@yandex.ru)
- Казарян Армен** Заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор искусствоведения, иностранный член Национальной академии наук Республики Армения (armenkazaryan@yahoo.com)
- Карапетян Лев** Профессор кафедры теории и истории государства и права Краснодарского государственного университета культуры и искусств, доктор исторических наук (leva.karapetyan.53@mail.ru)
- Корнилов Александр** Заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории, научный руководитель центра арменоведения Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор (armconf@mail.ru)
- Красножон Андрей** Доцент кафедры истории Украины Южноукраинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского, кандидат исторических наук (ahmar@mail.ru)
- Матвеев Герман** Профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, кандидат исторических наук (geram37@yandex.ru)
- Мелконян Валерий** Студент 4 курса факультета Права, сервиса и туризма Донского государственного технического университета (flasdik@yandex.ru)
- Мирзабекова Нонна** Главный редактор журнала «Ковчег Кавказа», Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия (NND@aaanet.ru)
- Пивоварская Карина** Заведующая кафедрой правоведения Полтавского национального педагогического университета имени В. Г. Короленко, кандидат исторических наук, доцент (karinapivovarskaya@rambler.ru)

- Садым Каринэ** Доцент кафедры философии, психологии и педагогики Кубанского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук (karinakor@mail.ru)
- Саядов Сергей** Исполнительный директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», кандидат исторических наук, действительный член Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности (ssayadov@hayazg.info)
- Тикиджьян Руслан** Доцент кафедры История и культурология Донского государственного технического университета, кандидат исторических наук (ruslan.kazak61@gmale.com)
- Янукян Татьяна** Профессор кафедры германистики и межкультурной коммуникации Пятигорского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук (tgyan@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Akobyan Viktor** PhD in History, Associate Professor of Pyatigorsk State Linguistic University (zaven2005@yandex.ru)
- Avdulov Nikolay** PhD in History, Professor, leading researcher of the North Caucasian scientific center of higher school of the Southern Federal University (avdulov@sfnu.ru)
- Bagdikov Georgy** Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety, Member of the Russian Union of Journalists and the Union of Writers of Don (gmb1971@mail.ru)
- Bayeva Olga** PhD in History, Associate Professor of the Chair of History of Architecture, Art and Architectural Restoration of the Academy of Architecture and Arts, Southern Federal University (olabaeva@mail.ru)
- Davtyan David** Head of the Historical and Cultural Heritage Committee of the Union of Armenians of Ukraine, PhD student of Odessa National University after I. I. Mechnikov (david.expert@sau.net.ua)
- Gabdulin Vladimir** Historian, Editor of the Online Encyclopedia of the “Hayazg” Foundation (histarmvrus@mail.ru)
- Ghazaryan Armen** Doctor of Arts, Deputy Director for Research of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of RF, Foreign Member of NAS RA (armenkazaryan@yahoo.com)
- Grigoryan Sergey** Chief of the Rostov Regional State Employment Service (sznro@donland.ru)
- Kaganovich Boris** Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of History of St. Petersburg of the Russian Academy of Sciences (amabor@mail.ru)
- Karapetyan Lev** Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Krasnodar State University of Culture and Arts (leva.karapetyan.53@mail.ru)
- Kazarov Sargis** Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of Archeology and the History of the Ancient World, Southern Federal University (ser-kazarov@yandex.ru)

- Kazarova Nina** Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of History of Russia, Southern Federal University
(nin-k@yandex.ru)
- Kornilov Alexander** Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of Foreign Regional Studies and Local History, Scientific Supervisor of the Centre of Armenian Studies of the Institute of International Relations and World History, State University of Nizhni Novgorod after N.I. Lobachevsky (UNN)
(armconf@mail.ru)
- Krasnozhon Andrey** PhD in History, Associate Professor of the Chair of History of Ukraine, South Ukrainian National Pedagogical University after K. D. Ushinski (ahmar@mail.ru)
- Matveev German** PhD in History, Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
(geram37@yandex.ru)
- Melkonyan Valeri** Senior Student of the faculty of Law, Service and Tourism, Don State Technical University (flasdik@yandex.ru)
- Mirzabekova Nonna** Editor-in-Chief of the Journal “The Ark of the Caucasus”, Honored Worker of Culture of the Republic of Ingushetia
- Pivovarskaya Karina** PhD in History, Associate Professor, Head of the Chair of Jurisprudence, Poltava National Pedagogical University after V. G. Korolenko (karinapivovarskaya@rambler.ru)
- Sadym Karine** PhD in History, Associate Professor of the Chair of Psychology and Pedagogy, Kuban State Medical University
(karinakor@mail.ru)
- Sayadov Sergey** PhD in History, Executive Director of RRSO “Nakhichevan-on-Don Armenian community”, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety
(ssayadov@hayazg.info)
- Tikidgyan Ruslan** PhD in History, Associate Professor of the Chair of History and Culture Studies, Don State Technical University
(ruslan.kazak61@gaile.com)
- Yanukyan Tatyana** PhD in Philology, Professor of the Chair of German Studies and Intercultural Communication, Pyatigorsk State Linguistic University (tgyan@mail.ru)

Zulumyan Burastan PhD in Philology, Senior researcher of the Department of Literatures of the Peoples of the Russian Federation and Countries of the CIS of the Institute of World Literature after A. M. Gorky of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Institute of the Countries of Asia and Africa at Moscow State University after M. V. Lomonosov (lalazulum@mail.ru)

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

ՀՈԴՎԱԾՆԵՐ

Բորիս Կազանովիչ

Ս. Ֆ. Օլդենբուրգը և Ն. Յ. Մառը. հայացք XXI դարից 3

Սերգեյ Գրիգորյան

Եվրասիական տնտեսական միությունը. Հայաստանից մեկնած
աշխատանքային միգրանտների պայմանների բարելավումը 16

Լև Կարապետյան

Ազգերի ինքնորոշման իրավունքի սկզբունքը հայկական քաղաքական
կուսակցությունների պետական-իրավական գաղափարախոսության
մեջ XIX-XX դարերի սահմաններին..... 23

Վիկտոր Հակոբյան

Հայկական ազգային տարածաշրջան Կուրբանում. կրթություն,
կարգավիճակ, քաղաքական գործընթացներ 31

Կարինե Սադրով

Հայկական հասարակական կազմակերպությունները Կուրբանում
XIX դարի վերջին – XX դարի սկզբին 46

Սերգեյ Սայադով

Հայաստանի պատմությանը նվիրված Ս. Ն. Գլինկայի աշխատությունների
գնահատականը ռուսական և հայկական պատմագրություններում..... 52

Արմեն Ղազարյան

Արջո Առիչից մինչև Սրեն: 1920 թ. և 2013 թ. Տեկորի շրջակայքի
հուշարձանները ուսումնասիրած արշավախմբերի աշխատանքների
համեմատական վերլուծություն..... 65

Դավիթ Դավթյան, Անդրեյ Կրասնոժոն

Դնեստրի վրա գտնվող Բելգորոդի միջնադարյան հայկական
արձանագրությունները..... 77

Բուրաստան Զուլումյան

Վահան Տերյանի «Երկիր Նաիրին» և Եղիշե Չարենցի «Տաղարանը»..... 85

ԴՈՆԻ ՆԱԽԻՋԵՎԱՆ. ԱՆՅՅԱԼՆ ՈՒ ՆԵՐԿԱՆ

Սարգիս Կազարով

Քաղաքային կառավարման մարմինների գործունեությունը Դոնի
Նախիջևանի բարեկարգման ուղղությամբ (XIX դարի երկրորդ կես – XX
դարի սկիզբ)..... 99

Նինա Կազարովա

Հայկական հարցը 1914 թ. մամուլում («Պրիագովսկի կրայ» թերթի
նյութերի հիման վրա) 106

Ռուսլան Տիկիջյան, Վալերի Մելքոնյան	
Դոնի հայերի էթնո-սոցիալական ընկերությունը. զարգացման հիմնական փուլերն ու ներկա վիճակը.....	111
Օլգա Բանա	
Ներքին Դոնի հայերի քաղաքաշինության և ճարտարապետության պատմությունը ռուսական պատմագիտության մեջ և թեմատիկայի զարգացման հեռանկարը	122
Գերման Մատվեն	
Դոնի հայերի ներդրման մասին հայկական, ռուսական և Դոնի տարածաշրջանային ենթամշակույթի մեջ	131
ԳՐԱԽՈՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ	
Ռուսլան Տիկիջյան	
Ս. Ս. Ստեփանյանց (Քերթոդ), Կազակության պատմությունը Հայաստանում	140
Վլադիմիր Գաբրուլին	
Ս. Ս. Սայադով, Ռուսական հայագիտության ակունքներում.....	142
Նոնա Միրզաբեկովա	
Ա. Կ. Մացանով, Սև կռունկներ.....	147
Տատյանա Յանուկյան	
Վ. Զ. Հակոբյան, Արդվին: Ճորոխի ափին լքված հայրենիքը.....	150
Գեորգի Բագդիկով	
Վ. Վ. Սմիրնով, Դոնի Նախիջևանի տարեգրություն.....	152
ԳԻՏԱԿԱՆ ԿՅԱՆՔ	
Ալեքսանդր Կորնիլով	
Նիժնի Նովգորոդի պետական համալսարանի հայագիտական կենտրոն	155
Նիկոլայ Ավդուլով	
Դոնի Նախիջևանում շահինյանական ընթերցումներ.....	164
Տեղեկություններ հեղինակների մասին	167

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

Борис Каганович

С. Ф. Ольденбург и Н. Я. Марр: взгляд из XXI века 3

Сергей Григорян

Евразийский экономический союз: улучшение условий трудовой миграции из Армении 16

Лев Карапетян

Принцип права наций на самоопределение в государственно-правовой идеологии армянских политических партий на рубеже XIX-XX вв. 23

Виктор Акопян

Армянский национальный район на Кубани: образование, статус, политические процессы 31

Каринэ Садым

Армянские общественные организации на Кубани в конце XIX – начале XX вв. 46

Сергей Саядов

Оценка сочинений С. Н. Глинки по истории Армении в русской и армянской историографии 52

Армен Казарян

От Арджо Арича до Мрена. Сравнительный анализ работы экспедиций 1920 и 2013 годов, изучавших памятники в окрестностях Текора 65

Давид Давтян, Андрей Красножон

Армянские надписи из средневекового Белгорода на Днестре 77

Бурастан Зулумян

«Страна Наири» Ваана Терьяна и «Тагаран» Егише Чаренца 85

НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Саркис Казаров

Деятельность органов городского управления по благоустройству Нахичевани-на-Дону (вторая половина XIX - начало XX веков) 99

Нина Казарова

Армянский вопрос в зеркале прессы 1914 года (по материалам газеты «Приазовский край») 106

Руслан Тикиджьян, Валерий Мелконян

Этносоциальное сообщество донских армян: основные этапы становления и современное состояние 111

Ольга Баева

История градостроительства и архитектуры армян Нижнего Дона в российской историографии и перспектива развития тематики 122

Герман Матвеев

О вкладе донских армян в армянскую, российскую и региональную донскую субкультуру 131

РЕЦЕНЗИИ

Руслан Тикиджьян С. М. Степанянц (Кертох), История казачества в Армении.....	140
Владимир Габдулин С. М. Саядов, У истоков русского арменоведения.....	142
Нонна Мирзабеква А. К. Мацанов, Чёрные журавли	147
Татьяна Янукян В. З. Акопян, Артвин. Оставленная родина на берегу Чороха.....	150
Георгий Багдыков В. В. Смирнов, Летопись Нахичевани-на-Дону	152

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Александр Корнилов Центр арменоведения Нижегородского госуниверситета.....	155
Николай Авдулов Шагиняновские чтения в Нахичевани-на-Дону	164
Сведения об авторах	170

CONTENTS

ARTICLES

Boris Kaganovich S. F. Oldenburg and N. Y. Marr: a Glance from XXI Century.....	3
Sergey Grigoryan Eurasian Economic Union: Improvement of the Conditions of Labor Migrants from Armenia	16
Lev Karapetyan Nation's Right to Self-Determination in the State-Legal Ideology of the Armenian Political Parties in XIX-XX Centuries.....	23
Viktor Hakobyan Armenian National Region in Kuban: Education, Status, Political Processes	31
Karine Sadum Armenian Public Organizations in Kuban at the End of XIX Century and at the Beginning of XX Century.....	46
Sergey Sayadov The Evaluation of S. N. Glinka's Works on the History of Armenia in the Russian and Armenian Historiography	52
Armen Ghazaryan From Arjo Arich to Mren: Comparative Analysis of the Work of 1920 and 1923 Expeditions Having Studied the Monuments in the Vicinity of Tekor.....	65
David Davtyan, Andrey Krasnozhan Medieval Armenian Inscriptions in Belgorod on Dniester	77
Burastan Zulumyan “Land of Nairi” (“Yerkir Nairi”) by Vahan Teryan and “Tagharan” (“A Collection of Poems”) by Yeghishe Charents.....	85

NAKHICHEVAN-ON-DON (NEW NAKHICHEVAN): PAST AND PRESENT

Sargis Kazarov The Activities of the Municipal Government on the Improvement of Nakhichevan-on-Don (second half of XIX – beginning of XX centuries).....	99
Nina Kazarova The Armenian Question in the Press of 1914 (according to the materials of the newspaper “Priazovski Krai” (“Azov Region”))	106
Ruslan Tikijyan, Valery Melkonyan Ethno-Social Community of the Armenians of Don: Main Stages of Development and the Current State	111
Olga Bayeva The History of Town Building and Architecture of the Lower Don Armenians in Russian Historiography and the Prospect of Subject Area	122
German Matveev On the Contribution of the Don Armenians in Armenian, Russian and Regional Don Subculture.....	131

REVIEWS

Ruslan Tikijyan	
S. M. Stepanyants (Kertogh), History of Cossacks in Armenia.....	140
Vladimir Gabdulin	
S. M. Sayadov, Sources of Russian Armenian Studies	142
Nonna Mirzabekova	
A. K. Matsanov, Black Cranes	147
Tatyana Yanukyan	
V. Z. Hakobyan, Artvin. The Birthplace Left on the Bank of Chorokh	150
George Bagdikov	
V. V. Smirnov, Chronicle of Nakhichevan-on-Don.....	152

SCIENTIFIC LIFE

Alexander Kornilov	
Armenian Studies Center of Nizhny Novgorod State University.....	155
Nikolay Avdulov	
Shahinyan Readings in Nakhichevan-on-Don	164
Information about the authors	173

ՀԱՅԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԵՐ

ՀԱՆԴԵՍ

2 (5)

Սրբագրիչ՝ Վ. Դերձյան
Համ. ձևավորումը՝ Ա. Աղուզումցյանի
Կազմի ձևավորումը՝ Ա. Ստեփանյանի

Չափսը՝ 70x100 1/16:
Տպագրությունը՝ օֆսեթ: Թուղթը՝ օֆսեթ:
Տպաքանակը՝ 300:

ԵՊՀ հրատարակչություն, Երևան, Ալ. Մանուկյան 1

Ի ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ ՀԵՂԻՆԱԿՆԵՐԻ

Հոդվածները ներկայացնել էլեկտրոնային կրիչով (տեքստը՝ Word, նկարները՝ TIFF կամ բարձրորակ JPG): Հիմնական լեզուն հայերենն է, ընդունվում են նաև ռուսերեն, անգլերեն, ֆրանսերեն, գերմաներեն հոդվածներ, որոնք պետք է ունենան ամփոփում (հայերեն տեքստի դեպքում՝ անգլերեն և ռուսերեն, այլ լեզուների դեպքում՝ հայերեն և ռուսերեն, շուրջ 300 բառ):

Չափանիշներն են՝

1. Տառատեսակը հայերեն՝ Sylfaen, այլ լեզուներինը՝ Times New Roman:

2. Տառաչափը՝ 12, միջտողային բացատը՝ 1.5:

3. Հոդվածի սկզբում դրվում է հեղինակի անուն, ազգանունը (զվաստառերով), վերնագիրը (զվաստառերով), հոդվածի վերջում նշվում է հեղինակի գիտական աստիճանն ու կոչումը, աշխատանքի վայրը, պաշտոնը, հեռախոսահամարը և էլեկտրոնային փոստի անվանումը (հեռախոսահամարը և էլեկտրոնային անվանումը տպագրվում են հեղինակի համաձայնությամբ):

4. Հղումները տրվում են տողատակում՝ աճման կարգով, տառաչափը՝ 10, նշվում է աղբյուրի հեղինակը, վերնագիրը, հատորը, հրատարակության տեղը, տարեթիվը (մամուլի դեպքում՝ նաև համարը) և էջը:

5. Տալ բանալի բառեր:

Հոդվածները ներկայացնել՝

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտ, Ալեք Մանուկյան 1, ԵՊՀ 2-րդ մասնաշենք, 5-րդ հարկ, 511 սենյակ, «Հայագիտության հարցեր» հանդեսի խմբագրություն (*info@armin.am*), հեռ. +374 60 710092

NOTICE FOR THE AUTHORS

The articles should be represented in USB flash drive (text should be in Microsoft Word Document, pictures – TIFF or JPG). The main language of the article is Armenian (with summary in English and in Russian, about 300 words), if the articles are in Russian, English, French, German there should be a summary in Armenian and in Russian (about 300 word).

The criteria are the following:

1. Theme font – Sylfaen (in Armenian), Times New Roman (in other languages)

2. Font Size – 12, Line Space – 1.5

3. At the beginning of the article there should be the name and surname of the author (uppercase), the title (uppercase), at the end of the article there should be the academic degree of the author, workplace, position, telephone number and E-mail (telephone number and e-mail are published according the author's agreement)

4. The references should be footnoted; font size- 10, the author, the title, volume, place and date of publication (also the number, if the article was published in magazine) and the page should be mentioned.

5. To write key words.

The articles are accepted in the Institute for Armenian studies of YSU, Alex Manoogian 1, YSU 2nd annex, 5th floor, room N 511, the editorial office of the bulletin “Armenological Issues” (*info@armin.am*), tel.: +374 60 710092

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Статьи необходимо представлять на электронном **флеш-накопителе** (текст – Word, фотографии – TIFF или JPG в высоком качестве). Основной язык – армянский, принимаются также статьи на русском, английском, французском и немецком языках, которые должны иметь резюме (в случае армянского текста – на английском и русском языках, в случае других языков – на армянском и русском, около 300 слов).

Параметры

1. Шрифт армянского языка - Sylfaen, других языков - Times New Roman.

2. Размер шрифта – 12, межстрочный пробел - 1.5.

3. В начале статьи дается имя и фамилия автора (заглавными буквами), заголовок (заглавными буквами), в конце статьи отмечается ученая степень автора, место работы, должность, номер телефона и адрес электронной почты (номер телефона и адрес электронной почты печатается с согласия автора).

4. Ссылки даются под строкой в порядке возрастания, размер шрифта - 10, дается автор источника, заголовок, том, место и год издательства (в случае прессы также и номер) и страница.

5. Дать ключевые слова.

Статьи принимаются в

Институте арменоведческих исследований ЕГУ,

Алека Манукяна 1, 2 корпус ЕГУ, 5-й этаж, комната 511, редакция журнала «Вопросы арменоведения» (*info@armin.am*), тел.: +374 60 710092